

**КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
БЮЛЛЕТЕНЬ**

**2
1997**

Сахалинский
областной
краеведческий
музей

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

Южно-Сахалинский
государственный
педагогический
институт

*ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
САХАЛИНА, КУРИЛ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ
ТЕРРИТОРИЙ*

2

1997

Сахалинский
центр
документации
новейшей
истории

СОДЕРЖАНИЕ

Сахалинская и Курильская историческая библиотека

Сахалинская
областная
универсальная
научная
библиотека

Сиратори Куракити. О Сахалине в китайскую эпоху Тан. Перевод с японского и примечания И.Б. Богаченко, подготовка к печати Е.В. Зарембо, вводная статья М.С. Высокова . . . 3

Статьи и сообщения

Сахалинский
фонд
культуры

В.Л. Подпечников. История населенных пунктов Рыбновского побережья . . . 79
ИГ, Кудрявцев. Из истории налоговой политики ДРВ в деревне (1921 - 1922 гг.) . . . 99
Г.В. Боровской. А.Т. Коньков, И.Ф. Подлубная. Социологический обзор политической ситуации в Сахалинской области по итогам выборов 1990 - 1994 гг. (Окончание) . . . 105

Общество
изучения
Сахалина
и Курильских
островов

К 50-летию Сахалинской областной универсальной научной библиотеки

В.А. Малышева. Научно-исследовательская работа Сахалинской областной универсальной библиотеки . . . 133

В.В. Тесленко. Из истории селекции многолетних трав на Сахалине: к 100-летию селекционной работы в сахалинском научно-исследовательском институте сельского хозяйства.....152

Критика и библиография

И.А. Самарин. Рецензия на книгу Горбунова С.В. Прокофьева М.М. «Археологические памятники острова Моне-рон».....158

Журнал основан в 1990 году. Выходит 4 раза в год.

Главный редактор - М.С. Высоков.
Редакционная коллегия: Р.А. Блинова, В.Г. Борисова.
А.А. Василевский, Т.Т. Даниленко, Е.В. Зарембо.
М.И. Ищенко, А.И. Костанов, О.П. Кузнецов,
В.М. Латышев, Е.Н. Лисицына. В.А. Малышева.
Л.С. Тварковский, О.А. Шубина

Оформление художника А.Я. Мезиса

Адрес редакции: Россия, 693000, Южно-Сахалинск, Коммунистический пр., 33, каб. 5, Сахалинский центр документации новейшей истории.
Телефон редакции 2-21 -36.

Данный номер «Краеведческого бюллетеня» издан при финансовой поддержке компании «Сахалинская Энергия», всемерно поддерживающей развитие науки и культуры на Сахалине.

Лицензия ЛР № 040429.

Сдано в набор 20.03.97. Подписано к печати 27.05.97 Формат 60x84 1/16 Печ. л. 10.
Тираж 400 экз Цена договорная.

При перепечатке ссылка на «Краеведческий бюллетень» обязательна.

© Общество изучения Сахалина и Курильских островов.

Издательство Южно-Сахалинского пединститута.

693008, Южно-Сахалинск, ул. Ленина, 290.

Отпечатано в РИО Южно-Сахалинского ГПИ

Сахалинская и Курильская историческая библиотека

Сиратори Куракити

О Сахалине в китайскую эпоху Тан (1)

От редактора

В истории каждого народа есть периоды, о которых он многие столетия спустя с грустью и восхищением вспоминает как о своём "золотом веке", времени наивысшего подъёма страны, державного величия, невиданного культурного взлёта. Для Китая таким "золотым веком" была эпоха Тан.

Время правления династии Тан (618 - 907 гг.) занимает совершенно исключительное место в многотысячелетней истории Китая. Впервые после более четырёх столетий смуты, раскола и междоусобных войн Китай вновь стал единой, сильной и процветающей державой. Первые правители танского Китая твёрдой рукой покончили с крестьянскими восстаниями и сепаратизмом, на некоторое время прекратили истощавшие казну гигантские престижные стройки, создали эффективную систему государственного управления. Мудрая аграрная политика новой династии привела к быстрому подъёму экономики, значительному росту налоговых поступлений и укреплению финансов страны.

Одной из наиболее ярких черт танского Китая была его открытость для внешнего мира, готовность усваивать всё иностранное. Именно космополитическая пестрота жизни делала его столь непохожим на привычный нам образ Китая. В свою очередь, Китай в эпоху Тан оказывал огромное влияние на все соседние страны и народы. Для многих из них танский Китай стал своеобразной универсальной моделью, которую стремились, приспособив к местным условиям, построить у себя дома.

Эпоха Тан была временем расцвета как внутренней, так и

внешней торговли. Китай торговал с оазисными государствами Средней Азии, Ираном, арабами, Индией, странами южных морей, Кореей, Японией, Бохаем. Во многих китайских городах существовали колонии иностранных купцов. Широкое распространение в период Тан получили дипломатические связи Китая с зарубежными странами в виде обмена посольскими миссиями. Первая половина правления династии Тан была периодом завоеваний. В результате многочисленных и в целом успешных войн, танскому Китаю удалось подчинить себе тюрков, государства Восточного Туркестана, Северный Вьетнам, корейские государства Когуре и Пэкче. Войнам часто предшествовали разведывательные экспедиции, в ходе которых китайцами были собраны многочисленные сведения о сопредельных и далёких странах и народах.

Торговцы, послы, военные, разведчики - все они везли в танский Китай информацию как о близких, так и о дальних странах и народах. В числе этих народов были и народы Сахалина. Значительная часть сведений сохранилась в дошедших до нас исторических хрониках.

Вниманию читателей "Краеведческого бюллетеня" предлагается перевод работы японского исследователя Сиратори Куракити "О Сахалине в китайскую эпоху Тан". Данная работа была впервые опубликована в Японии в 1907 г. на страницах сборника "Историческая география". Сиратори Куракити показал блестящее знание китайских династийных хроник как эпохи Тан, так и источников более позднего времени. Используя их, он смог до мельчайших подробностей реконструировать жизнь народов Сахалина в эпоху Тан. Мы же, сопоставив работу Сиратори Куракити с данными современной археологии, этнографии и фольклора, можем довольно ясно представить себе жизнь народов, населявших остров Сахалин в эпоху средневековья.

М.С. Высоков

Предисловие

С тех пор как в 1875 году (2) наша страна в обмен на Курильские острова отдала России остров Сахалин многие успели несколько подзабыть историю данного острова. В связи с этим я беру на себя смелость напомнить читателю сахалинскую историю.

В результате блестящей победы в войне (3) Южный Сахалин был возвращен нашей стране. Вполне естественно, что за такую победу все мы премного благодарны нашей славной армии. Важнейшим следствием победы стало всестороннее развитие на вновь обретенных территориях, всех отраслей хозяйства (прежде всего таких, как рыболовство, сельское хозяйство, торговля). Вместе с тем на возвращенной части острова не должна рассматриваться как нечто второстепенное научная деятельность (в частности, этнография, география, лингвистика, фольклор, изучение нравов и обычаев некоторых коренных народов, с глубокой древности проживавших на вновь присоединенных к нашим владениям землях). Именно такой подход вплотную подводит нас к всеобъемлющему исследованию Сахалина. Другим же людям, ничего не остается, как выполнить до конца свой патриотический долг, дотошно и скрупулезно изучая старинные фолианты по Сахалину, а затем, кропотливо списывая страницы этого журнала, отдать должное славной победе в войне своими выводами. Тем более думается, что мой труд не напрасен и является данью чести и моим вознаграждением за жертвы.

Итак, на основе своих исследований я пришёл к выводу, что с древних времён жившие в бассейне реки Хэйлунцзян (4) этносы имели непосредственные контакты с отдельными территориями Китая. Назывались эти этносы в разные времена по-разному: в эпоху Чжоу (5) - Сушень (6); в период Сань го (7) - Юйлоу (8), во времена Вэй (9)- Уцзи (10), в эпохи Суй и Тан (11) - Мохэ (12).

Тем не менее, все эти народности можно было рассматривать как относящиеся к варварской культуре. Более того, их связи с областями и провинциями Китая были настолько нерегулярны, что очень долгое время о предыстории (происхождении, географии расселения, оседлости и кочевании: этнодвижение, этномиграция, этносмешение), нравах и обычаях, во всём цивилизованном мире никаких данных не сообщалось. Я не сомневался, что могу столкнуться

с трудностями в том, что о территориях, расположенных далеко на Севере, таких как Сахалин, старинные источники или умалчивают, или слишком скупы на информацию. Таким образом, приходилось дотошно изучать все то, что имелось в наличии.

В то время китайский военачальник Тайцзун, получив в наследство в эпоху Тан раздробленную на княжества страну, под страхом уничтожения подчинил себе территории народа жунти (юго-восток Китая), тем самым положив начало объединению страны, и, как следствие - периоду процветания. Амбиции и устремления китайского двора воздействовать на нравы и обычаи всех окружающих Китай варварских народов были настолько сильны, что тем народам вновь и вновь приходилось откупаться данью, делая это непрерывно, тем самым попадая в зависимость и оказываясь под влиянием китайской культуры. Именно тогда, когда впервые направленный Китаем посланник в Корею получил от северных варваров дары для подношения императору, в Китае появляются первые сведения о Сахалине. Возможно, именно с этого момента остров стал правильно представляться в китайских древних рукописях и называться Карафуту. Но необходимо знать, с каких времён точно остров приобрёл это название.

Прежде всего, полагаю, что камнем преткновения для исследователей стал вопрос о том, какая именно территория в эпоху Тан носила название Люгуй (13). Изучив старые китайские рукописи, я пришёл к некоторым выводам, о которых и попытаюсь рассказать. О стране Люгуй стало известно из древней рукописи «Тундянь», которая в дальнейшем стала хорошим справочным пособием для моих исследований.

В одном из свитков «Тундянь» (свиток 200) сообщается: «Если передвигаться на север по морю, то на севере встречается страна Люгуй; ещё севернее находится страна Еча (14); с трех сторон Люгуй окружён Большим морем (океаном); океан бескраен; к югу же, в 15-ти днях плавания кораблём, будет местность, занимаемая народом мохэ; фортификаций по берегу страны Люгуй не замечено; прилегающие острова сильно разбросаны вдоль морского побережья; ямы и впадины у берега - в несколько чи; берега местами покатые, поросли густой растительностью, использующейся для сооружения жилья; люди, обитающие там носят одежду из шкур и кожи;

собачий мех вперемешку с пенькой используется ими как подбивка к одеялам и одежде; суровыми зимами люди носят одежды из кабаньих и оленьих шкур; летом - в основном, одежды сшитые из рыбьей кожи; метод выделки кожи такой же, как и у ляо; местность сильно заболочена, болота зимой полностью промерзают; питаются аборигены преимущественно солёной рыбой; климат ужасно холодный; рано наступают заморозки и выпадает снег; люди для передвижения зимой поверх снега надевают на ноги снежных коней из дерева, в поперечнике 6 сун и длиной в среднем 7 чи и более; нить аборигены делают из пеньки и рыбьих жил; ледяные сосульки гигантские; распространено животноводство и охота; мужчин-воинов - около 10000 человек; законы морали и нормы этикета среди аборигенов не развиты; отсутствуют какие-либо административные органы; четырех сезонов не различают; конфликтуют с соседними племенами, периодически делая на них набеги и грабя; очень воинственны; грубы; луки их длиной свыше 4-х чи; стрелы делают из бамбука, как в Китае; наконечники для стрел точат из камня, кости и природных кристаллов; очень любят песни и пляски; траур по усопшим в семье длится 3 года; нет излишества в одежде во время траура (не носят украшений); торгуют и обмениваются только с мохэ, а мохэ - посредники в торговле с нами; в хозяйстве - патриархальный родовой уклад; все беспрекословно подчиняются старейшине рода; посланники Китая здесь были 3 раза за последние 14 лет; приезжают иностранцы преимущественно для сбора дани; которая передаётся в начале мохэ; лошадей люди Люгуй не знают, пугаются их; если оседлав лошадь, посадить на неё аборигена, тот в ужасе падает вниз головой; страна северных еча находится севернее в одном месяце пути; огромна и безгранична страна Люгуй, и совсем не исследована, не говоря об освоении её...»

В китайской хронике «Син Тан шу» (свиток 220) говорится: «...Люгуй расположен к северо-востоку от Мохэ на расстоянии 5 тысяч ри от столицы Китая; эта страна будет, если от Мохэ плыть в сторону народа хэйшуй-мохэ; Люгуй с 3-х сторон окружён морем; земля его совершенно неизведанна; население похоже на островитян-аборигенов; много болот и воды; население в пищу преимущественно употребляет засоленную рыбу; климат очень холодный; снежный покров очень большой; деревья в охвате до 6 сун, а высота их 74 и

выше; нагромождения льда; сосульки гигантского размера; погон скота развит и много собак; одежда местного населения из шкур; само местное население ужасно волосато; зерновое просо, культивируемое в тех местах, больше напоминает сорную траву; не культивируются другие злаки, овощи и зелень; местных воинов около 10 000 человек; соседствуют с расположенными на юге мохэ; если проплыть кораблём на юго-восток, то через 15 дней будешь у мохэ; посланцы Китая появляются здесь вот уже в течение 14 лет; им постоянно подносятся дары в виде собольего меха; 3 раза посланники собирали с аборигенов дань; посланники командированы военачальником Цзы Ду Вэй (15)...»

Итак, существует проблема: неясно, какая из описанных в этих 2-х документах земля называется Люгуй. Более того, сами же китайские источники несколько не проясняют направление к этой земле, поскольку точные румбы не указываются. В среде же учёных - исследователей данного вопроса, - живших в те времена, существовали отличные друг от друга интерпретации спорного вопроса. А по сему до некоторых пор проблема - какую же землю описывали древние фолианты - оставалась открытой. В тексте одной древней китайской рукописи под названием «Хэбункайто» (16) упоминается остров Тайчжоу (17) и приводится прямое указание на соответствие по описаниям этого острова с нынешним Сахалином. Автор документа, посланник династии Да-цзин в провинциях, полагал, однако, что данная территория под названием Тайчжоу есть часть нынешней Камчатки. Текст трактата «Цинь шу» гласит: «... Тайчжоу - длинный «замок»; находится он на северо-востоке, посреди Великого моря (18), как раз напротив устья реки Хэйлунцзян, протяжённость его с севера на юг более 2 тыс. ри; с запада на восток - несколько сот ри; с устья Хэйлунцзян видна самая близкая точка берега той земли, и самая узкая ширина той земли - всего лишь 100 ри; даже есть возможность схематично описать изгибы гор с полными названиями всех пиков; горы покрыты растительностью; трава, растущая там, чем-то напоминает согуру (19); на острове больших водоёмов около десятка или более; водоёмы поросли лесом очень густо; реки впадают в море как с восточного, так и с западного побережья; в хронике «Синь Тан шу» указано название Люгуй; расположено это место в 5 тысячах ри от столицы; расположена страна к северо-востоку от народности мохэ до Хэйшуй (20); с 3-х сторон омывается морями; туземцы,

похоже, островитяне; главная их пища - солёная рыба...» Именно это сказано и в китайском трактате «Хэбункайто», который, ссылаясь на «Синь Тан шу» и «Тундянь», говорит также о некоем месте, под названием Люгуй. Тогда есть основание полагать, что Тайчжоу - ни что иное, как остров Сахалин, который в географических источниках эпохи Тан назван Люгуюем. Самое же странное, что во всех источниках древнего Китая Люгуй описан как часть территории Камчатки!

По мнению некоего Цю Тао, написавшего отчёт об исследовании Куе и Тинчжу (21) «...так называемый Люгуй, указан в китайских источниках как земля в 5-ти тысячах ри от столицы на северо-восток, омываемая на северо-востоке Малым морем, и с трёх сторон окружённая водой; местные жители - аборигены, похожие на островитян, в пище которых преимущественно солёная рыба; согласно древним фолиантам - посланиям и отчетам - Люгуй расположен по пути продвижения на север, к Северному морю. Есть подозрение, что Куе как-то относится к территории Люгуюя; министр Цю Тао с почтением выносит на высочайшее рассмотрение императора свою мысль о том, что остров Люгуй с трех сторон только окружён морем - недоказанная догадка, поскольку с одной стороны, на западе от этой земли, прослеживается материковая суша, от которой отстоит Куе и находится в центре морских просторов; возможно, что этот Люгуй - совершенно ещё не освоенная и неизвестная земля; и возможно, что Тинчжу и Люгуй - нераздельные понятия; это неразделение, с точки зрения стратегии, очень удачно, поскольку, как мне мыслится, вначале Куе должен быть именно опорным пунктом для освоения этих территорий; итак, считать одной территорией земли Куе и Тинчжу и можно и нельзя, но и нет возможности, как-либо проверить всё точно; Люгуй с востока, юга и запада омывается морями, на севере местные жители имеют контакты между собой; местное население использует метод улучшения общин, отправляя старых и больных в северные части земель; и поэтому старого населения на Люгуюе почти нет. Это моё исследование касалось только западной части Люгуюя: а именно той части, которая расположена как раз напротив северо-восточной провинции Хэйлунцзян, а также Бохайского залива (22) и океана; в старинных записях относительно этих территорий сказано, что на севере есть Малое море, которое омывает земли, принадлежащие северо-восточным мохэ и многим другим

племенам мохэ по Хэйшуй. И так, уже установлено, что земли Куе расположены напротив Люгуя и даже зафиксированная на карте часть имеется в наличии. По мысли Инь Сянь (23), страну Куе можно назвать страной старых женщин и волосатых мужчин; обо всём с почтением желаю сообщить в своем отчёте Вашему Величеству...»

На основании текста вышеприведённого документа, можно сделать вывод, что его автор в своё время посетил Камчатку находящуюся ныне в подчинении России и сделал по свидетельствам аборигенов записи о Люгую. Хотя и присоединил, отчасти, Люгуй к Камчатке.

Даже в среде западных учёных-исследователей, таких, как, например Догин (Deguignes), бытовало мнение о принадлежности названия Люгуй к территории Камчатки. Однако двое учёных из числа тех же западных исследователей - Спрунер (Spruner) и Менке (Menke), в своих научных трудах по составлению карты расселения айнов, сделали вывод, что Люгуй, это вовсе не часть Камчатки, а именно Сахалин. Господин Шлегель (Schlegel), в своем документе о Люгую, перевёл на французский язык все вышеприведённые древнекитайские тексты, проводя попутно доскональное исследование по возникшему вопросу. Он не оспорил принадлежность описанных земель к полуострову Камчатка, а, наоборот, подтвердил. Этот учёный в решении спорного вопроса, в качестве аргумента против критиковавших его коллег, собрал воедино наиболее важные пункты из всех китайских текстов, обобщил их и зафиксировал так:

«1. Сейчас живущие на полуострове Камчатка туземцы носят одежды из шкур тюленя и оленя, но в древности они, возможно, носили одежды, сшитые из меха соболя, лисицы, морской выдры. И, между прочим, среди аборигенов высоко ценится одежда кукланке (kuklanke), сшитая из собачьего меха. Одежда, выделанная из оленьих шкур, - это всего-навсего корякский национальный тип одежды. В древних китайских источниках указано, что на Люгую в качестве подклада к одежде применяется конопля. Но, как известно, на Камчатке туземцы из этой сорной травы с местным названием эхэу (ehéu) делали себе только обувь и носки.

2. Поскольку указано, что омываемый с севера Северным, т.е. Охотским морем, Люгуй омывается ещё и с трех сторон океаном, то севернее него есть только полуостров, и по всем признакам - это полуостров Камчатка,

3. Используемые во время охоты снегоступы использовались как жителями Люгуя, так и жителями Камчатки.

4. Как записано относительно Люгуя, там, как и на Камчатке, много болотной воды.

5. На Люгую так же, как и на описанном полуострове Камчатка, нет местных органов власти или государственных учреждений.

6. Камчадалы не знают деления и чередования четырех сезонов года.

7. Камчадалы любят веселиться (как и люгуйцы).

8. Держат много собак.

9. Для изготовления наконечников к стрелам используются камни, кости и горный хрусталь.

10. В пищу употребляют главным образом рыбье мясо.

11. Возможно, на полуострове (24) мало злаковых. Местное население культивирует один из видов риса (25), по своей форме напоминающий просо, но являющийся ничем иным, как бобами, только малого размера.

12. К северу от Люгуя расположены земли народности чукча (сукци), их страна названа Еча. Камчатские аборигены приходят в ужас при упоминании о сильных и жестоких людях, которых они называли тонинэгон (toninegon).

По некоторым из этих пунктов, конечно же, можно заключить, что указанная в древних китайских литературных источниках местность под названием Люгуй представляется нам ничем иным, как Сахалином; и тогда получается, что в те времена Камчатка была намного слабее изучена и отмечена в Китае.

Несомненно, необходимо ещё много дискутировать о том, что собой подразумевает понятие «Люгуй» и что находится между Люгуюем и Камчаткой. Но одно становится ясным: для решения спорного вопроса о местонахождении Люгуя необходимо на помощь призвать географию и исследовать по названиям географическое окружение земель Люгуй.

В хронике «Синь тан шу» есть строки, прочитав которые можно с уверенностью сказать, что Люгуй - полуостров, а не остров. Часть текста «Синь Тан шу» об этом утверждает напрямую: «... Люгуй отстоит от столицы на 5 тысяч ри, где на юго-западе проживают народности мохэ, селящиеся по течению реки Хэйшуй; с трех сторон омывается морями; живущие там люди - аборигены-островитяне; этим людям известны места, находящиеся далеко на севере...»

Как видно, автор данного текста упорно держится за свою идею представить Люгуй частью Камчатки. Но ещё более ясным становится тот факт, что Люгуй - это остров, а не полуостров, если более внимательно прочитать два приводимых ниже документа, названных «Хроника эпохи Тан», в которых есть внутреннее противоречие: «...Люгуй находится к северу, по Северному морю (26); ещё севернее есть страна Еча; с трех сторон Люгуй омывается морями; южнее есть территория Мохэ - это в 15-ти днях следования корабельным курсом; фортификаций на Люгуйе нет; народ - аборигены-островитяне.» А вот и следующая хроника: «...Мохэ, как народность, имеют множество родов; самые северные мохэ селятся на Хэйшуйе, их территория разделена на 16 деревень; с севера на юг их территория закрыта оградной насыпью (валом); в древние времена северные мохэ воевали с мохэ, живущими на северо-западном Хэйшуйе и построили этот вал от их нападений; на севере же, но немного восточней, примерно в 10-ти днях, живут чунли-мохэ; там же, но ещё северо-восточней живут другие мохэ - пещерные - это также в 10-ти днях; в 10-ти днях от хэйшуйских мохэ живут мои-мохэ; в настоящее время их территории, окружённые с юга морем, являются китайскими провинциями и имеют представительства, как уездные территории Китая; на севере есть Малое море; с востока - океан; с запада - Шивей, а на юг - территории мохэ; в окружении морей, территория очень удобна, принадлежит она провинции Хэйшуй».

Согласно этой хронике, прежде всего Люгуй - это территория, находящаяся на севере Охотского моря. Так-то оно так, но то, что на севере есть ещё какое-то Малое море - возможно ошибка. Это видно из следующего отрывка: «... На севере есть Малое море, на востоке - Великий океан.» А вот и само противоречие двух документов: «...с трех сторон Люгуй омывается морями...» Во втором документе сказано: «...на севере есть Малое море...»

Сопоставив все упоминания о каком-то Малом море и океане и обнаружив, что в китайских хрониках не встречается название Северное море, называемое в настоящее время Охотским, делаю вывод, что всё-таки Люгуй - обособленная от материка территория, полностью окруженная водой!

В древних маньчжурских хрониках говорится о местах, связанных с каким-то Малым морем. Эти исторические памятники литературы нет смысла приводить полностью,

поскольку вопрос, интересующий нас, охвачен там опосредованно, но попытаюсь привести только небольшие выдержки из текста: «... составляя географические подробные карты по приказу императора, обнаружили, что если плыть по Хэйлуцзян к северному Полярному кругу, встречается Малое море, это так называемые наши исторические места, раскинувшиеся по обеим сторонам большого озера Юсини.» То, как определено по Малому морю положение Люгуйа в этих источниках - огромная ошибка, поскольку Юсини - это озеро на севере, но в другой стороне. Да, Люгуй расположен вплотную к Малому морю, но люгуйское Малое море это не Юсини. Согласно посланию маркиза двора Вэй - Няо Ло: «...эта страна расположена на северо-западе (*а не на северо-востоке.* - *Прим. автора.*); окружена водой, очень много бед приносит вода; с северо-востока приходящие тайфуны приносят много бед; к северу, в 20-ти днях, будет большое озеро Юсини, место, которое многие называют Северным морем». Тогда, раз страна маркиза Няо Ло расположена севернее Аньлина и граничит с ним, то, возможно, находящееся в 20-ти днях к северу озеро Юсини есть ничто иное как озеро Байкал.

Дело всё в том, что в разных китайских источниках местоположение Северного моря описано по-разному, но все они сходятся в некоторых деталях. Вот на что обратил внимание разжалованный министр Суу (27): «...по всем признакам, описанные авторами водоёмы указывают однозначно на озеро Байкал».

В послании «Ба Хси Ми» (свиток 200) говорится: «... На юге Северного моря селятся народы цзэгу, по всем признакам напоминающие горных людей». В том же послании, но автора Те Ле сказано: «... в южной стороне Северного моря разбросаны селения». В этом же документе (свиток 199) Ту Цзюэ доносил описание территорий Му Гань - Кэ Хань (28): «Эти земли отдалены от моря и имеют большую протяжённость с востока на запад; западнее - море на расстоянии 10000 ри (*от столицы Китая.* - *Прим. автора.*) и сразу на север и будет Северное море». Самое интересное, что иногда в древних китайских текстах Северным морем называли Арал и Каспий, но чтобы Охотское море называли Северным, нигде и никогда такого я не встречал!

Итак, необходимо отметить, что Люгуй описан как территория, с севера омываемая каким-то Малым морем. По другим источникам, Люгуй омывается и с юга, поскольку в

текстах ясно сказано «... с трех сторон омыт морями», т.е. с востока, запада и юга. Не приходится сомневаться, что это остров, и, согласно указанию некоторых источников аборигены Люгуй похожи на островитян. Если допустить, что название Люгуй - это указание на Сахалин, тогда, судя по описаниям его местоположения, Малое море правильнее было бы назвать пролив Дада (29), ныне - Татарский пролив. Господин Шренк (30) указывал, что в устье Хэйлунцзян в северной части Сахалина, место, называемое проливом Дада, местные гиляки часто именуют Маскекх (Mas-kerkhk), а Охотское море, именуемое теми же гиляками Пилькекх (Pilya-kerkhk), есть ничто иное, как часть Тихого океана, в китайских источниках названного Большой водой. На Люгуй Малое море на языке аборигенов именуется Маскекх и является Татарским проливом. (Schrenk L. Die volker des Amur-landes, p. 213.).

С другой стороны, выяснение направления расселения народности мой-мохэ поможет подтверждениям, которые выдвинуты при помощи географии. Этот способ, названный этногеографическим, очень удобен и дает массу преимуществ перед географическим. Относительно местонахождения народа мой-мохэ китайские источники указывают направление в 15-ти днях плавания на юго-запад от Люгуй.

Допустим, что позиции, отстаиваемые господином Шренком по тому предположению, что название Люгуй относится к Камчатке верны, тогда в соответствии с географическими догмами, получается, что эта земля расположена уж очень близко. Однако Юй Бэй полагает, что этот Люгуй и есть Сахалин, и если проложить курс, указанный китайскими авторами, то противоречия между письменами и картой нет и не будет! Условие - курс корабля нужно прокладывать от северной части острова. Проследив это направление по отношению к этносу мой-мохэ, становится ясным, что этот путь указывает на бассейн реки Тумдши (Tumdsi), находящейся на восточном побережье материка. Да ещё и то, что предположение Юй Бэй о том, что со стороны территорий хэйшуй-мохэ можно попасть к мой-мохэ не идёт вразрез с общими представлениями по спорному вопросу. Для выяснения направления к народу хэйшуй-мохэ следует снова обратиться к хронике «Синь Тан шу», к записям относительно провинции Шивэй: «... через горы лежит необъятный Шивэй; окружен он рекой Шицзян, река выходит из провинции Цзюйлунь и пересекает её, спускаясь к южным горам; на юге

она вливается в область Мэнгва, что севернее области Лодя; на востоке впитывает в себя реки Бан и Хухань; на востоке пересекает территории хэйшуй-мохэ и далее течёт к владениям народа кушуй-мохэ, огибая с юга на север их земли; затем, на востоке впадает в море; на востоке, в месте слияния с ней реки Бан расположены земли Яюэ...»

В том же самом древнем тексте сказано: «... Река Шицзян берёт свое начало в Цзюйлунь, где севернее расположена область Туцзюэ, поворачивает на восток, бежит по восточной долготе на Тайшивэй (31), а на западной долготе идёт по границе с Шивэйским хребтом; здесь же на восточной долготе к северу расположен Яюэ-Шивэй, а также Лоцзю-Шивэй; в восточной части провинции река сливается с реками Бан и Хухань, оставляет восточную параллель и на северном её течении селится народ хэйшуй-мохэ; народ хэйшуй-мохэ селится с севера на юг; на восточном повороте река впадает в море...»

Делаем некоторые заключения: указанные в тексте места области Туцзюэ - есть современный Хулун-нур (Hulun-nur); р.Шицзян - современная р.Аргунь; р.Бан, которая пишется иероглифом «Нань», есть ничто иное, как Хэйлунцзян; а река Хухань, впадающая в Сунхуацзян - это река Курха (Kurha). Хэйшуй-мохэ, которые расселены по течению на всём протяжении реки Хэйлунцзян с севера на юг провинции Сунхуацзян, и есть те самые указанные в текстах «Синь Тан шу» мохэ. Река, которая указана в самом начале, по выводам, впадает в бухту Уссури и в других землях больше нигде не упоминается; она, делая излом, делит народы мохэ на две части - северных и южных мохэ.

Направление расселения этих народов распространяется от провинции Сы-Му-Мохэ до народности кушо-мохэ, это направление - северо-восток. Путь, указанный по описанной в китайском тексте реки, есть путь течения р.Хэйлунцзян. Тогда указанное ранее направление на мохэ от Люгуй вполне претендует на истину. Впрочем, если заключить, что кушо-мохэ находятся в 1 ри, более того, если учесть, что эта территория граничит с землями народа, зовущегося на современном языке оля-гиляк; а мой-мохэ находятся в 10-ти днях пути, в направлении на юго-восток от кушо-мохэ, то тем более это истина, не требующая доказательств. Всё тщательно просчитав по цифрам, прихожу к выводу, что описанные мохэ проживали в районах, примыкающих к нынешней

Императорской гавани (32), т.е. в бассейне реки Тумджи (Tumdj) области Яньхай. Если уж мой-мохэ находятся на этих территориях, и если идти от мой-мохэ в северном направлении, то получится, что в 15-ти днях пути есть место, от которого через море виден противоположный берег. Место находится в самом устье р. Хэйлунцзян. Тогда, как мне думается, всё это указывает на берег Сахалина, а по китайским хроникам - Люгюя. Если сопоставить записи об островах Куе и Цзилечжу, то в самом тексте древних китайских рукописей больших расхождений относительно описания Люгюя я не обнаружил.

Итак: «... Куе находится на востоке Цзи Линя протяженностью 2 тысячи ри; в поперечнике несколько сот ри, в общем остров расположен от столицы на большом расстоянии; горные хребты раскинулись с севера на юг и густо поросли лесом; между хребтами - равнина с совершенно ровной поверхностью; между лесами много болот и водоёмов; ниже места Яньхай, на берегу песчано-каменистые пляжи; климат здесь ужасно суровый, быстро наступают холода; злаковые культуры не высеваются; пшеницы и проса очень мало, места для нереста рыб очень богатые; торговля с Цзи-Линем у местного населения не развита; существует связь с Японией; люди здесь очень маленького роста; их речь, язык и письменность развиваются по своим законам...»

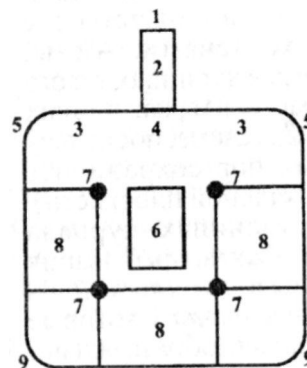
Господин Шлегель, который утверждал принадлежность названия Люгуй к Камчатке, где нравы и обычаи, а также способ производства схожи, в конце концов признал выводы Юй Бэя о том, что все-таки существуют некоторые особенности в образе жизни этих племён и вынужден был согласиться с тем, что нравы, обычаи, способ производства живущих на Сахалине айнов и гиляков полностью соответствуют описанным нравам и обычаям обитателей Люгюя.

Часть 1. Землянки

В китайском источнике «Тундянь» рассказано о создании жилищ на о. Люгуй, когда жившие на Сахалине айны и тунгусы возводили так называемые доя (33): «...земляная насыпь высотой порядка несколько сяку; по обеим сторонам - деревянный настил косой формы...»

1. Согласно описаниям Шренка (Die volker des Amur-landes,

р. 320), гилякские туземцы зимние жилища строили двумя известными способами: это, во-первых, жилища сложного типа, чем-то напоминающие дома, да ещё и в подражание китайскому стилю, во-вторых, землянки, которые на местном диалекте именовались то-раф. Это были землянки палаточной формы, вкапывались они в землю на 3 - 4-х, а в очень больших жилищах (для семей, состоящих из более чем 10 человек) на 20 - 23-х квадратных футах. Внутри ямы устанавливались 4 столбика для того, чтобы, перебросив и связав поперечные балки с 4-х сторон, взгромоздить деревянные доски, сделав тем самым крышу. Вход в коридор имел навес (козырёк). Чтобы попасть внутрь жилища, необходимо было спуститься по ступенькам коридора и открыть входную перегородку. В передних и задних углах стояло 4 столба для того, чтобы закрепить положение самого тента. Для этого по всем углам обязательно вкапывались в землю деревянные столбы. Между столбами располагался очаг.

- 1 - вход;
- 2 - коридор;
- 3 - передняя стенка;
- 4 - дверь;
- 5 - передний внутренний угол;
- 6 - очаг;
- 7 - опорные столбы;
- 8 - места для сна (постели);
- 9 - задние углы.

Схема составлена Л. Шренком

Глубина и размеры ямы обычно неограниченны. Внутреннюю выемку земли в основном делали неглубокой, так что разделённые стенными перегородками края ямы были невидны.

На основании этого можно сделать вывод, что землянки айнов Сахалина и аборигенов Северного Эдзо (34), использовавшиеся в качестве жилища, практически одинаковы

(за небольшими, может быть, расхождениями).

2. Способ строительства жилищ пещерного типа: на самой вершине горы выбирается место и роется яма в 3-4 сяку внутри, в самом центре устанавливается столбовая опора, а само помещение покрывается изнутри корой деревьев. Сверху на яму наваливается трава, ветви деревьев и сухие листья. Над входом делается навес, и когдаходишь в такую пещеру, то спускаешься по небольшой лестнице; здесь же у входа делали печь, а от печи копали вниз дымоотвод, выходящий подальше от жилого помещения. Делалось это хотя бы только потому, что обитатели таких жилищ терпеть не могли запаха от испарений и приготовления пищи. Эти отводящие прокопы делались особенно тщательно.

Внутри пещеры с 3-х сторон на опоры вешали суноко (35), а на пол стелилась мусиро (36); место для сна в таких жилищах специально не определялось, но обычно оно находилось посреди дома, где располагались мусиро, для того чтобы сидеть, или возле очага, отгороженного стенкой. Посреди жилища расстилались циновки для сидящих, чтобы зашедший в дом гость, сняв у входа гэри (37) и повесив на шесты вне дома одежду, мог вести разговор с хозяевами. Айны, обитающие на Хоккайдо, в настоящее время в жилищах такого типа не живут. Однако хорошо можно представить, как в таких землянках пещерного типа жили айны на Сахалине, поскольку в некоторых местах на Хоккайдо до сих пор сохранились жилища, вырытые отвесно в горе (в вертикальной плоскости). В своей статье профессор Цубои, на страницах журнала «История Рэкиси» (№4, стр. 184), приводит факты пребывания народности коропоккуру (*пещерных жителей - предшественников японской нации. - Прим. автора.*), которые оставили памятники своей культуры, нравов, образа жизни практически на всей территории современной Японии. Ширина этих отвесных пещер, если судить о них на основании того, какими мы их видим сейчас, была от 2-х дзё (татами) до 50-ти дзё; глубина примерно одинакова везде - 5-6 сяку; земля вокруг пещеры насыпана валом, высота вала 2-3 сяку; поверхность пещеры в 2-3 сяку утрамбована. Сделанный в то время вал вокруг пещеры был очень высок и практически сохранился в таком виде до наших дней, сама же пещера была очень глубока.

Форма отвесных пещер 4-угольная, каждый из 4-х углов обычно закруглён, есть даже, на первый взгляд, совершенно

круглые формы пещер, встречаются пещеры и эллипсоидной формы. Пройдя вал, сразу же находишь отверстие для входа и выхода. Как мастерились крыша у таких жилищ, подробных сведений нет, но можно предположить, что сооружали её следующим способом: в центре площадки ставили деревянный столб и по краям привязывали к нему деревянные балки, на верхнюю часть навеса набрасывали хворост, ветки, траву и сухие листья.

Таким образом, как утверждает профессор Цубои, между такого типа жилищами айнов и гиляков на Сахалине и теми жилищами, которые сейчас встречаются на Хоккайдо существенной разницы не обнаружено. Более того, об этом же свидетельствуют посланники Сафудзи Касидзуку и Ториуру Тацу. Они сообщают и то, что между существующими в настоящее время на Хоккайдо отвесными пещерами и теми пещерами, которые встречаются на Тисима (38), а также типами некоторых материковых пещер можно провести аналогию. Господин Шлегель не удосужился описать по китайским источникам типы жилищ на Камчатке, а посему он не может утверждать, что люгуйские и камчатские землянки схожи между собой по типу. По словам г-на Шренка, господина Штелле (Steollet) во второй половине XIX века, и Крашенинников в XVIII веке, во время путешествия по Камчатке, прожили по целой зиме в землянках обитающих там туземцев. Эти жилища, если судить по их описаниям, имеют некоторые расхождения в методе сооружения с теми, что описывались мной выше, хотя и незначительные. Приводим их по порядку попадания посторонних в те жилища:

а) у жителей Сахалина и Хоккайдо навес над входом, а затем спуск по коридору; открыв вход можно попасть внутрь помещения;

б) в устройстве землянок камчатских аборигенов: вход - это туннель, через который и попадаешь внутрь сразу. Причём этот туннель служит и воздухонагнетателем в очаг, и дымоходом. Это не мешает свежему воздуху проветривать помещение. Маленькие дети входят и выходят через это отверстие. Взрослые же попадают внутрь через очаговое отверстие наверху, и когда выходят, то засыпают его стружками и ветками. Землянки живущих по соседству с камчадалами чукчей, коряков, эскимосов в общих чертах также несколько похожи.

Не вижу смысла более подробно описывать строение жилищ

пещерного типа, поскольку, как мне кажется, достаточно было привести 2 основных принципа строительства такого жилья, хорошо описанного в трактате Юй Бэя. Самое главное здесь - это то, что существует коренное отличие в глубине самих землянок: описанные в древних китайских хрониках люгуйские землянки вырываются в земле на несколько сяку. Посмотрев на эти землянки, можно сделать вывод, что принцип и порядок их построения один и тот же, как у гиляков, так и у айнов. У аборигенов же Камчатки землянки совершенно неглубокие. Для спасения от холодов зимой, принципы предохранения жилья от холода, использовавшиеся у вышеописанных этносов широко используются в настоящее время и у многих народов стран Восточной Азии, таких, как монголы, маньчжуры, корейцы и др.

Свидетельство летописца постханьской эпохи относительно Юйлоу гласит: «...в Юйлоу климат очень холодный; жители обычно для жилья используют пещеры; у более уважаемых жителей Юйлоу большие дома с девятиступенчатой лестницей; зимой жители Юйлоу, предохраняясь от стужи, смазывают свое тело кабаньим жиром толщиной в несколько бу, тем самым защищаясь и от холодного ветра...» В старинном китайском свитке об Уцзи говорится: «... в Уцзи строят земляные насыпи, приспособляемые под жильё, с отверстием для входа; есть и вход сверху, а для выхода наружу используется лестница».

В хрониках «Синь Тан шу» о народности мохэ сказано: «... хэйшуйские мохэ специально жилищ не строят, а для этого они приспособляют горные вершины, роя в них землю; накладывают сверху деревья и присыпают землей; замечены вокруг и холмы в виде насыпей».

Там же сказано о народах шихань: «... климат здесь очень холодный, зимой жители уходят в горы и занимают пещеры; в долгие зимние месяцы, для обогрева жилищ держат там же собак, дыханием которых согревается воздух внутри...»

Народы Юйлоу в Сушене во времена правления северной династии Чжоу назывались уцзи; в эпоху Суй-Тан они назывались мохэ, сейчас, когда эти народы смешались и растворились в тунгусском этносе, они стали называться шихань. При смешении 2-х крупных этнических групп - тунгусской и монгольской - образовалась более многочисленная народность с другим названием. А в древности, как тунгусы, так и монголы в качестве жилищ

использовали пещеры.

В корейских письменных источниках во времена эпохи Чжоу в Китае, сказано: «...кочевые племена Кореи в своё время использовали для жилья летом травяные шалаши, зимой - земляные норы, вход был наверху, а через него поднимали и спускали любую утварь...»

В источнике постханьской эпохи Китая сказано также: «...Кочевая корейская деревня представляет собой скопище скрытых под землей жилищ, сама деревня частокола или ограждения не имеет, сделаны дома в земле, входное отверстие наверху; эти дома чем-то напоминают муравейники».

В летописи Бянь И сказано: «... в Луншо живет народ данло, мы здесь собираем дань и проповедуем конфуцианство; эта страна находится севернее южных островов; нравы у аборигенов просты; культура на низком уровне; летом они носят кабаньи шкуры; здесь же этими шкурами покрывают свои жилища; зимой, в основном жилища роят в земле...»

Как видно даже из корейских писаний «Саяк», одна часть корейцев также имела обычай использовать под жильё пещеры: «... В 13 году Чхонкам (39) на этих территориях началось распространение буддизма; это было начало царствования короля Нуль Чи; у ворот на песке были дети варваров, очень красивые, но грязные, живут они в селениях, находящихся далеко в горах, где для жилья роят ямы...»

Если попробовать перечислять места с пещерным типом проживания аборигенов и далее, то окажется, что подобные обычаи строить свои дома на скалах с пещерами, присущи не только аборигенам Хоккайдо, Сахалина, Тисима, но и камчадалам, чукчам, эскимосам, гилякам и тунгусам, а также обитателям Корейского полуострова. Есть также сведения, что подобные нравы в некоторых местах сохранились и поныне.

С давних пор Его Величеству императору докладывали о берлогах пещерного типа у некоторых народов. Возникает вопрос о принадлежности их к диким и нецивилизованным варварам. Во всяком случае, если хоть раз увидеть, как представители этих народов, находящиеся близ пределов Японии, ступают на лестницы пещерных жилищ, и сравнить этот способ с японцами, то возникает вопрос: жили ли когда-нибудь вообще жители страны Ямато (40) в таких жилищах? Поскольку степень и уровень культуры нации зависит от того, вышла эта нация из пещер или нет, то вывод напрашивается сам собой: кто, кроме как не жившей никогда в пещерах нации,

может нецивилизованным дикарям помочь сделать такой же скачок? Известно мною случаев, когда дикари получали от цивилизованного мира толчок для исправления своих укоренившихся диких нравов, будучи им за это в дальнейшем благодарны. Этому свидетельство то, что жившие в старину в землянках пещерного типа народности юйлоу и уцзы, трансформировались в маньчжурский этнос и проживают теперь в домах с навесом.

Если строить выводы, взяв за основу приведенный пример, вряд ли можно решить, что живущие в домах на Хоккайдо айны имеют одних и тех же предков, что и те, которые селятся в пещерах. Жившие в постханьский период в пещерах кочевые корейцы вряд ли могут быть похожи на родственные корейские этногруппы чень и бянь, жившие в домах навесного типа.

Однако, если предположить, что между нашей нацией и корейской много общего в нравах и обычаях, тогда бы мы не видели огромной разницы в социальной сфере и способе проживания.

Так оно и есть: территории, где проживают народы «паукового склада» (*народности, рывшие пещеры для жилья. - Прим. автора.*) совершенно не вписываются в общую концепцию и отличны по состоянию культуры, нравов от территорий, занимаемой древней страной Ямато.

Даже внутри одной и той же этносистемы были народности жившие в пещерах и никогда не жившие там. Сейчас, конечно, такого положения не существует, однако нельзя быть до конца уверенным, что положение полностью исправлено, поскольку склонность жить в пещерах у них сохранилась и поныне. Кроме всего прочего, способ сооружения землянок камчадалами очень похож на маньчжурский и корейский способы, хотя по обычаям родственного между этими народностями ничего нет. И если проследить это и далее, то смело можно вынести свой вердикт - эти этносы по своей сущности совершенно не отличны друг от друга, поскольку корни их сокрыты в жилищах пещерного типа.

Часть II. Одежда

Что касается одежды жителей острова Люгуй, то в свитках «Тундянь» об этом говорится следующее: «...люди здесь носят одежды, сшитые из шкур; когда они собачий мех смешивают со льном, то ткут из него материал; женщины зимой одевают

одежды из кабанных и оленьих шкур; летом - в основном одежду, сделанную из кожи рыб; способ обработки кожи и шитья одежды в основе схож со способом, которым пользуется народ ляо...»

В сборнике свитков «Синтаншу» говорится также об одежде аборигенов: «...В тех землях держат много собак, одежда представляет собой платье, сшитое из кусков кожи и меха...»

Одежда, которую носили аборигены Сахалина, равно как и одежда народов, селящихся по нижнему течению реки Хэйлунцзян, сделанная из кожи рыб, неоднократно демонстрировалась и описывалась всему цивилизованному миру путешественниками, побывавшими в тех местах. Более того, и в настоящее время есть представители туземных народностей, которые предпочитают одежду, сшитую из выделанной рыбьей кожи. Эти народности ныне проживают в бассейне Хэйлунцзяна от районов среднего течения к устью этой реки. В свитках «Тундянь» указано, что среди представителей народов, носящих одежды из рыбьей кожи, есть племена народности шивэй. А раз это так, то думаю, что подобные привычки до настоящего времени сохранились и у других народов в нижнем течении реки Хэйлунцзян, поскольку в старину это было для них нормой. Мне кажется, что нижеприведенный документ напрямую подтверждает правильность предположения, что нации, живущие по течению реки Хэйлунцзян, носили одежды, сделанные из кожи некоторых видов рыб. Причём, хочется подчеркнуть, что это обстоятельство, как показывает текст, было хорошо известно китайцам эпохи Тан. Документ носит название «Шаньхайцзинь» (41): «...Сюаньгуго находится на севере; люди там носят одежды, сделанные из рыбьей кожи, а питаются они мясом и яйцами чаек...» В месте, где соединяются две реки - Хэйлунцзян и Сунхуацзян (42) - по обоим берегам в нижнем течении проживает народность гольда, и поскольку китайцам было известно, что именно гольды в основном для одежды используют кожу рыб, то они дали им прозвище «дацзы в рыбьей коже» (43). Помимо гольдов, кожу рыб для одежды с успехом использовали и такие народы, как гиялки, ольча, негидальцы. В источнике «Сяотинцзилу» (44) пишется: «...говорят, что несколько восточнее, напротив земель нингута в 300-х ри виднеются земли, принадлежащие народу хала (45), в старину эти земли

принадлежали провинции Уго; чиновниками установлено, что с севера на юг территория хала простирается на 500-600 ри до местности называемой Хуэрха; кроме этого, ещё 500 ри до местности Хэйцинъ, и еще 600 ри до местности Фэйяха (46); все эти народности объединены под общим названием няоци-дацзы; няоцзы ещё их называют уцзы; прозывают их всех просто - «дацзы в рыбьей коже», так же как и тех дацзы, которые проживают в устье реки Цзиньхунь...»

Все эти описания напрямую указывают на три народности, в современном языке зовущиеся ороченами, гольдами и гиляками. Полагаю, что и во многих других древних китайских писаниях речь идёт о гольдах и гиляках. Документ под названием «Хуан Цин Чжи Гун Ту» (47) гласит: «...хэчже для одежды используют кожу рыбы...»

В отчете императору военачальника Вай Цзы Линя сказано: «...бухта Хэйцзынь полна пищи, летом здесь люди делают себе одежду из рыбьей кожи, зимой же мастерам одежды из шкур большого оленя (48)...» Этот документ Вай Цзы Линя указывает на гольдов.

А вот что говорится в свитках «Хуан Цин Чжи Гун Ту» о народе фияка: «...как мужчины, так и женщины носят одежды из шкуры собак; в летние же дни предпочитают одежду, сшитую из рыбьей кожи...» В документе «Сяотинцзилу» о них же говорится: «...Фияка, проживающие в бухте Хэйцинъ одеваются так: их женщины совсем не носят хакама (49); их предпочтение - одежда из кожи рыб, слегка подкрашенная ...»

Два вышеприведённых свидетельства несомненно указывают на нации гольдов и гиляков. Эти народы, как вы успели заметить, предпочитали носить одежды, сшитые из рыбьей кожи. Но поскольку эти народы всегда жили на континенте, то делать выводы о сходстве их одежды с одеждой островитян, таких, как аборигены Люгуя, совершенно невозможно. Однако же, поскольку ранее нами было определено, что название Люгуй - это китайское название Сахалина эпохи Тан, то и там тоже проживали гиляки, а они, как известно, представители того же этноса, который был описан несколько выше и который носил одежды, сшитые из кожи рыб. Более того, совпадают и названия рыбы, из кожи которой представители одного и того же этноса шили себе одежду, а именно: рыба масу (50), на латинском языке название этой рыбы *Salmo Lagocerphalus*, а на языке континентальных гиляков - люги-чо (lyghi-co); на языке аборигенов Сахалина -

лаги-чо (laghi-co). Для того, чтобы из кожи этой рыбы сшить одежду необходимо прежде всего соскрести с неё чешую, после чего различного рода лопаточками и шпателями, немного подтягивая кожу вверх, отделить её от мяса, а затем побить этими же лопатками, делая её лошеной и мягкой. Завершив данный процесс, кожу, не промывая, просушить, но не до конца, а затем сшить куски в одно целое и далее мастерить одежду.

Можно также отметить, что в описанных местах, как мужчины, так и женщины, из кожи рыб делали себе не только одежду, но и обувь. Но поскольку такая обувь была легкой и мягкой, предпочтение она нашла только у женской части населения. Вот какое отношение к такой одежде сложилось у жителей острова Сахалин: не только одни гиляки носили одежды из кожи рыбы, но и жившие там же айны отдавали предпочтение ей. В доказательство этому можно привести отрывки из записей «Гуань», где описаны нравы и обычаи туземцев островитян Эдзо: «...Мне пришлось наблюдать, как туземцы мастерили одежды из сшитых кусков рыбьей кожи. Их делало много женщин. Рыба называется итоу, но возможно, по их словам, и использование кожи других видов рыб, особенно масу...»

Можно заметить, что и в эпоху Цинь китайцам было известно о том, что айны, проживающие на Сахалине, носят одежды из рыбьей кожи. Об этом красноречиво свидетельствует документ того времени «Хуан Цин Чжи Гун Ту». В нём рассказывается о народе кушо: «... люди кушо носят одежды, сшитые из кожи рыб».

И поскольку из свидетельств письменных источников видно, что в одеждах гиляков и айнов Сахалина (и у тех и у других) наблюдается большое сходство, то что же тогда различает их, может, нравы и обычаи? Думаю, что в нравах и обычаях нетрудно будет найти критерий различия этих туземных народов в стиле одежды. Однако сделать это просто необходимо. Гиляки в качестве материала для изготовления одежды, кроме кожи рыб использовали мех тюленя, лисицы, соболя, речной выдры и даже мыши-полёвки. Особенное предпочтение они отдавали шкурам собак, но к этой одежде у них было и особое отношение. Собачьи шкуры были для них главной ценностью, но и в то же время их отличала дешевизна, поскольку не каждый будет её носить, а одежды из них шились скорее в силу привычки, и ношение таких одежд зависело от

желания хозяина, надевать её или нет. Все дело в том, что собаки для этого народа являлись чем-то бульшим, нежели просто домашними животными: и лодки на себе тянули, и сани везли, когда их запрягали в упряжку, и охотниками были незаменимыми. В отличие от гиляков, которые не только шили из шкур собак одежду, но и употребляли их мясо в пищу, в племенах, живущих в бассейне реки Хэйлунцзян, разведение собак в качестве домашних животных особенно распространено не было. Построенный в эпоху Мин (51) во времена правления императора Юн Лэ (52) буддийский храм Нуэргань-Юншень имеет надпись на каменном памятнике. В этих письменах рассказывается об обычаях народа цзылеми: «...из домашних животных - только собаки...»

В древнекитайском источнике «Кайюаньсиньчжи» сказано: «...Цзиличжи имеют четыре склонности характера - слабую, сильную, жадную и хитрую. Едят они рыбу, которую ловят в бухте; одежда плотно оолегает их тело; в летний зной носят одежды из рыбьей кожи; зимой шьют одежды из меха собак; им не известно культивирование пяти злаковых культур (53); из шести домашних животных разводят только собак...»

В сборниках свитков «Чецзинтунчжи» рассказывается: «...люди диких племён отлавливают собак и приспособливают их для упряжки, по команде поводыря собаки останавливаются или идут; такая упряжка собак с успехом заменяет у них лошадь; в некоторых местах Хэчжень собаки используются как носильщики, когда на их спины взваливается поклажа...»

И поскольку принадлежность собак очень ясно определена в этих письменах, то можно смело сделать вывод о том, что гиляки и тунгусы, селившиеся по низовьям реки Хэйлунцзян, широко разводили собак, и эти факты знал цивилизованный Китай уже в эпоху Юань. Однако необходимо уточнить, что обычай разводить собак был присущ не только гилякам и живущим в непосредственной близости от них тунгусам, но и айнам острова Сахалин. В «Пояснении к картам Северного Эдзо» (54) рассказано о нравах и обычаях варваров этой местности: «...у дикарей этого острова главную часть жизни занимает собака; у бедных варваров, и так испытывающих трудности и лишения, собак нет, поскольку им нечем их кормить. Каждая богатая семья обязательно держит собак. В одной такой семье может кормиться от 5-6 до 12-13 собак...»

Таким образом, и айны, и гиляки острова Сахалин держали очень много собак. Этот именно факт и может указывать на

две народности Сахалина: айнов и гиляков времён Тан. И, разумеется, такое поведение аборигенов нельзя объяснить только силой привычки. Как видно выше, во время зимних холодов женщины острова носили одежды, сделанные из меха кабана или оленя.

По словам господина Шренка, у «... живших по соседству с гиляками народностей ольча (ульта) в самом способе производства одежды было очень много общего с гиляками. А именно и те, и другие носили накидки типа манто из меха оленя». Кроме этого, в некоторых местах, расположенных по течению реки Голин, где проживали народности самагирцы, было много леса, и их условия жизни, несомненно, отличались от условий жизни ольчей и гиляков. А сами самагирцы в качестве материала для своих одежд использовали мех северного оленя. Материал для кройки одежды - кожа рыбы, мех собаки и нерпы - в этих местах у самагирцев ни разу не обнаружен. И с наступлением зимних холодов одежда шилась ими только из меха оленя, или же из меха маньчжурской косули - норы. Такие одежды, как у самагирцев, были большой редкостью у ольчей, а у гиляков их вообще не существовало. В предисловии к «Сборнику сказаний Эдзо» (том 9) указывается: «...Дикари делают одежды из меха медведя, а также из шкур оленя и лисицы. Такие одежды на местном языке зовутся ури». А раз так, то, следовательно, айны в отличие от гиляков для своих одежд всё-таки использовали шкуры оленя. Следовательно, полагаю, не будет возражений, что нравы и обычаи айнов и гиляков, в стиле одежды и материале для её изготовления, живших на Лягуе эпохи Тан, несколько различаются, а уж тем более различны и нравы гиляков Сахалина и айнов Эдзо. Жители острова Лягуй, смешивая мех, надёрганный из собачьих шкур со льном, делали ткань и носили одежды, сшитые из такой ткани, что в свою очередь является важной вехой на пути к ткацкому производству. По утверждениям господина Шренка, гиляки делали в основном одежду тонкой ручной работы без применения машин, и когда шили себе одежды типа пальто из рыбьей кожи или шляпы из бересты, использовали для этого нить, сделанную из рыбьих жил или кожи, а для производства обуви из шкур зверей использовалась только льняная нить. Нить из рыбьей кожи или жил называлась мидиск (mydisc). Но когда ими шились одежды из материала, то ими использовалась как льняная, так и шёл-ковая нить. Из этой

же нити гиялки вили сети для рыбной ловли. Выделанный гиялками тех мест один из видов льна, как материал, несмотря на тонкую ручную работу не мог претендовать на место декоративной вышивки на полотне. Хорошо бы обратить внимание на тот факт, что живущие сейчас гиялки совершенно не владеют мастерством ткацкого дела. Однако живущие в непосредственной близости к ним айны прекрасно владеют технологией выделки полотна из коры дерева или льна. Более того, живущие в Сибири народы - остяки, киргизы, башкиры, огули - с древности знают и с успехом применяют технологию качества полотна из чистого льна. И только гиялки, народ, который живёт между этими вышперечисленными этногруппами, не знают метода получения из льна материала, что по меньшей мере выглядит очень странно. По необоснованной фактами гипотезе господина Шренка, гиялки якобы наверняка знали технологию ткачества полотна от живущих по соседству с ними айнов. Но айны, притесняемые японцами, по всей границе испытывающие постоянные набег японцев, довольствовались знанием технологии производства материи, которая пришла к ним из глубины веков от предков, и бережно хранили эту технологию.

В противоположность этому гиялки, которые всегда вели самостоятельное и независимое существование, свободно обменивали у китайцев кожаные и меховые изделия на материал из льна и хлопка, а посему в своих местах им незачем было иметь собственное производство ткани. В конце концов, они совсем прекратили сами ткать материал и постепенно забыли технологию и утратили навыки. Автор данной гипотезы, по моему мнению, совершенно не располагает фактами и не даёт надлежащего обоснования своим домыслам.

На уже упомянутой каменной плите в буддийском храме Нуэргань-Юншень записано: «... народ цзилеми можно разделить на четыре группы, в различных [...], живут [...] все [...],[...] любимый [...] тем более, что в этих землях совершенно не известны 5 злаковых культур, не производят здесь и хлопчато-бумажных тканей, шёлка тоже не культивируют...»

Даже на основании этих кусков текста смело можно сделать вывод, что селившиеся в эпоху Мин в устье реки Хэйлунцзян нации не обладали знаниями технологии производства хлопчатых и шёлковых тканей. В противоположность тому,

что гиялки не знали таких методов выделки тканей, айны, как было уже отмечено ранее, владели ими практически в совершенстве.

В «Пояснении к картам Северного Эдзо» говорится: «...Одежда у аборигенов Северного Эдзо, что у мужчин, что у женщин в основе своей одинакова. Делают её из коры деревьев и называют охя или ракапп. В любом случае, даже если эту одежду, носимую туземцами этих мест, обработать и оформить очень хорошо, она не будет ничем иным, как одеждой дикарей-островитян. Нарвав траву, которая по-ихнему зовется мосэ, хорошо прополаскивают и вымачивают её в воде, а затем делают из неё нить и прядут. Получается материал, похожий на тот, что изготавливается в Японии из японского льна; материя называется у них тэталбэ...»

В документе «Проект освоения границ провинций» говорится: «...дикари Карафутто, а именно их женщины, прядут ткань и этот материал совершенно не похож на тот, который прядут в Восточной Азии, но очень похож на тот, который производили в Японии наши предки. На Эдзо есть трава, называемая мосэ, и сдирая с неё кожицу, из оставшейся части стебля плетут сети, так же из неё делают нить, а потом прядут ткань. Эта ткань называется юталбэ...»

В записках путешественника Акимицу Кю говорится: «...Материя, которая ткётся аборигенами Карафутто называется эталбэ. Производство её таково: "...трава, которая имеет название айто замачивается в речной воде, затем с неё сдирается кожица и делается нить, из которой, в свою очередь, ткнут материал. Этот материал используется как нижнее бельё в дополнение к одежде из шкур собаки. Трава айто на наречии народа, проживающего в пределах Исикари (56) называется мосэто. Скорее всего, это китайское название одного из видов льна, произрастающего в тех местах. Сперва, эталбэ, сшивается от рукава до плеча и на нём делается узор, а справа обшивается полосками из шкуры нерпы. Затем выворачивается как змеиная кожа, в мешок, и в подклад набивается хлопок. Причём, эта вата переправляется из китайской провинции Шаньдунь...».

Вышеприведенный пример очень ярко показывает то, что айнам было известно прядильное мастерство. И как доказывает источник «Акимицу», аборигены делали материал, а затем обшивали его нерповым мехом с помощью ниток мосэ. Таким образом - смесь полотна с мехом собак совершенно

идентична по своему принципу смеси полотна из льна и нерпичьего меха, присущей аборигенам Люгуя. И последняя же, как мне кажется, присуща скорее айнам Сахалина эпохи Тан, чем тунгусам, проживавшим там же.

В свитках «Тундянь» указывается, что технология производства и выделки одежды на Люгую похожа на ту, которой пользуются народы ляо. И думаю, что если хорошенько понять то, как делал свои одежды народ ляо, можно будет силой воображения представить методы, применявшиеся для шитья одежды у люгуйских туземцев.

В «Синь Тан шу» (свиток 222) говорится о варварских племенах ляо, живущих на юге: «...полотно для одежд у женщин 2 фу (2 охвата. - Прим. автора.) и имеет вид юбки, которая надевается через голову...» Подобные же методы ношения одежд наблюдаются и у других наций и других варварских племён.

В «Синь Тан шу» (свиток 187), где рассказывается о народе хэйсянпу, говорится: «... одежду женщины этого племени носят в виде юбки в ширину 1 фу, которая надевается через голову...» В свитках постханьской эпохи Троецарствия о нравах и обычаях живущих на юго-западе варварских племён чжуйданъэр говорится (свиток 96): «... одежда дикарями надевается сверху и облегает всё тело...»

О шуво в тех же письменах рассказывается: «... Земли тайцзяо находятся на восток от Хуцзы. Тайцзяо похожи на чжуйданъэр, схожи также во многом и их нравы и обычаи ... женщины этого племени носят на голове косынки из материала типа газа, одежда их проста и надевается через голову...»

Таким образом, методы производства и ношения одежд племён с востока и варваров с юга похожи по своей основной сути, и, как мне думается, были постепенно заимствованы и другими народами.

Поскольку в свитках «Тундянь» указано, что способ выделки одежды аборигенов Люгуя очень похож на тот, которым пользовался народ ляо, нельзя говорить, что у наций, живших в непосредственной близости к острову Сахалин, а именно в бассейне реки Хэйлунцзян, одежды сильно отличались от тех, которые носили на Сахалине.

В уже приведённом выше источнике «Кайюаньсиньчжи» говорится: «...Цзиличжи имеют четыре склонности характера - слабую, сильную, жадную и хитрую. Едят они рыбу, которую ловят в бухте; одежда плотно облегает их тело; в летний зной

носят одежды из рыбьей кожи, зимой шьют одежды из меха собак».

Кроме этого можно привести источник «Цзаотин», в котором рассказывается о народе хэйцзинь: «...Женщины [их] носят ткань шириной 1 фу; сам охват одежды похож на конские удила, идущие через всю спину, одежда начинается у горла и идёт через всё тело до колен и ниже; эти одежды только прикрывают женские прелести...»

Из двух вышеприведенных источников вытекает один вывод, что одежды, носившиеся двумя северными народами хэйцзинь и цзиличжи имеют сходства с теми, которые носили варвары Люгуя эпохи Тан.

Народ хэйцзинь из данных источников - название в Китае тунгусов, гольдов и ольчей, а название цзиличжи указывает на гиляков и тунгусов. И общим выводом из всего ранее сказанного будет то, что способы ношения одежд жителей Люгуя в основном имеют сходства со способами народов, живших вблизи течения реки Хэйлунцзян, а именно вблизи о.Сахалин от устья великого Хэйлунцзян.

Живущие в настоящее время айны, а также многочисленные народности тунгусской этногруппы, подобно и как жители древней Японии, носят одежды открытые, со вставкой в виде полосы слева. А туземцы полуострова Камчатка носят одежды в виде трубы, надеваемой через голову, подобно народам хэйцзинь и цзиличжи, которые описаны в древнекитайских рукописях.

Ввиду всего этого могу сформулировать важный вывод: стиль ношения одежд, когда-то присущий югу Китая, в своё время широко распространился на народы, проживающие по всему тихоокеанскому побережью.

«Камчадалы делают одежды из шкур собаки, оленей, а позади шивают длинный хвост». (Kracheninnikow. La Description du Kamtchatka, p.39.). Думаю, что привычка - вшивать в одежды хвосты присуща всем «пауковым» нациям, жившим в горах Цзие в эпоху правления Тайхэ. Эта гипотеза подтверждается документом «Хроники Шенью»: «... люди гор Цзие роют для себя дома типа колодцев ... на одеждах для пушей красы носят хвосты; отвечаем Вашему Величеству, что эти люди имеют и даже называют свои имена...»

Часть III. Луки и стрелы (Оружие)

В тексте источника «Таншу», в котором рассказывается о Люгуе, можно встретить такие слова: «... Длина луков аборигенов более 4 сяку; метод положения при стрельбе такой же, как и в Китае; наконечники для стрел точат из кости и камня».

Гиляки делали свои стрелы из дерева, луку придавали не только прочность, но и эластичность тем, что оборачивали его берестой. Для тетивы они брали китовые жилы, а когда делали наконечники для стрел, то использовали берцовые кости оленя. Такие стрелы назывались на их языке кулангук. Но использование материала для наконечников у них не ограничивалось только костью. Материала было замечено очень много.

В записках «Хоккай» есть текст: «...Эдзосцы свои луки называют хаг, а тетиву - ахэ. Делают луки из дерева кинан (*один из видов камфарного дерева. - Прим. автора.*). Длина таких луков превышает 4 сяку. Иногда луки оборачивают корой берёзы. Как дополнение к смертоносности наконечника стрелы, эти наконечники смазывают ядом. Ширина охвата такого лука всего лишь 5 бу. Концы лука делались из рога оленя, равно как и рукоятка. Длина стрел примерно 1 сяку 2 сун. Толщина на концах всего 1 сун. На обратном конце стрелы оперение из перьев баклана или сокола-сапсана».

А вот какой текст есть в отчёте исследования земель Эдзо: «... на Эдзо есть у туземцев развлечение стрельбой из луков. Если посмотреть на их луки, то отличия от наших на первый взгляд не обнаружить. Луки делаются из кинан-дерева, а длина луков достигает 3 сяку 7-8 сун; охват у рукоятки лука - 2 сун и 6-7 бу. Сверху и снизу концы слегка заточены, а поверхность лука и тетива рифленые. Лук обернут корой дерева... Наконечники для стрел выточены из кости оленя. Кроме таких стрел используют заостренные побеги бамбука».

В текстах о нравах туземцев Эдзо сказано: «... [их] луки делаются из дерева и имеют круглую форму. Длинной они более 3 сяку. На концы надевается тетива, сделанная из лозы. С одного конца стрел нацеплены перья баклана или сокола. Наконечники для стрел либо из кости, либо из рога оленя, а также из заостренного бамбука. Иногда наконечники смазывают ядом; кроме этого, используются туземцами и железные наконечники. Стрелы с такими наконечниками дикари применяют во время охоты на крупного морского зверя».

Делая заключение, можно сказать, что подобный способ оформления луков и стрел, а также наконечников для стрел присущ как айнам, так и гилякам. Следовательно, по части вооружения грань различия между этими двумя нациями Сахалина провести невозможно.

Часть IV. Прически аборигенов

В источниках «Синь Тан шу» сказано, что люди Люгуя весьма волосаты. Если смотреть с этой позиции, то можно смело заявить, что подобное утверждение автора древнего китайского источника никак не подходит к гилякам. Теперьшние туземцы хотя и носят сильно отрошенные волосы, но они у них связаны пучком на макушке. Причём, мужчины делают пучок из одной косицы, а у женщин разделённые на два ряда волосы заплетены в косы и спускаются по спине. Маньчжуры брили головы вокруг, и отращивали волосы только на макушке, заплетая их затем в косицу и откидывая назад за спину. А у гиляков причёска несколько отличалась. Тунгусы распускали свои волосы на манер тех народов, где сильно было влияние негидальцев, ольчей и ороков. Такие причёски носили тунгусы в тех местах, на которые не распространялся указ китайского правительства о ношении причёсок на маньчжурский лад (*брить голову, а отрошенные на макушке волосы заплетать в косу. - Прим. автора.*). Для того, чтобы увидеть, что айны, жившие на Сахалине, завязывали всегда волосы в хвост, следует обратить внимание на записи об исследованиях острова, в строках которых есть упоминания: «...Свои волосы туземцы делят на три равные части - слева, посередине и справа и связывают их сзади, опуская затем вниз, что практически одинаково с причёсками ороков».

Таким образом, описанный стиль ношения волос в равной степени присущ и гилякам и орокам. Однако есть небольшой нюанс. С давних пор у айнов сохранилась привычка делать левый пробор в волосах. В записях путешественника Акимичу рассказывается об этих нравах туземцев: « ...Мужчины разбрасывают волосы в беспорядке, оставляют большие бакенбарды и делают в волосы небольшую вставку (*клин. - Прим. автора.*) из коры дерева с левой стороны. Женщины прикрывают волосами затылки и обрезают волосы вокруг ворота».

Айны Сахалина новейшего времени (57) носят косицы, а у

народов, проживающих с ними по соседству, т.е. ороков и гиялков, этот стиль не сохранился. В «Заметках о Японии» автора Такэути Сукунэ о привычках ношения волос отмечается: «... На востоке есть страна варваров Хиитаками. Они носят косы, спускающиеся вдоль тела. По характеру они мужественны и стойки...» Эти строки автор писал об Эдзо. Думаю, что в раннюю эпоху Гань каких-либо особых причёсок у аборигенов не было. Однако в ранний период развития и освоения Эдзо причёски туземцев больше стали походить на японские. В «Хуан Цин Чжи Гун Ту» (свиток № 3) о нравах народа куге, т.е. айнах Сахалина говорится: «...мужчины куге стригут волосы спереди, но отращивают их сзади, и когда длина их достигает уровня плеча, их обязательно подрезают...» И вряд ли можно утверждать, что это было не в японском стиле. Вывод напрашивается один: прежде всего, методы и стиль ношения и заплетения волос айнов, которые дошли до настоящего времени из глубины веков, отличаются большим разнообразием. Возможно, это является причиной того, что айны, находясь на стыке нескольких культур, долгое время находились под влиянием культур, нравов и привычек соседних народов. И всё же исконно существовавшие у туземцев нравы и обычаи в сущности не претерпели каких-либо серьёзных изменений в части ношения причёсок. Описания, приводимые выше, прежде всего касаются и айнов Сахалина, на которых распространялось влияние соседей.

Часть V. Снегоступы (Снегоходы)

В летописи «Синь Тан шу» о Люгуе говорится: «...Снегоступы в Люгуе очень крепкие, сделаны они из дерева и в длину достигают 7 сун, а в ширину более 6 сяку; надевая их поверх обуви, необходимо укрепиться, замотав ноги верёвками; используют аборигены их во время охоты и погона животных...» Данный отрывок текста красноречиво свидетельствует о том, что айны и гиялки, проживавшие на Сахалине широко пользовались так называемыми снегоступами. Сама форма снегоступов была двух типов - большие и малые. Большие снегоступы на гиялском языке назывались эни (эпу). Малые снегоступы звали лакк (lakk). Лакк имели следующие габариты: длина до 5 сяку, ширина 5-6 сун, они намного предпочтительнее, чем эни. Соотношение ширины и длины явилось тем удобством, которое сыграло

роль в предпочтении их снегоступам эни.

Способ изготовления таких снегоступов таков: соединяются две доски, а передняя кромка несколько стачивается на конце (заостряется). Чтобы получились эни, а не лакк, необходимо оклеить их кожей. И для того, чтобы нога не скользила по доске, посередине делали перегородку в виде сетки. Применение снегоступов для быстрого и удобного передвижения по снегу не ограничивалось только туземцами Сахалина. Хорошо известно, что кроме жителей Сахалина в древности и поныне в особенно холодных краях такими снегоступами пользовались и аборигены Сибири, Монголии, Маньчжурии, Кореи и на Тибете. В свитках «Таншу» о киргизах говорится так: «...Везде, по всему Востоку встречаешь людей, пользующихся «деревянными конями», надев этих деревянных коней можно продвигаться быстро по насту; это две доски, а посередине них - коробка для того, чтобы ставить туда ногу; с боков можно для удобства пользоваться деревянными палками; шаги делаются легким рывком ног; при сильных рывках можно двигаться ещё быстрее...»

Об этой же местности говорится и в другом древнем источнике «Тайхэ-Хэаньюй» (58): «...Люди для передвижения здесь используют «деревянных коней», при помощи которых они могут взбираться на горы и летать вниз как птицы...» В хрониках «Синь Тан шу» о народе пашимиль сказано: «... В этой стране очень много снега, для преодоления сугробов люди пользуются «деревянными конями»; становясь на них, люди идут поверх снега и не проваливаются, при этом они ловко пасут оленей; похожи эти деревянные кони на щиты; верх их задран высоко; снизу они оклеены гладкой шерстью, чтобы скользить; на шерсть не прилипает снег; для того, чтобы нога не скользила по щиту, на неё крепится сетка, в которую просовывают ногу; ноги завязывают вокруг верёвкой; при помощи этих коней «можно погонять оленей, ступая смело по снегу, как по земле...», «... для равновесия, с боков человек подпирается палками, которые держит в руках, ими можно отталкиваться или двигаться при подъёме или спуске, каждый охотник держит у себя дома таких «коней», поскольку они его кормят...»

В том же самом документе о народе шивэй говорится: «...В тех местах выпадает очень много снега; когда бывают снежные заносы и западни, люди становятся на "деревянных лошадей"...» В летописях «Гань» о киргизах сказано: «...Во

время охоты для того, чтобы быстро двигаться по снегу, используют "деревянных коней"...

Читая эти тексты, невольно делаешь вывод, что снегоступы были знакомы людям, живущим в заснеженных районах, с давних пор, можно сказать, всегда. В монгольском языке снегоступы называются чана (сапа), а в языке торко - сана (sana).

Рашид Эдин (Raschid Eddin) писал: «... Люди становятся на особого рода доски, называемые тяна (чана). Подвязав ноги сеткой, они отталкиваются от снега длинными палками и передвигаются среди снегов, подобно тому, как передвигается корабль среди волн моря. На бескрайних просторах, обув их, люди могут подняться на высоты или спускаться в низины, их скорость передвижения может сравниться только с бегом животных. Для изготовления тяна (чана) используют две доски. Для того, чтобы взять добычу, даже впервые вставшему на тяна человеку, нет необходимости снимать их, а достаточно просто стоять на них, а если необходимо спуститься с горы, достаточно просто оттолкнуться при помощи палок. Даже если красноречиво описать эти тяна (чана), думаю, что в существование их мало кто поверит, поскольку не увидев это изобретение собственными глазами, довольно трудно поверить в такое. Даже Великий падишах, услышав про тяна (чана), несколько усомнился вначале и велел привезти человека из тех мест. Он был свидетелем этого странного, но красивого мастерства, когда человек из тех краев продемонстрировал их. И его сомнения были полностью рассеяны...»

Тяна (чана) используют в Монголии и даже в Туркестане. Особенно широко ими пользуются люди в таких местах, как Barguzin tukum, Khorl, Kirghiz, Lrast, Telengut, Tumet. Поскольку снегоступы в условиях суровой зимы - это самое незаменимое средство передвижения, границы распространения их весьма обширны. На шведском языке их именуют skidor, на русском - лыжи (lyzi), на языке самоедов названий несколько - lamba, tuta, tudo, tolde, theima, на остякском - tox, в енисейско-остякской группе языков - asil или asl; на тунгусском - suksilda, в финской группе языков - sukset, на корейском языке - syol-ma; на Тибете - khag-lham (caglam). Дело в том, что в корейском языке syol-ma записывается двумя иероглифами - «снег» и «конь», но эта запись не является правильной с точки зрения корейской фонетики и словообразования. Однако необходимо заметить,

что в корейском языке обувь называют sin, деревянные сандалии (59) - namgak-sin. А в монгольском и торко языках снегоступы называются sana, сапа. Если прочитать древние записи, повествующие о народе syon, то на языке этого народа обувь зовется sei. В языке же народа гаоли соломенные сандалии (60) зовутся чен. Тогда два иероглифа - «си» и «чен» в корейском звучании приобретут слово «сиен». В японском же языке первый иероглиф звучит «сэн» (sen), а второй - «сэй» (sei). На языке аньнать - 1-й звучит «тан» (tan), а 2-й - «тхан» (thanh); в древнем корейском языке слово «куцу» (обувь) не звучало как «син» (sin), а звучало, как «сон» (son) или «сэн» (sen), и как бы то ни было, «сана» (sana) на языке торко более близко и созвучно к «син» (sin), и было, видимо, в своё время заимствовано из языка торко, принимая правила фонетики на свой, корейский, лад. В нашей стране снегоступами никогда не пользовались, а посему и точно передаваемого по звуковому содержанию слова или иероглифа нет. Однако есть иероглиф «сори» (сани, санки). В маньчжурском языке их зовут сэркхэ (serkhe); в тунгусском - турки (turki); в монгольском - сарга-сарга (sarga sarga), в языке койбал (koibal) сани зовутся сор-сойр (sor sor); в сальбинском (Salbinsk) диалекте - сор (sor), в кондаковском (kon-d'akowsk) языке - сор (sor), в енисейско-остякской группе языков - соул (sul), среди наций сухул (suhul) и самоедов, т.е. на языках моторен (motoren) и камассин (kamassin) - сор (sor).

На основе этого можно сделать вывод, что корень и источник происхождения этого слова одинаков для всех этих языковых групп и имеет начало в японском языке, где «сани» звучат сори (sori). Сори, в свою очередь омонимично словам «суру» - тереть и «сору» - брить, стричь, косить. В финском языке «суру» - делать скользким, скользить, - звучит как hieroa (h=s), а точильный камень - сiera (siera); в наречии эстэн (esten) - хор (hor (h=s)); в сиранском (syran) языке, а также на пермском диалекте слово «сору» - брить, стричь, звучит как тар (tar), дэм (dem); на карагазском (karagas) наречии - тар(tar), мэн (men) или дар (dar), мэн (men); на языке койбал (koibal) - сур-тер-бен (syg-(ter-ben)); на бурято-монгольском языке значение «притягивать» передается словами «чер-нер» (cer-ner), «сир-нэм» (sir-nem), «сир-нэр» (sir-ner). В монгольском языке слово «повозка» - тэргэ-тэрэге (terge-terge). В тунгусском языке слово «субэру» - скользить, - звучит как сиру-нам (siry-nam), а слово «сори» - санки - тэрга (terga), а повозка - тарга (targa); в

корейском языке слово «са-суру» - полировать, шлифовать, - звучит как «ссёур» (sseur), повозка - сурои (sygoi). А посему, все эти слова имеют одну языковую линию с чисто японским корневым словом «сори» (sori) - сани, или «суру» (sugu) - скользить, или «сору» (sogu) - брить, косить, стричь.

Часть VI. Пища

В древнекитайском источнике «Тундянь» говорится, что на острове Люгуй «... предпочитали употреблять в пищу солёную рыбу...», однако слабым местом камбуна (61) является то, что при соединении иероглифов «соль» и «рыба» эту часть текста можно понимать двояко. А именно: если связать в одну фразу два иероглифа - сию (соль) и уо (рыба) (62), то получится, что рыба просолена солью, и если же это два отдельных слова, то получится смысл: рыба и соль. В «Синь Тан шу» иероглиф «рыба» стоит перед иероглифом «соль». Исследовав эту запись, можно сравнить её с записью в «Тундянь», где иероглиф «соль» стоит перед знаком «рыба», что с точки зрения китайского словообразования одинаково, и можно подумать, что смысл этих знаков - информация о наличии двух продуктов. Нечего и говорить, что Сахалин богат на различные виды рыб, но производилась ли и употреблялась ли в пищу соль в этих местах, стоит разобраться. Это, конечно же, является вопросом, который может быть решён только при скрупулезном анализе. С него-то и стоит начать.

По утверждениям господина Шренка, в местах проживания гиляков не существовало культивирования хлебных злаков, и поэтому туземцы в пищу употребляли главным образом мясо рыбы и зверя. Более того, кроме некоторых видов мяса ели землянику и овощи (виды дикоросов). А поскольку в этих местах не разводились злаковые культуры, то они обычно ввозились из Японии, Китая или Маньчжурии. Во время праздника медведя собравшиеся в большом количестве туземцы имели обычай запекать снопы пшеницы, бобов и проса. Однако эти злаковые культуры в пищу они не применяли, а обходились мясом зверя и рыбы, и это было распространено не только у гиляков, но и у айнских племён. Это зафиксировано в клинописях Эдзо на листьях тростника (63): «...Запрещено ввозить различные виды злаковых культур в центр Эдзо, сами аборигены способа выращивания злаков не знают. Вследствие этого, они не знают распаханного поля

с грядками. Не любят разнообразия овощей. С приходом зимы переходят преимущественно на животную пищу. Лопух, произрастающий в горных распадках, неизвестен в качестве еды туземцам Эдзо, в основном только мясо рыбы и зверя. Туземцы Эдзо во время еды, подаваемой на стол, ограничиваются одной деревянной миской. Растительных масел не используют. Соли в мисо (64) не кладут. Мясо рыбы и зверя, а так же корни едят отваренными в пресной воде. Изредка разбавив солёную морскую воду пресной, замачивают в ней плоды диких слив». В дневнике Акимицу о туземцах Эдзо сказано: «...Злаковые для еды не употребляют, а ловят некоторые виды рыб, птицы и зверя, запекают их мясо в таком виде, как поймали, не употребляя при этом соли...» Таким образом, для приготовления пищи, айны соли не употребляли, и гиляки также не добавляли её в пищу.

По объяснениям господина Шренка, в местах проживания гиляков добыча соли была просто трудной задачей. В тех местах туземцы не только не знали мест залежей её, а скорее - не любили. Однако изредка встречались люди, которые запасали её или знали места залежей соли, но не понимали сущности её, как важного компонента для приготовления пищи, соль всегда для них была диковинкой, а посему туземцы просто складывали её в своих кладовых. И для того, чтобы наконец понять, почему же айны и гиляки не ели соль, думаю, следует обратить внимание на господина Бунге (Bunge), который дал по этому вопросу обстоятельный исчерпывающий ответ. По предположению Бунге, народы, которые постоянно вели охотничий образ жизни и употребляли в пищу только мясо животных, такого продукта как соль просто не знали. В противоположность им, у наций, которые употребляли в пищу злаки, была постоянная потребность в таком химическом элементе, как соль. А, следовательно, соль у них, как продукт питания, была необходимостью, диктуемой самим образом жизни и существования.

И, как было уже указано несколько ранее, гиляки во время праздника медведя всё-таки готовили в пищу некоторые виды злаков, но это происходило только один раз в год, то есть совершенно нерегулярно и незначительное время, а в обычные будни ели только мясо рыбы. И нет сомнения в том, что и гиляки, и айны в соли, как продукте, просто не чувствовали необходимости. Свидетельством тому, что в местах проживания гиляков соли не было изначально, является

тот факт, что слово «соль», которое на диалекте гиляков звучало как «tafs», является для их языка словом-заимствованием. Господин Шренк выдвинул гипотезу, что это гилякское слово перекечало из маньчжурского, где соль звучит как «дабсун» (dabsun), или монгольского языков, в котором оно звучит как «дабасун» (dabasun), тогда как предполагается, что соль переправлялась гилякам Сахалина и жившим в устье Хэйлунцзян народам из некоторых китайских местностей. Кроме этого, на айнском языке «соль» звучит как «сиппо» (sippo), и тогда становится ясно, что оно заимствовано из нашего родного японского языка, в котором оно звучит как сихо(сио) (siho). *(а по-древнеяпонски, где не было звука "х" - сипо (sipo). - Прим. автора.)*. Следовательно, соль впервые была открыта айнам японцами. Но в те далекие времена и айны, и гиляки не употребляли соль в пищу а тем более уж не знали способа её получения химическим путём, и поэтому строки в «Тундянь» о предпочтении солёной рыбы и в «Синь Тан шу» о «соли и рыбе» являются не более чем вымыслом авторов названных древних текстов.

В «Синь Тан шу» о Люгуе говорится: «...Проса здесь мало и оно похоже на сорную траву; овощей нет в том понимании, в каком они есть на самом деле; из злаков всего один вид, похожий на тростниковый рис». Следовательно, видно, что из злаков произрастал только один вид проса. Какой именно вид злака представляет собой указанное просо? Об этом виде злаковой культуры хорошо сказано в нижеприводимом тексте документа «Картинки Эдзо»: «Несмотря на то, что туземцы употребляют в пищу преимущественно мясо птицы, зверя и рыбы, ни разу не было того, чтобы земля не рождала хотя бы один из видов зерновых. Здесь есть так называемая аюуси-амама, то есть один из видов злаковых культур, а иначе - сорт укува (65). Он произрастает на Эдзо и является палочкой-выручалочкой в провианте местных жителей. Название аюуси-амама делится на «аю» - название колючки на кусте; «уси» - значения «быть», «находится», «ама-ма» - общепринятое название пищевых злаков, имеющих колючки. По рассказам дикарей, это зерно им дали спустившиеся очень давно с неба огненные боги. С тех пор эта культура стала производиться как "богом завещанная"».

Таким образом, эта культура была почитаема всеми. И дело постепенно дошло от простого почитания и обожествления до употребления её в пищу, так сказать, в качестве хлеба для

души. Расскажем дальше об этом подробнее: «...На пустыре, что рядом с домом и называемом мулька-усикамой, сделалось божественное свечение и все пали ниц. На земле, где стояли боги, выросли колосья». С тех пор эта культура злаков, производящаяся в обоих домах Оу и Мацумаэ, называется эдзо-хие - зерно Эдзо (66). Другие виды злаков на неё не похожи, и, несмотря на то, что почва в тех местах слабо удобрена, эта культура созревает и распространяется очень быстро. Этот злак, называемый эдзо-хие, на исконно-японских землях (67) не произрастает, но должно быть он был открыт японцами ещё до того, как появился в Японии с Эдзо.

И пока размышляешь о том, как эта культура попала в Японию, можно обратить внимание на то, что она произрастает на заболоченных полях, называемая рожью та-биэ (68). Причём та-биэ не ограничивается только залитым водой полем. Главным образом в местах глухих и заболоченных высаживается этот злак и в течение недолгого времени созревает.

Таким образом, в старину туземцы, ещё не умеющие обрабатывать почву, делая её более плодородной, использовали в качестве высеваящих злаков именно этот сорт. И после того, как появилось множество культурных зерновых, этот сорт не развивался; не стало людей, производящих эту грубую и мелкую культуру, и лишь в таких местах, как Оу и Мацумаэ этот сорт злака продолжал высеваться. Эдзо-хиэ получил такое название главным образом благодаря тому, что только на Эдзо пользовался популярностью, и название его должно говорить само за себя. Это и впрямь дикий хиэ, поскольку не обрабатывается человеческими руками, а произрастает без специального ухода, сам по себе, на равнинах и подтопленных местах, постепенно меняя свои формы созревания.

Таким образом, ни один из сортов, родственных хиэ, не произрастает в Японии, и я слегка сомневаюсь, что подобный вид произрастает только на Эдзо. Вот что говорится о та-биэ в японском источнике «Дзютэй Мотогуса Амимоку» (свиток 39). В нём рассказывается о злаке санко (69): «...Хиэ-утиная ножка различается так: 1-й та-биэ, это произрастающий как и рис в низинных заболоченных местах; 2-й из них - это суходольный хиэ, так называемый хата-биэ, возделываемый на сухих почвах. Оба вида похожи на некоторые виды проса или ячменя; колос этого растения изогнут как у чумизы, с

маленькими ответвлениями величиной 1 сун, по всей длине есть полоса фиолетового цвета; из кэ-биэ (70) делаются моти (71). Из коротких кэ-биэ делаются мукуромоти; если посмотреть на этот хиэ без стебля, то он выглядит почти как хрен. Аки-биэ (72) опаздывает с созреванием; бон-биэ (73) очень вредит излишек влаги, потому во время летних паводков побеги, на которые обрушивается поток, прогнивают приблизительно на 1 сун». И об этом хиэ здесь же говорится: «... Хиэ - это вид дикорастущего ясэй-биэ, а сухой хиэ зовётся пшеничным хиэ и произрастает на сухих землях и рождается сам на пустырях; ростки напоминают траву собачий хвостик (инукорогуса). В конце лета появляется стебель, похожий на санко, с немного темного цвета остью колоса или вообще без ости, став фиолетового цвета, ость колоса твердеет, и тогда растение зовётся одним из названий куроинэ-биэ (74), или кума-биэ (75); мидзу-хиэ (76) зовётся также куса-биэ, это и есть хагуса; раз повелось обозначать иероглифами «хагуса» растение инукорогуса, но это ошибка, правильный иероглиф - немного другой».

Как сказано в источнике «Синь Тан шу»: «...Один из видов проса - хагуса, а именно мидзу-хиэ похож вообще на хиэ». Становится ясно, что это описанное растение не является хагуса, т.е. водяным просом. Всё вышеназванное относится к растению, которое произрастает на Люгуе и является просом типа санко, а именно *Panicum Frumentaceum* и указывает на табиэ (77).

Часть VII. Церемония погребения усопших

Вот как описано в «Тундянь» погребение умершего: «...Траур по усопшему длится 3 года, в это время родственники не носят ярких одежд». А это есть ни что иное, как похоронный ритуал айнов Сахалина.

Вот что говорится о похоронных процессиях тех мест в рукописи «Атаритё-бун-кайтоко» (78) (свиток 3): «...Траурный ритуал начинается с того, что у умершего дикари острым режущим предметом из заднего прохода вытаскивали все внутренности, затем тщательно очищали тело от грязи и отмывали дочиста; протирали материей досуха, чтобы в дальнейшем тело не гнило. Если плохо промыть, то тело может загнивать. Нужно обязательно не забыть убрать внутренности».

Так отдавали долг усопшим люди с варварскими обычаями. «Для того чтобы у умершего вынуть внутренности, об этом беспокоятся всегда заранее, и потом проверяют чистоту, а затем снова и снова высушивают труп, выдерживая его 13 дней в помещении; затем собираются многочисленные родственники и, срубив большое дерево, делают из него гроб; размеры его - длина 7-8 сяку; ширина примерно 4 сяку; затем ножами отшлифовывают внутреннюю поверхность коробки и делают там подушку, для того, чтобы подложить под тело умершего».

На Сахалине похороны длятся 13 дней, в таких местностях, как Тарайка (79) и Ориката (80) тело выставлялось на просушку в течение 3-х лет; затем гроб уносили в горы и закапывали в землю; сверху гроба сооружали деревянный навес в виде молитвенной пагоды». Вот подтверждение из «Синь Тан шу» о народе шивэй: «...Одной из частей похоронного ритуала является строительство больших палатей, на которые сверху кладут умершего, прикрывая деревьями вход; траур длится 3 года...»

Вот что говорится о погребении одной женщины в источнике «Кайюаньсиньчжи»: «...На погребение пришли все родственники умершей; тело должно долго сохнуть; на церемонии погребения обязательна еда и питье; после 3-х лет тело уносят для захоронения». Эти документы говорят о ритуале погребения в вышеописанных землях. В источнике «Синь Тан шу» о Люгуе сказано: «...Тело, вскрытое ранее, сначала зарывают, а потом сажают сверху могильника дерево». Именно эти строки указывают на традицию вынимать внутренности айнами у мертвых посредством разрезания трупа. Два иероглифа - «запечатывают» и «дерево» - указывают на то, что после зарывания тела, поверх могилы сажали дерево. В «Кайюаньсиньчжи» указывается на то, что айны Сахалина выставляли тело умершего для просушки на специальные палаты, и когда умирали люди Люгуя, родственники просушивали труп после того, как вынимались и сжигались все внутренности. Но сжигался ли сам труп умершего на Люгуе, совершенно неясно. В японском источнике, описывающем церемонию погребения айнов Сахалина, сказано, что кремации не производилось.

В другом же источнике «Кайюаньсиньчжи» о нравах гияков и тунгусов, живших в бассейне устья реки Хэйлунцзян сказано: «...Умершие, после того, как из них вынимаются внутренности, сжигаются; пепел собирается в коробку и

хоронится, а сверху могилы сажается дерево». И поскольку это так, то можно сделать вывод, что обычай вынимать внутренности и сжигать существовал не только у айнов Сахалина, но и у живущих в непосредственной близости от них материковых народов. Господин Шренк утверждал, что обычай кремировать своих мертвых существовал у многих народов и особенно был широко распространен у народов Древней Азии. И сейчас, по его утверждению, в местах проживания гиляков на Сахалине сохранился обычай: если человек умирает, то его хоронят, предавая огню, т.е. кремируют.

«Было и такое, что когда умирала женщина, то в течение 4-х дней, а когда умирал мужчина, то в течение 3-х дней тело стояло в маленькой комнате поверх специально оборудованного алтаря, а на другой день по прошествии указанного срока тело погружали на нарты, запрягали в них собак и увозили на кладбище. Могилы обычно устраивались далеко в горах, подальше от глаз людских. В этом месте, нагрузив хвороста, делали возвышение и на него поднимали мертвое тело. А далее, обложенный деревьями, этот алтарь подпаливался огнем и труп сжигался. Остатки костей собирались в гроб типа коробочки, называющейся пафф (paff), и захоронялись». (Hawes, «In the uttermost East», p. 242 - 247).

«Для этой могилы соорудилась маленькая усыпальница, где на её пол и ставилась коробочка с пеплом. Одежда умершего связывалась на деревянной палке и вешалась в стороне от усопшего. В эти годы среди туземцев расселилось много русских, и их нравы постепенно распространились в среде туземцев. И даже коряки, которые живут намного севернее от гиляков, погружают тела своих умерших на сани, запрягают в них оленей и отвозят на кладбище. Там обкладывают дровами и сжигают». («Description de toutes les nations de L. Embire de Russe», p. 99).

Читая эти источники, можно сделать вывод, что похоронные церемонии Люгуя и те, что существовали на континенте у многих народностей, были в основном схожи между собой. Но нельзя говорить, что эти нравы были присущи только люгуйским обитателям. Однако погребальные процессии народов, населявших в глубокой древности бассейн реки Хэйлунцзян, подобны вышеизложенным погребальным процессиям айнов и гиляков Сахалина. И противоположность им - церемонии погребения живущих на полуострове Камчатка ительмен, которые несколько отличны, и одно из

объяснений этому то, что Люгуй - это не полуостров Камчатка.

«Когда умирал человек у ительменов, его не кремировали, но и не хоронили. И если спросите: так что же с ним делали, ответу: выносили наружу, выволакивали в поле и оставляли на съедение собакам. Чем объясняются эти действия? Их можно объяснить двояко. Во-первых, по представлениям ительменов, умерший, съеденный собаками, в другом мире получал упокой души. Во-вторых, тело его после смерти было жестоко мучимо злыми силами, и если задаться вопросом, зачем его выволакивали за двери, то ответом может быть: чтобы быть спокойными, поскольку эти духи могли причинить вред живым людям, и во избежание этого с телом так и поступали». (Krashenninikow. S.P. «Voyage en Siberia», I sec. 1768, p.127).

Часть VIII. Песни и танцы аборигенов

В источнике «Тундянь» о нравах жителей Люгуя сказано: «...веселятся, когда поют и танцуют...» Конечно, что это за страна, что это за общество, где нет веселья, песен и танцев? И, несмотря на всё это, нет подробного описания песен и танцев дикарей Сахалина эпохи Тан, и об этом невозможно прочитать ни в одном источнике, рассказывающем о народе Люгуя. И тем не менее, и у гиляков, и у айнов, живших на Сахалине, существовали и песни, и танцы. И об этих песнях и танцах айнов хочу привести цитату из сказок о дикарях: «...У варваров есть такое игрище под названием хэтири, играют в него каждый год в местности Сококу у аборигенов Эдзо, когда дикари собираются вместе после богатой добычи нерпы; в окрестностях Сококу обустроивают маленькое круглое помещение; перед тем, как начать делить добычу, приносят много сакэ, как в японском доме свиданий, и когда выпивка пойдет полным ходом, начинают танцевать. В промежутках между выпивкой проводят различные игры, а начинается всё с игры хэтири. Эта игра - словно танец, характеризующий природу Сахалина, который распространяется и на западный Эдзо. Все хлопают в ладоши и кричат, пританцовывают, покачиваясь из стороны в сторону; в этом хороводе участвуют мужчины и женщины - 10 человек. Затем ещё 15 человек, и так до 20 человек вытягиваются в длинную вереницу, танцуя, все хлопают в ладоши, очень интересно наблюдать за этим танцем». «...Вначале все выстраиваются кругом, начиная

водить хоровод, и танцуют как на картинке. Аборигены Эдзо танцуют танец уже очень умело, почти как их соплеменники на Карафуто...»

В заметках «Дух земли Эдзо» говорится: «...Пьют спиртное, даже когда вовсе не хотят; нет людей, которые бы не пили; наливают они мало-помалу; ждут, пока жены и наложницы ещё нальют в стаканчики типа пиал, название которых - кавамоку (81), затем приветствуют друг друга; едят и пьют; затем обязательно едят рыбу; запивают её сакэ; все высоко поднимают бокалы над столом; бокалы держат левой рукой, правой - жестикулируют вверх-вниз, влево-вправо; никакой праздник не обходится без сакэ; можно залюбоваться этим обрядом; даже пьяные, они вполне отдают себе отчёт; затем все встают танцевать; танец очень захватывающий; начинают махать обеими руками; одной рукой прихлопывают по груди; это танец журавля; одновременно выкриками имитируют голос журавлей; эта песня немного походит на ту, которую исполняют журавли в природе; издают звуки «кавава-кавава»; название этой песни «Юкава» (*«Песнь журавлика»*. - Прим. автора.)».

И если предположить что люди, обряд которых описан выше - жители Люгуя, а иначе - айны Сахалина, тогда можно заключить, что рассказанное никоим образом не противоречит действительному положению в их песнях и танцах.

Часть IX. Аборигенам не известны времена года

О том, что жители Люгуя не знают сменяемости времён года сообщено в «Тундянь»: «...Не знают четырёх времён года». Если речь идет о варварских племенах равнин, то это вполне может оказаться истиной. В письме на тростнике об Эдзо сказано: «...На острове Эдзо нет порядка исчисления и самих буквенных обозначений календаря; день рождения ведут по годам и месяцам, от отца и матери, а дней не знают. Для исчисления используют возраст предыдущих поколений, только так и различают своих предков. Неудобно, когда рождение ведется от года и месяца. Например: во времена молодости такого-то старика происходило то-то и то-то. Для того, чтобы следить за четырьмя сезонами года использовалось время - холодное и тёплое, а также время появления насекомых, рыб из икры, цветения травы и деревьев, а также

гон животных и птиц, по голосам, которые можно было слышать утром, они безошибочно определяли, какой сегодня день, а уж тем более, какое время года. Если нет календаря, но можно безошибочно, хоть и с неудобствами, определять сезоны и даты, тогда в чём же получается трудность жизни?»

Нельзя утверждать и быть до конца уверенным, что описанное выше касается айнов Люгуя, хотя противоречия в том, что люгуйские айны не имели летоисчисления как в реальном, так и в описанном положении вещей, думаю, нет.

Часть X. Лошадей туземцы не держат

Вот, что сказано в той части источника «Тундянь», которая повествует о посещении Китая посланником Люгуя: «...Сначала прибыли к мохэ [...] у жителей Люгуя нет лошадей; взобравшись на лошадь посланник в ужасе упал с неё вниз головой».

Как было показано ранее, в качестве домашних животных айны и гиляки, жившие на Сахалине, держали собак, но никогда не использовали коров или лошадей. Кроме этого, ороки (ogokko), которые также жили на этом острове, помимо собак использовали оленей. Посланник, который однажды посетил страну народа мохэ, впервые сев на лошадь, не знал, как управлять ею, и неудивительно, что он сразу же упал с неё. Следовательно, указанная часть текста «Тундянь» вполне может оказаться правдой.

В наше время на Хоккайдо много пастбищ, где пасутся лошади, и айны их, конечно, используют. Однако изначально этих животных хоккайдские айны не держали, и впервые в те места лошади были завезены из Японии.

На айнском языке лошадь звучит ум-ма (um-ma); ясно, что это созвучно с произношением японского слова «ума» (uma) - «лошадь». На гилякском языке лошадь звучит как «мур» (mur), а это, в свою очередь, созвучно с тунгусским диалектом, где лошадь звучит как «мори» (морин) (mori (mugin)). Таким образом, ни айны, ни гиляки, в древности такого животного, как лошадь не знали. У айнов островов Тисима лошадь звучит как «росот» (rosot), и господин Бэчелор объясняет это созвучием с русским словом «лошадь», поскольку и на Тисима изначально лошадей не держали, и это животное также было впервые завезено туда русскими поселенцами.

Часть XI. Климат

В «Тундьянь» о Люгуй говорится: «...Много водоёмов и болот; в этих землях зима очень холодная и рано выпадает иней и снег», а в «Синь Тан шу» о той же территории говорится. «...Много водоёмов и болот; земли эти чересчур холодные, много инея и снега...» А раз так, то эти документы по своим свидетельствам, никаким образом не расходятся с истинным положением вещей на Сахалине. Этот остров лежит в Восточной Азии на очень холодных широтах, близко к Полюсу холода; более того, он находится на юге Охотского моря, где климат очень холодный, а посему климатические условия не благоприятствуют развитию сельского хозяйства. Примерно до середины мая на южной части острова, не говоря уже о северной, виден местами на вершинах сопек белый снег. Находящийся на 48 градусе северной широты Кусюннай (Kusunai) имеет среднегодовую температуру 0. Наиболее жаркий месяц здесь - июль. Самый холодный месяц - январь. Летом нередки туманы и постоянно моросит дождь, а зимой часты снегопады, что приводит к неприятностям по части передвижения.

Кусюннай находится на уровне умеренно-сухого климата материка, что соответствует среднему положению острова; а посему здесь в середине года часто идут проливные дожди, выпадает до 149 мм осадков, а облачность наблюдается 104 дня в году. Это значит, наблюдать ясную погоду больше 255 дней в году практически невозможно. Восточная часть острова в отношении климата самая неблагоприятная. В этой части за зиму выпадает огромное количество снега, а летом много пыли и грязи на дорогах, и на непросохшую землю снова и снова падает дождь. Толщина выпадающего снега от 3 до 5 метров, что вызывает слишком затяжную весну, поскольку снег долго не тает. В горных лощинах, где так мало ровного места, невозможно рано сажать культуры, а посему и собрать большой урожай не представляется возможным, а поэтому сюда необходимы поставки продовольствия из других мест.

Население этого острова малочисленно, вот какие цифры можно привести по переписи населения господина Венюкова. Население этих земель составляет 12500 человек. Из них русских - 3000 человек, японцев - 3000 человек; китайцев - 100 человек; гиляков - 3000 человек, айнов - 3000 человек; ороков 400 человек (Wenjukoff, «Russisish-asiatische Grenland».

1874).

А каким образом были определены эти цифры по переписи, автор не указывает, и мы не можем этого сказать. Однако автор их опубликовал в 1874 г., и, несомненно, они касаются ранних исследований по этнографии острова. И после того, как эти территории вошли в состав Русского государства, в опубликованном в 1903 г. докладе Хавеса (Hawes) («In the uttermost East», p. 104) указывалось, что общее число населения Сахалина - 36 000 человек.

В ближайшие годы, думается, население острова пополнится за счёт прибытия людей из России в его северную часть. Следовательно, совершенно невозможно будет подсчитать первоначальное число жителей Люгуя, хотя в эпоху Тан, как мне видится, можно взять за основу число жителей - 10 000 человек. Думается, что это ещё не окончательная цифра, и со временем она может мало-помалу увеличиваться, приобретая реальное число.

Часть XII. Смысл названий и имен Люгуя

Если допустить, что в вышеизложенных пунктах статьи нет ошибок, то Люгуй, описанный в «Тундьянь» и «Синь Тан шу», с точки зрения географического положения, а также по нравам, обычаям и способу производства, представляется островом Сахалин, но уж совсем никак не полуостровом Камчатка.

И если мы уж решили, что Люгуй и Сахалин - названия, обозначающие один и тот же остров, то мы должны разрешить следующий вопрос - какие народности проживали на этой территории. Если задаться вопросом, кем заселён этот остров сейчас, то ответу - русскими, японцами, китайцами, якутами, ороками, гиляками и айнами. Якуты, которые жили в северной части Сибири, возле Северного Ледовитого океана, народности торко, ороки, которые перекочевали из центра Сибири на восток и растворились среди тунгусов, в настоящее время продвинулись далее: с материка на острова, а посему не могут являться коренными народностями Сахалина, в то время как айны и гиляки являются таковыми. Ныне эти две народности имеют следующее расположение: если судить в общем, то гиляки занимают северную часть острова, а айны в подавляющем большинстве расселены по южной части. Люгуй эпохи Тан находился «...севернее, в 15 днях плавания кораблём

¹ Кусюннай - ныне п. Ильинский.

от народа мохэ...», а раз так, то можно предположить, что Люгуй, о котором знали китайцы, представляется, как Северный Сахалин. А судя по тому, что расположение народов, населявших Люгуй в эпоху Тан, мало изменилось, тогда Люгуй должен быть скорее гилякской территорией, чем айнской. Несмотря на это, возникает вопрос: а жили ли вообще гиляки на Сахалине в эпоху Тан?

Сейчас-то, конечно, они расселены и вдоль устья реки Хэйлунцзян, и в северной части острова Сахалин. Но в каком же направлении происходила в своё время их миграция - с материка на остров, или наоборот - с острова на материк? Когда в северной части Татарского пролива наступала зима, то всю поверхность бухты затягивало льдом и, видимо, туземцы, запрягая в сани (нарты) собак, с устья Хэйлунцзян переправлялись на Сахалин в районе Александровска. Обратная связь острова с материком была столь же лёгкой. Я, опираясь на вышеизложенные факты, придерживаюсь мнения, что гиляки переправились в своё время именно с материка на остров, хотя у этой гипотезы есть немало оппонентов.

Господин Шренк, выдающийся автор книги «Об инородцах Амурского края», проводит мысль, что гиляки - это коренной народ Сахалина, а айны, которые селятся на южной части острова, в своё время расселились там, спасаясь от гнёта японцев, и прибыли на остров с северной части Хоккайдо. Могу в противовес его доводам добавить, что гиляки, притесняемые айнами с юга, большей частью вынуждены были переправиться через Амурский лиман и осесть вдоль устья реки Хэйлунцзян.

Доктор Хавес, встретившись со жрецами гиляков и спросив их, из каких мест пришли их предки и прародители в эти земли, получил ответ, что с мест, находящихся где-то на западе. Поскольку у туземцев не было ни букв, ни письма, чтобы фиксировать своё перемещение, нельзя проверить всё точно, и есть опасность решить, что в действительности эти земли принадлежат гилякам издревле. Однако г-н Хавес объяснил, что описанные Юй Бэем айны являются коренным туземным населением Сахалина. По гипотезе, выдвинутой американским институтом Смитсона (Smithsonian Institution), а также лингвистами Российской академии наук, гилякский язык близок по своему строению к языковой группе народностей, проживающих на тихоокеанском побережье северной Азии,

Северной Америки, а также народностей, проживающих в группе Алеутского архипелага.

Если прочитать трактат доктора Хавеса (Hawes, p. 116), то мы должны признать, что этот язык близок в общем языкам коряков, чукчей и алеутов. В противоположность можно утверждать, что природа языка айнов и тунгусов, живущих по соседству с гиляками, различна, и айнский язык в своём возникновении, по звуковому и лексическому составу, схож с уральскими и алтайскими наречиями, которые, в свою очередь, больше близки к группе самоедских и финно-угорских языков. А посему я считаю, что гиляки в глубокой древности расселилась на Сахалине, мигрируя из мест проживания в устье реки Хэйлунцзян, и, следовательно, делаю вывод, что айны еще более старая оседлая на Сахалине народность, чем гиляки. А раз это так, то на основе широко распространённого в настоящее время в учёной среде мнения, делаю вывод, что айны переправились в Японию с Корейского полуострова, а далее, разведав путь ещё севернее, сдвинулись и осели на островах, постепенно продвигаясь всё севернее и севернее. Это, конечно, противоречит мнению Юй Бэя, которое изложено выше, но, противопоставляя ему свою точку зрения, хочу сказать: ветви двух народов пересеклись, пора уже прекратить излагать только общее представление об их расселении и отбросить всё лишнее в гипотезе миграции народов Хэйлунцзян. Итак, айны, селящиеся на Сахалине, являясь наиболее древней народностью, тогда как гиляки переселились на этот остров с континента, когда и название «Люгуй», и расселение, и этнический состав населения, были уже predetermined.

Нравы и обычаи, существовавшие на Люгуе в эпоху Тан, относились больше к айнам, чем к гилякам, и, читая Юй Бэя, можно согласиться с отдельными местами безоговорочно. Когда понимаешь, что даже само название «Люгуй» указывает на айнов, то делаешь вывод, что Юй Бэй в своём заключении не ошибся. По теории господина Шренка, гиляки называли Сахалин Laeg или Laeg-mif, а айны этого острова называли его Laeg-Kuye (82).

В источнике «Тайцинхуэйдян» (83), кроме маньчжуров и китайцев, перечисляются народности килер-хадши (kiler-chadshi), вияка(фиака) (wiyaka (fiaka)), леркое (lerkoye), орунчун (oryntschun). Исследователь Потье (Pauthier) перевел их, приведя в журнале «Chine Modern» (1853, p. 168): титхе

(tchitche); фей-я-ке (fei-ya-khe); ли-ер-ку-йе (li-eur-koу-ye); голун-чун (golyn-tchun); го-ке-ла (go-khe-la).

В то же время Его светлость архимандрит Палладий, который имел юрисдикцию над провинцией Цзилинь, в то время, когда русские ещё не селились в нижнем течении реки Хэйлунцзян, привел имена народов, которые преподнесли Пекинскому двору мех соболя: хэдше (хэдсин) (chadscha (chadsin)); фиака (fiaka); килер (kiler); орончо (orontscho); кякла (kyakla) («Die Volker des Amurlandes», p. 100).

В источнике по географии империи Цин приведены вышеперечисленные названия народов, и становится ясно, что это гиляки, которые айнов Сахалина называли лаер-куе (ла-йер-куе) (ler-koуe (li-eur-koуe)). И, возможно, необходимо исследовать, как переводится это сочетание звуков Люгюя эпохи Тан - Лаер-куе. Если взять за основу утверждения Юй Бэя, то составляющие названия Люгюя - Лаер (Laer) и Куе (Киуе) - это два слова из разных языков. По гипотезе господинана Шренка гиляки называли Сахалин словом «Лаер», от Ла-ерри (La-erri) - так они именовали реку Хэйлунцзян. (На гилякском языке Хэйлунцзян звучит как «Ла». а река - «егги», таким образом, La-erri имеет смысл «река Ла»). Если увязать это с тем, что маньчжурь называли Хэйлунцзян Сагхален-ула (Saghalen ula), то это указывает ни на ничто иное, как на остров, находящийся сбоку от устья р. Хэйлунцзян, который и получил название Сагхален (Сахалин).

В письменах эпох Вэй и Тан Хэйлунцзян зовется Хэйшум, Банхэ, Нашум, Няньшум, но вряд ли где встретится название Ла (Лакэ).

То, что с древних времён айны Сахалина называли Лаер-куе (Laer-kuе), в эпоху Тан называлось Люгюем, и у этих народов эту же землю попросту называли Куе (Киуе). Это название впервые встречается в надписях на каменных плитах в провинции Тэлинь в устье реки Хэйлунцзян, где расположен буддийский храм Нуэргань-Юншень. Здесь есть две такие плиты. Первая из них была установлена в храме Нуэргань в эпоху правления Юй Лэ. Текст был написан в 9-м году правления императора Сюаньцзуна, во время карательной экспедиции против дикарей Сахалина (а именно айнов. - Прим. автора.). Текст второй плиты был частично приведён в источнике «Цзилиньтунши» и воспроизводится ниже.

Надпись «Чисуй» в храме Нуэргань-Юншень: «...в 10-м году пришли, чтобы объединить эти земли; девять дикарей и

варваров [...]; пересекли морские рифы[...] плечом к плечу, выстроившись в ряды, идут по пятам [...] увидев нас; на востоке расположены земли нуэргань[...] этот народ называется цичжоуми; также имеют различные [корни], все любят [...] [петь и танцевать]; имеют свои [...]; не выращивают пяти злаковых культур; материю не производят; из домашних животных держат одних собак, в 9-м году Юй Лэ весной были отправлены войска в земли шиха; судов [...] (было указано число. - Прим. автора.) прибыли в эту землю нуэргань [...] 10 году здесь живут шиха; к восточной стороне моря от народа нуэргань есть люди куе, доспехов не носят; разводят просо типа риса, в застолье едят и пьют; все веселятся...»

Надгробная надпись храма Юйми гласит: « [...] более [...] ри; люди здесь похожи на цичжоуми и названы куе и знают некоторые наши слова, не представляют угрозы и чистосердечны; неохотно говорят о кораблекрушениях в этих землях; много оружия не имеют в этих землях; по приказу его величества Юй Лэ [...] [...] [...] высадиться в этих землях[...] усмирить нуэргань, на востоке получить дань, далее прийти и одарить дикарей одеждой».

Указанное в этой местности название куе передает только айнское название куе, но это никак не связано с пиктограммой иероглифов, которые, если разложить их на элементы, будут означать «трудные варвары».

В некоторых источниках, таких как «Карта сбора дани для империи Цин», описан Куе, и в источнике Цзао Тин также упоминаются куе. В источниках Вэй также упоминается Куе, но это ещё не значит, что все они равнозначны айнскому Киуе. По словам господина Шренка, гиляки звали айнов Сахалина и Laer-kyghi, и Laer-kuе. Laer - так гиляки называли Сахалин, естественно, на гилякском языке, а вот название Kughі или же Киуе - принадлежит ли оно гилякскому языку, ещё не известно, и это необходимо исследовать очень осторожно. Для того чтобы разобраться, гилякское это название Киуе или нет, решим для себя следующее: гиляки ли называли айнов словом «куе» или нет, необходимо исследовать также, как айнов именовали в других странах, кроме тех, которые уже указывались?

Возьмем краткий сборник записей «О нравах и обычаях Эдзо» (свиток 7); поскольку жители нашей страны желают, видимо, знать, откуда произошло название Эдзо, приведём ниже текст.

«На Северном Эдзо айнов называют каина, в Тяньшанских горах в районе Коанинохори есть подобное название. Женщин дикарей зовут каинами. «Кай» - это тот, кто рождается на этой земле, а суффикс «на» указывает на знатное происхождение человека, так называют господ, хозяев, уважительно отзываясь о них; точно так же когда-то привыкали к почтению и жители Ямато. В очень удаленных горных деревнях в нашей стране, также с примесью языка древнего Ямато, почтительно говорят друг другу «каина», и, как объяснено выше, всех, кто касается этой страны, зовут каи, а «на» добавляют в знак уважения к достойному происхождению». Кроме этого, что касается слова «каи», «...дикари так зовут себя и свою страну, прибавляя суффикс почтительности, большей частью. Каи - наименование земли, где они живут, эти люди носят длинные бороды и в пищу употребляют креветок, которых ловят на Эдзо и в других местах, и когда эти дикари после богатого улова собираются вместе на празднование, они танцуют, покачивая бедрами и хлопая в ладоши, как креветки. Как мне думается, этот ритуал мало изменился с давних пор. Видя это, можно считать, что иероглифы, которыми обозначались дикари, происходят главным образом от оригинальности танца, а посему название их страны и стало сокращенно писаться от знака «эби» (рак, омар) и «эдзо» (дикарь); то есть «дикари, похожие на креветку». Вот какую историю я услышал от старых людей и подумал изложить ее. (Дневники Тяньнанья)».

Дикари, говоря «эдзо», имели в виду себя, т.е. айнов. В старых дневниках Мотоори Норинага указывается, что, возможно, звуки «ай» и «кай» близки по звучанию. И в старые времена, когда профессор Такэутино Сукунэ впервые посетил эти земли, он, встретив туземцев, услышал от них «кай», а название «Эдзо», по его мнению, из иероглифов образовалось так: в первоначальном варианте это сочетание звучало как «эмиси»; «ми» в середине сократилось, «си» сначала перешло в «со», а затем и в «дзо», и слово «эмиси» превратилось в «эдзо» («Старые легенды Эдзо»). Всё вышеизложенное никак не расходится с общей точкой зрения. Дело в том, что сейчас айны свою родину зовут «Айну», а раньше звали «Кай», а раз так, то два иероглифа, обозначающие Эдзо по своему смыслу и по звучанию никак не расходятся с тем названием Кай, которое выбито на каменной плите храма Юйми.

В «Синь Тан шу» о Японии сказано: «...В начале царствования императора Юйчжень, который шлёт

поздравление японскому императору [...] в следующем году посланец прибыл в страну Эдзо. Эдзо располагается на морских островах, люди здесь носят бороду длиной 4 сяку, носят ожерелье на шею; приказано людям загрузить меха зверя... стрелять не в центр [...]...»

Читая это текст, приходишь к выводу, что старое название айнов - кай - при переводе иероглифов Эдзо, впервые было использовано не японцами, а китайцами эпохи Тан, посетившими Сахалин тех времён. Когда по китайским традициям интерпретировались на китайское звучание зарубежные названия, то выбирали такие иероглифы, которые более-менее не только подходили по звучанию, но и по значению и смыслу. Например: куе переводили двумя знаками (один из которых, а именно первый - «ужасные дикари»), Лае-куе - переводили Нуну, иероглифами, являющимися фонетическими корнями значений «ху» и «ну» (слуга, раб).

Таким образом, и маньчжуры, и гиляки айнов звали «куе», и поскольку Куе равнозначно Эдзо, однако это произносится немного с акцентом. Имя люгуйского правителя было Кухэ Юйши, а Кухэ, Куйе, и Куе (на каменной плите. - Прим. автора.), возможно, одно и то же слово.

По свидетельству господина Крашенинникова, туземцы-ительмены, населявшие полуостров Камчатка, звали айнов Тисимы - куси (kusi). («Description de Kamtchatka», p. 174). И, возможно, «куси» созвучно неким образом с «куе». В истории страны Эдзо называли и Куксу (Kuxu), и Кюси (Kusi), а это очень похоже на созвучие Куси, но вряд ли когда-либо в древности и в нашей стране айнские земли называли Кай (Kai) или Кудзу (Kuzu).

Вот что говорится о Кудзу в источнике, датированном октябрём 19-го года Иншень: «...Встретили людей Кудзу; они весьма просты и доброжелательны, едят плоды, сорванные в горах, эти плоды имеют вкус сваренных раков, называются они масми; земли их распространяются на юго-восток, далеко в горы, и селится народ кудзу по реке Цые; голые вершины гор обрывисты, а долины глубоко врезаны в горы; тропинки в горах очень узкие; хотя и недалеко от селений; деревья здесь редкие, а природа богата на растительность; земля преподносит урожай; люди ловят здесь различные виды рыб и собирают просо и коренья...»

Господин Кобаяси Сёдзиро в историческом очерке (выпуск 17 № 12) выдвинул идею, что Кудзу есть нечто иное, как Эдзо.

И тем не менее, это могут быть айны, которые живут в окрестностях Цзие страны Ямато. Тем же профессором Кобаяси определено, что это же название встречается в записках о нравах континентальных аборигенов в уездах Ибараки, Юруэ, Кудзи, а раз так, то трудно тогда решить, относится ли это к айнским названиям. Если продолжить перечислять старые названия айнов, начиная от Куе, то можно заметить закономерность: у гиляков их звали куги (kughi), тунгусы именовали их кие (kuye), китайцы - кие, куэ, куйе; ительмены, т.е. аборигены полуострова Камчатка, именовали их кузи (kusi), японцы звали кудзу, тогда что же это - случайность или закономерность в схожести названий и созвучий? Я думаю, что эти названия относятся не к народам, живущим по соседству с айнами, а к самим айнам, которые распространялись по всем направлениям. О том, что айны Сахалина именовали сами себя сирун-айну, хорошо показано в тексте «Карты Северного Эдзо» автора Мамия Томомунэ (Риндзо): «Внутри страны варвары сами себя зовут сирун-айно. Если указать на острова дикарей Сантан, то они зовут эти земли Сирун-мосири...» Если подумать, какой остров имеет это название - Сирун - можно определить следующее: «...Риндзо вошёл в земли к восточным дацу и встретился со многими дикарями, а переговорив с ними, слышал, что сами себя они называли кимун - айно (kim-un-aino), а нам указывают, что сирун - айно живут дальше. По словам дикарей, горы они зовут ким (kirn); а скопище жилищ - ун (un); айно - название дикарей тех мест, тогда смысл этого следующий - кимун-айно - «айны, живущие в горных жилищах». Тогда спрашивается, что может означать слово сирун-айно? Скорее, это или инверсия и созвучие языка, или сокращение от слов мосири-ун-айно. На языке дикарей остров назывался «Мосири». Самое интересное, что так дикари называли равнину острова, а сами жили в пещерах. Можно определить, что именно так эти варвары сантаны называли остров. Когда слушаешь варваров, то можно подумать, что остров они называют Сирун-айно, но на самом деле это произносится Сирунмосири (Shiri-un-moshiri). Именно так и надо называть этот остров». Чтобы согласиться с интерпретацией господина Мамия, - наш долг разобраться попали мы в точку или нет. В любом случае господин Мамия прекрасно понимает, что речь идёт о варварах, живущих в горах, а именно - кимун-айно.

На айнском языке гора звучит «ким»; далее следует «ун», и

тогда выражение «кимунайно», а именно «ким-ун-айно» приобретает смысл: «айны, обитающие в горах». Как же будет звучать тогда сирунайно (мосириунайно - может быть ошибкой)?

Господин Бэчелор составил айнско-англо-японский словарь, и на основе его словарной статьи, на айнском суша (earth land) звучит как «сири» (shiri), тогда фраза сирунайну, а именно полно - сири-ун-айну (shiri-un-ainu) - будет иметь смысл: «айны, живущие на суше (материке)». В этом же языке страну или мир (country world) по-айнски называли мосири (mosniri); тогда фраза сирун-мосири (сири-ун-мосири) (shin-un-moshiri) будет звучать как «страна, находящаяся на континенте».

Господин Мамия отмечает, что дикари Сахалина свою страну одинаково называют и Сирун-айну, и Сирун-мосири и на основании этого осторожно строит свои необъяснимые предположения. Однако, если прочесть Юй Бэя, эти два названия можно поставить в один ряд и в том нет ни малейшего сомнения. Как бы то ни было, сирун-айну называли именно айнов, а Сирун-мосири - так айны называли свою страну.

Правильное название айнов Сахалина - лаер-куе (laer-kuye) (*Ляугуй - в китайском звучании. - Прим. автора.*) - китайцам было известно об этом ещё в эпоху Тан, и о жителях коренной национальности также были сведения с очень давних времен. На восточном побережье, по долготе провинции Шанхай, были описаны люди страны Маоминьго, которые жили к северу от страны Сюаньгуго и носили одежды, сшитые из кожи рыбы. И, несомненно, что эти волосатые люди, которых в цивилизованном мире звали маоминь, впоследствии оказались айнами. Господин Си Шень в свое время наблюдал тунгусов, которые селились на широте Шанхая и в бассейне реки Хэйлунцзян. Они вошли в контакт с китайцами и постепенно образовали композиционную народность уже в эпоху Чжоу Народности, которые находились в землях северо-восточных провинций Китая очень давно были известны китайцам, и если спросите, какова тому причина, то, думаю, этому способствовало само географическое положение и близость двух территорий.

В соответствии с вышеизложенным, можно сделать вывод, что зимой, когда пролив между устьем реки Хэйлунцзян и островом Сахалин затягивался льдом, на санях аборигены могли спокойно переправляться через него, и поскольку в этот

период Сахалин был соединён с материком, для многих путешественников он мог показаться полуостровом. Существовал также и путь от устья Хэйлунцзян к верхнему течению Сунхуацзян, по которому в зимний период во время ледостава на санях можно было легко переправиться с Сахалина к маньчжурской провинции Цзилинь. В этой связи, айны Сахалина были очень давно известны китайцам.

Одновременно айны Сахалина вели натуральный обмен собольих мехов на товары из китайских провинций как раз между течением рек Хэйлунцзян и Сунхуацзян, а с другой, южной, стороны острова, переправляясь через пролив Соя, они налаживали связи с японцами, привозя товары, вырученные от обмена с китайцами, например, везли в Японию вырученную парчу, а получали орудия (железные) сельскохозяйственного производства. Кроме того, что в Японию ввозились китайские товары из районов Кореи, были пути поступления этих товаров с северо-восточной части Сахалина. И многие знали об этих караванных путях.

Если Карафуто - это китайское, эпохи Тан, слово, то, ознакомившись с сочинением господина Кида Садаёси «Записки о посещении области Сува», можно понять его мысль, что КАРА - это название китайцев эпохи Тан. Тогда китайские товары должны были бы переправляться в Японию через Сахалин. Отсюда, возможно, и появилось это название - Карафуто. Впрочем, ещё в самом начале царствования китайской династии Цинь, жившие на Сахалине гиляки и айны имели связи с китайцами и японцами, обмениваясь товарами друг с другом, и это хорошо воспроизведено в источнике Цао Тина «Чжуэнтэ», который приводится ниже. «...Все народы, населяющие эту страну зовутся кие, это в 300-х ри выше Эцзи, по всему берегу стоят муцен; в свое время полководец Чуаньчуань одарил их своими одеждами и украшениями и теперь берет дань этой страны, эту дань каждый год, вот уже двенадцать лет, они переправляют морем в Сишань; дары от аборигенов - это мех рыжей лисы, отдаются и соболя, этот мех есть в каждом доме [...]. В том же году Чуаньчуань продал это в Мучен [...] привезли ло (84) [...] видели, как жгут деревянное изображение, это чучело медведя [...] торгуем в обмен на меха, они ужасно богатые; торговля с ними была уже несколько сот лет назад; большой популярностью у них пользуются отрезки шёлка [...]; затем все ценности и вырученные товары переправляются в Японию; торговля с

Японией не вызывает трудностей [...] Япония ведёт торговлю на север с 5-10-ю странами; сначала даже была война с фьяка из-за шёлка; люди кие торгуют очень почтительно...»

Сдерживая Китай и Маньчжурию, айны рассматривались японцами как удобные соседи, с которыми вплотную можно вести торговлю, и для получения торговой выгоды айны были наиболее удобным окружением. Китайцы и маньчжуры, как торговцы, представляли собой людей высококвалифицированных. И, продавая японцам китайские товары, айны в этих местах торговли создавали китайцам неслыханные богатства, которые, как мне видится, попадали в руки главным образом этой нации. В тексте эпохи Цин встретилось название фьяка (fūyaka), несомненно, это указание на гиляков.

Айны Сахалина - люгуй (лаер-куе) (laer-kuue) и японцы - сишань (85), под такими названиями знали эти нации древние китайцы и маньчжуры. Причём в гилякском языке названия «сишань» нет, а в айнском есть. В айнском словаре Бэчелора, на айнском языке японцев и иностранцев звали сисам (shisam), и тогда, как мне видится, это созвучно со словом «сишань», которое встретилось в вышеприведенном тексте «Чжуэнтэ». По утверждениям господина Шренка (р. 192-194), жившие на материке и Сахалине гиляки именовали японцев сисам (sisam), а тунгусские группы ольчей и гольдов, а также китайцы, жившие в бассейнах рек Хэйлунцзян и Сунхуацзян, именовали японцев сиса (sisa); ительмены - аборигены полуострова Камчатка - называли их сюсамен (suh saman) или сюсэмэн (suh semen). Господин Стеллер попытался определить значение этих названий, а мысли свои он описал в трактате «Камчатка». По мнению этого автора, в ительменском языке железную стрелу (иглу) называли сюсэ (suhse), а японцев в этих землях звали сюсэмэн, следовательно, именно японцы привезли в эти земли железные иголки. Господин Шренк, опровергая эту гипотезу, говорит, что подобным образом японцев звали и у гиляков, и у ольчей, и у айнов, и у гольдов, следовательно - это название скорее пришло из айнского языка, от айнов, которым, возможно, и привезли японцы железные иглы, а это название, в свою очередь, перешло к аборигенам Камчатки от тех же айнов, которые звали железные иглы сюсэ, т.е. «иглы, завезённые сюсэмэн» (а именно - японцами. - Прим. автора.). Ительментские названия сюсэмэн (сюсаман) созвучны слову «сисам» в айнском языке, а по этому созвучию,

несомненно, можно сделать вывод, что гилякское «сюсэ» - это айнское «сисам». Что же тогда должно означать айнское «сисам»? Объяснение не будет полным, если сказать, что это простое сокращение. Кроме того, что айны называли японцев сисам (shisam) (ительмены - сюсаман (suhsaman) или сюсэмэн), ещё и знакомых людей они называли сямо (shamo). Если соединить концовки слов сисам (shisam) и сюсаман (suhsaman) - сам (sam) и саман (saman), то это будет созвучно со словом сямо (shamo), а раз это так, то из двух слов «си» (shi) + «сам» (sam) образуется слово сисам (shisam). Если же рассмотреть это несколько поподробнее, то получится интересная картина. Попробуем исследовать значение двух слов - «си» и «сам», как предлагает Юй Бэй. Айны звали Японию Самай-мосири (Samai-moshiri) и Саморомосири (Samogo-moshiri), а самих японцев либо самай-унгуру (samai-un-guru), либо саморо-унгуру (samogo-un-guru). В айнском языке мосири (moshiri) имеет значение - «страна», тогда самай-мосири имеет значение «страна Самай», как Саморо-мосири - «страна Саморо». На этом же языке человека звали либо куру (kuru), либо гуру (guru), и когда обозначали принадлежность человека или вещи к какой-либо местности, применяли грамматический суффикс -ун (-un), и тогда самай-ун-гуру (Samai-un-guru) принимало смысл: «живущий в Самай» («человек из Самая»), а Саморо-ун-гуру (Samogo-un-guru) имело смысл «человек из Саморо». Раз так, тогда Самай (Samai) и Саморо (Samogo) видятся как слова с совершенно одинаковым значением. Для того, чтобы исследовать смысл этих слов, необходимо обратиться к грамматическому строю айнского языка.

В айнском языке - КАВА (существительное) - «сторона, бок» - переводится как самба (samba), КОТОВАРУ (глагол) - «лежать поперёк» - сама (sama), и если к концу этого глагола прибавить букву И, тогда глагол превратится в существительное, и смысл фразы, которой айны величали японцев Самай-ун-гуру (samai-un-guru), переведётся как «человек сбоку (в стороне)», или «человек, находящийся сбоку (в стороне)», а иначе - «человек со стороны», «чужеземец». Поскольку в этом же языке падежному суффиксу тэниоха -ни (86) соответствует слово «оро» (oro), тогда слово «саморо» (samogo) - это значение из связанных корней Сам-оро (sam-oro), и тогда смысл именованья айнами японцев раскроется так: сам-оро-ун-гуру (sam-oro-un-guru) - «человек, пришедший со стороны», «человек, находящийся в стороне» (87). Айны

Сахалина называли гиляков сумэрэнкур (sumerenkuru), и приведённое в «Записках о Северном Эдзо» автора Мамия Риндзо это имя переведено по ошибке с айнского языка как саморо-ун-гуру (shamogo-un-guru), так что правильное его смысл будет звучать как «человек со стороны». Наиболее близко расположенная к айнам Сахалина народность - это гиляки, а раз так, именно их айны и именовали саморо-ун-гуру (самэрэнкур), т.е. соседи, а к айнам Хоккайдо (Эдзо) наиболее близко располагается нация японцев, и хоккайдские айны ИХ называли саморо-ун-куру (гуру). По гипотезе господина Шренка, в айнском языке лисица - сямари (shumari), а человек по-айнски - куру (kuru). А раз так, предполагает господин Шренк, сумэрэнкуру (сямари-куру (shumari-kuru)) правильное будет переводить как «превращенная лисица», а иначе - «оборотень». Гиляки получили это название, вероятно, потому, что носили одежды, сшитые, главным образом, из лисьего меха, но с этим предположением, в свою очередь, не может согласиться Юй Бэй. Если в вышеизложенном не проскользнула никакая ошибка, айны называли японцев сисам (shi-sam), а у айнов слово «сам» одинаково в двух значениях - самай-ун-гуру (shamai-un-guru) и самай-саморо-ун-гуру (shamai-shamogo-un-guru), что означает «соседний народ». В айнском языке японские слова макото-нару - «истинный», ханахада - «ужасно, весьма», оокинару - «огромный, великий», звучат как «си», тогда си-сам (shi-sam) будет переведено «великий соседний народ», как мне кажется. На айнском же языке «сторона» звучит «сам», а в японском - «соба», и, возможно, между ними есть какая-то взаимосвязь. *(Названия, встречающиеся в данном абзаце, взяты из айнского словаря господина Бэчелора. - Прим. автора.)*

Айны Сахалина называли соседнюю нацию гиляков сумэрэнкур, а в китайских хрониках упоминается нация под названием фьяка (фьяха), и в соответствии с теорией господина Шренка, слово «фьяка» указывает именно на гиляков. В «Цзилиныунши» (свиток 121) говорится именно об этой нации, и было бы правильным делом привести ниже этот отрывок: «...»Хуан Цин Чжи Гунту" рассказывает: фьяка живут на острове, напротив морского берега, занимаются рыбным промыслом и охотой, женщины и мужчины носят одежды из собачьих шкур; летом надевают одежды из рыбьей кожи, характер их жестокий, постоянно воюют, держат воинов, вооруженных мечами; старые и уважаемые люди у них носят

собольи меха...» (Цзилинь, свиток 121 стр. 19).

«... "Сяотинцзилу" рассказывает: хэйцинские фияка разделены на 2 части, они долго не стригут волос, зачесывая их гребешком за уши и заплетая кольцом; женщины штанов не носят; одежда сшита из рыбьей кожи, слегка подкрашена; богатые люди на верх жилища втыкают орлиные перья, вход прикрыт занавеской из шкуры лисы или соболя; постели также покрыты мехом лисы или мыши ... к северо-востоку от Цзилинь находится часть народа хэчжень, называемого фэйяка, люди эти живут на побережье моря, делают себе одежды из рыбьей кожи; и вообще в этих местах процветает рыбный промысел; находятся они в 2-х тысячах ри от Цзилинь; выше от них по морю есть народ цзиньши...» (Цзилинь, свиток 20-й, стр.1).

«... "Нингутацзиси" рассказывает: народ фэйяка весьма волосат; мужчины и женщины набедренных повязок не надевают; в ушах носят огромные кольца, в носу - кольца поменьше; промышленяют собольим мехом...» (Туншитун, свиток 20 стр.2).

«... "Цзаотинмао Чжунэту" рассказывает: если пойти на северо-запад от народа хэйлээр, а потом на восток, то чуть южнее будет морская бухта, в общей сложности нужно пройти более 600 ри; по обоим берегам реки Сунхуацзян в старину жили эти народы фияка; сейчас там два народа, которые перемешались - лээр и чуньци...» (Туншитун, свиток 20, стр.9).

«... "Сяотитнцзилу" рассказывает: от Нингута с востока на запад около 300 ри; это земли иланька, относятся эти земли к Уго; в этих землях на северо-востоке в 5-6 сотнях ри проживает народ хулеки; а ещё в 600 ри от них проживает народ хэйцин, в 600 ри от которых живёт народ фияка; эти три народа имеют имя няоци; в настоящее время няоци сильно перемешаны; ещё их называют «люди в рыбьей коже». Живут они близко к бухте Хуньтунцзян (88)...» (Туншитун, свиток 20, стр. 1).

«... "Гутацзилюэ" рассказывает: ещё раз на восток в 300 ри есть народ иланька, живут они, строя земельные насыпи, это близко к землям Уго провинции Цзиньши; о них знают совсем немногие, а на северо-восток в 5-6 сотнях ри живет народ хуэрка, ещё в 600 ри народ хэйцин; а далее, если ещё 600 ри пройти, то будет народ фияка с обобщенным названием уцзы. ещё они носят имя «люди в рыбьей коже», поскольку носят одежды из рыбьей кожи, в пищу употребляют

преимущественно рыбе мясо...» (Туншитун, свиток 20, стр. 1, и свиток 20, стр.2).

«... "Кайголуныньсю" рассказывает: сейчас в землях Цзилинь военного правителя Чжиула сделали укрепления, и над этими землями имеет юрисдикцию этот генерал; с востока на запад земли простираются на более чем 4000 ри; с севера на юг земли простираются на 2000 ри и имеют границы с княжеством Ула и захватывают южный берег реки Ялуцзянь (S9); между рекой Тумэньцзян и островом Цзухай есть земли народа ваэрка. С севера, на берегу реки Тайула, на реке Сунхуацзян живут куншины, а на южном берегу Сунхуацзян расположены земли народа хуэрка, на востоке они отгорожены горами Бай (Бо) Шань и граничат с землями Уцзи, сейчас народ тайдуцзин слился с маньчжурами; ещё на северо-востоке есть народ, для передвижения использующий собак, и зовется он хэчжэ, а ещё восточнее - народ, использующий также и оленей, он расположен на землях Цилээр и зовется фияка, ещё там есть народ куге; их земли широко пролегали от острова Хайдао к бухте Летаивань (90); это близко к устью реки Хуньтунцзян; на этом острове есть народ хэчжэ; а фияка - выходцы из народа елуньчи, но народа куге намного больше...»

«Источник "Маньчжоуцзюаньлю" (91) гласит: «... На северо-восток, если пройти более 400 ри от Гута, есть народ хуэрка, который селится по обоим берегам реки Сунхуацзян, что в провинции Юэчжулэй; эти земли принадлежат хуэрка; если от Гута пройти более тысячи ри, есть народ усули, селящийся по обоим берегам реки Лицзян, что в провинции Юэхэйлунь, а ещё на восток, около 200 ри, на реке Нимань будут коренные жители юэцзяка; сюда ведут пути по продвижению на восток в сторону Уцзы; к юго-востоку от Гута есть Банцзи-ханька; далее от реки Нимань собирается дань и подати; это по южному пути; к северо-востоку в 1500 ри от Гута по обоим берегам реки Сунхуацзян и Хуньтунцзян селится народ хэчжэ, как и на северо-востоке, в 4-5 сотнях ри по правому и левому течению рек Усули, Сунхуацзян и Хуньтунцзян есть люди, называемые хэчжэ, и которые держат большое число собак; а ещё северо-восточней по реке Хуньтунцзян в 7-8 сотнях ри от указанного места - народ фияка, они живут в северо-восточной части лимана; то есть от Гута примерно в 3000 ри; эти народы ещё разводят и оленей, кроме них, по северному пути есть народ цилээр, который также

держит оленей» (Туншитун, форзац рукописи).

Таким образом, указанные в вышеприведённых записях названия народов фияка (фияха); фэйяка - фиэяка (фиэяха) - названия одной и той же народности, и указывают эти названия ни на кого другого, как на гиляков, и это становится совершенно ясно, если судить об описанных народностях как с точки зрения этногеографии, так и с точки зрения нравов и обычаев.

По словам господина Шренка, гиляки звали свою родину Нибакх (Nibach), а поскольку здесь названия людей указаны подробно, названием «фияка» эта нация именовать себя никак не могла. Господин Тимковский в своём очерке «Voyage a Peking» (Atlas, p. 25) писал, что поскольку название «фияка» маньчжурской скорописью пишется (fiаса), то, думается, это правильное произношение исконного имени этого народа. На маньчжурском языке «нагревать на огне» или «высушивать» звучит фиаку (fiaku), а «нагревать огнем» (палить) - фиакумби (fiakumbi), а раз так, то название «фияка» вышло из маньчжурского либо тунгусского языков. И если это предположение верно, то названием фияка гиляки именовали близких к ним ольча и гольдо, о которых и сообщалось китайцами. Следующая народность, пришедшая с материка на Сахалин после гиляков - ороки (орокко). Уже определено учёными, что эта народность совершенно близка к тунгусам, которые жили в Сибири. Но неясно, в какую эпоху ороки переселились на этот остров.

Есть мнения, что эта народность совершенно отлична от двух живших на Сахалине народностей айнов и гиляков, которые во многом были схожи между собой. В отличие от этих двух народностей, которые разводили собак, ороки держали оленей (92). Это хорошо описано в очерках Мамия Риндзо о Северном Эдзо:

1. Манера охоты и рыболовства южной части острова совершенно отлична от северной его оконечности. А именно: не разводят собак, используют оленей. Это отличие юга острова. В качестве показателя бедности или богатства служил такой фактор - большое или малое количество оленей держится в семье. Богатые люди содержали до 2 - 3-х голов. С начала лета до конца осени эти животные паслись на равнинах, а с наступлением зимних месяцев, когда заканчивались трава и листья, животных вводили в горы, где те ели сосновую хвою.

2. При кочевке и переселении на другие места, оружие или

охотничьи принадлежности погружались на оленей и транспортировались на вновь избранные для проживания места. Однако молодых животных для этого не использовали, жалея их.

3. Эти животные отличаются очень мягким, покладистым характером и очень боятся собак. А посему дикари, использующие собак, не могут ужиться с ними вместе.

В Токай (93) есть орудия, которые использовались дикарями для погона оленей, они привезены из области Канда; эти животные здесь имели такое же значение, как для китайцев лошади; эти олени похожи на обычных оленей, но несколько больших размеров, называли их кандахан.

В айнском языке оленя звали тонакай, а в маньчжурском языке это название звучит как кандахан (kandahan). В сборнике Канда есть название кандахан, очевидно, это родственное наименование с вышеуказанным кандаханом. Более того, в источнике «Цзилиньтунши» (свиток 34, стр. 8) есть упоминание об этих животных. Эту часть текста стоит привести ниже: «...Толу (*китайская интерпретация тонакай*. - Прим. автора.) вышли из мест, где течёт река Усули народа гута; вид у них как у обычных оленей; одно из названий - кандахан; шея их несколько короче, чем у оленя, цвет шерсти как у пожелтевшей травы, шкура очень богата; кандахан выдерживает вес взрослого человека и более 1000 цзинь поклажи, рога очень ветвистые, на их кончиках небольшие выпуклости типа шариков; рога для удобства постепенно подрезают; на рогах и кости этого животного гравировать картинки из жизни и побед аборигенов; сев на него, можно понестись наперегонки с ветром; можно сказать, что вожак стаи больше всех, и стадо к нему относится почтительно; оленухи своих детенышей вскармливают молоком; а те, повзрослев, едят сорго (94); бедра похожи на бедра обычного оленя; имя ему толу. Он похож и не похож на оленя; и лось и не лось; шкура его столь толста, что её вешают, как перегородку-утеплитель у входа в дом; одежды, сшитые из его шкур, кажутся очень плотными; пока шкуру отчистят от грязи и жира, затем вытрут насухо, проходит очень много времени; затем все это опять повторяют; выделанная таким способом шкура становится очень прочной; люди, которые носят эту одежду, особенно не любят её, поскольку грязь с неё смывать очень трудно, слышал там, что эта одежда не пропускает холода и, конечно, воздуха; слышал даже, что она не горит в

огне и мечем ее не взять; нельзя ее проколоть; на востоке пехотинцы носят такие одежды вместо кольчуги и таких одежд много; есть также белый олень, он намного больше обычного; имя ему кандайхань; рога его ветвисты, как разбитая бочка; цена молодого самца - около 34 рё (95); у этого животного четыре особенности - копыто и похоже и нет на коровье; головой - и лошадь и нет; телом и осёл и нет; рога и похожи на олени и нет; не жуёт жвачку; ест мох и лишайник; разводят его народы цзилеэр и элунчунь; для погона используют голос; эти животные используются во многом благодаря своему покладистому нраву и заменяют многим народам добрую лошадь как для бега, так и для перевозки поклажи...»

Кроме того, что в маньчжурском языке тонакай назван кандаханом, его звали и ирэн (igen), и орон (ogon). В верховьях реки Ангары народности, которые относятся к тунгусскому этносу, тонакай звали орол; в якутском языке - ирюни (iryuni), на капогирском наречии и мангазея, баргузинском, охотских диалектах, а также на языке ламут его звали орон (ogon). Тунгусов, живших на Сахалине, звали орокко, и скорее всего это название происходит от слова орон (ogon), т.е. в значении «человек, разводящий тонакай». Это как-то не стыкуется с мыслями Юй Бэя, хотя уже в полной мере доказано западными учеными. Ошибкой было бы считать, что указанные названия в ранее описанных китайских текстах «Элуньчунь» и «Иэлуьчунь» - одно и то же слово. В китайском источнике «Хуан Цин Чжи Гун Ту» сказано: «...Гута расположены в верхней части к северо-востоку от острова Хай...»; и как говорит текст «Синь Тан шу»: «...на севере есть Малое море; а с трех сторон он омывается водами моря; жители похожи на островитян, люди питаются солёной рыбой; здесь есть несколько народностей нэлуьчо, а кроме них очень близко к морю на реке Доло живет народ цяндянынань; мужчины и женщины носят очень длинные волосы и все ходят с босыми ногами; промышляют рогами оленя и рыбой; на своих жилищах делают занавески из кожи рыбы; характер у них ленивый; старики носят одежды из соболя». Этот текст рассказывает об ороках Сахалина. Встретившиеся в этом тексте упоминания, что в тех местах есть промысел оленьими рогами говорит, что речь идёт о тонакае, на это же животное указывает и китайский источник «Цинвэньцзянь» (свиток 31), где оно названо ogon-buho. В маньчжурском языке бухо (buho) переводится как «олень», и вряд ли может указывать на рога

этого животного. В тунгусском языке острие или острый конец называется орон (ogon), хорон (hogon), морон (mogon), а тонакай, т.е. северного оленя, звали орон (ogon), и, следовательно, это указывает на рога оленя, которые заострены, т.е. «остроконечные рога». В корейском языке рога зовутся ппуль (ppul), а в монгольском - эбур (ebur), и, думаю, здесь есть какая-то связь с указанным выше названием орон (ogon) или ворон (wogon). В тексте «Цинвэньцзянь» «огромный олень» зовется ульцехен-гольмин-бухо (ultsehen-golmin-buho); рога оленя названы орон-бухо (ogon-buho); а оленя называют кандахан (kandahan), т.е. обозначают тремя разными словами; скорее всего, это просто различные интерпретации одного и того же слова «тонакай». Большого оленя называли ульцехен-гольмин-бухо, а смысл этой фразы - «олень с очень длинным хвостом». Если сравнить хвосты у тонакай и обычного оленя, то хвост тонакай получится намного длиннее, а, следовательно, это название указывает именно на тонакай. Тонакай, с древности, среди тунгусов использовался и как средство тяги и передвижения, и поистине был домашним животным, как собака, и среди этой нации животное получило название орокко (orokko), ороче (oroche), орочен (orochon), ольча (olcha). Когда эта нация стала разводить лошадей, то стала распространяться с севера Сибири на юг, постепенно перемешавшись с монгольским этносом, и, думается, именно от этой нации и пошло название - тонакай. В соответствии с этим утверждением, в тунгусском языке «лошадь» зовётся мори (top) или морин (mopin), что одинаково с монгольским языком.

В капогирском языке, входящем в тунгусскую группу языков, тонакай зовётся сокзо (sokzo), на нерченском диалекте зокзе (zokze); на баргузинском - зокдсио (zokdsio), а посему названия су(сюку) шень, цзушень и сишень на этих языках имеют созвучие; а особенно орокко (orokko), орочен (oronsen), хотя в местах, где держали тонакай, вряд ли получилось это название. Тунгусы в эпоху Чжоу были известны под именем сушень, а в постханьскую эпоху Троецарствия звались илоу, и будет ошибочно полагать, что другое имя тонакай - орон (ogon), орол (ogol), и вряд ли тогда будет правильным утверждение, что орокко, ольча и орочен могут обозначать одну и ту же народность.

Нет ничего особенного в том, что в Ханьском государстве историки в одних местах называют народ сушень-нюйшень,

а в других - нюйчжи. Нюйшень в «Записках о виденном и слышанном» Марко Поло обозначен как чорча (chorgha), в сочинениях Рашида Эдина - чюрче (churche), а у Сантана Сетсена в «Мыслях о происхождении монголов» - джурчи (jurchi); в некоторых летописях Пинского двора этот народ обозначен другими названиями, причём равносильными с чжулишень или чжушень. Но неясно, называл ли таким именем народ нюйшень сам себя, а может быть Монголию или какой-либо другой народ типа цидань. И если допустить, что так именовались многие монгольские народности, тогда смысл слов «сушень», «илоу», «орокко», «орочён» будет: «люди, которые держат тонакая».

В монгольском языке тонакай зовется zari, zer, а раз так, тогда выражение «люди, правящие оленями» будет звучать zarichin, zerchin (zarichi, zerchi). В монгольском языке текст или сочетание называется битсиг (bitsig), тогда выражение «человек, правящий текст» будет битсигчи (bitsigchi), а лошадь по-монгольски - мори (mori); а «человек, правящий лошадей» - моричи (morichi). На языке народа тобо чиновника, записывающего тексты, звали будэшень, переводчика звали циваньшень, а стражник на этом языке звучал как кэбошень, тогда -шень - это концовки вышеуказанных -чи (-chi), -чин (-chin); и -шень у нюйшень; а равно, как -чжи у нючжи - концовки одного и того же порядка. Сахалинские айны в самом конце царствования династии Чжоу были известны китайцам, как «волосатые люди», и это было уже аргументировано ранее. Но эта страна, как и народ, проживавший в ней, в своих именах и названиях не фигурирует в источниках эпохи Хань. А когда наступила эпоха Тан, то в то время, как айнские вожди из этих мест посещали с дружественными визитами Танское государство, этот остров, уже населенный гиляками, был известен китайцам как Люгуй. И ещё нужно уточнить название, поскольку предполагалось, что люгуй (люер-куе) - это слово, которым гиляки звали айнов Сахалина, а не айны величали так сами себя. Таким образом, с конца эпохи Чжоу до наступления эпохи Тан верных указаний на айнов острова Сахалина ни в одном источнике не встречается, однако полагаю, что есть записи относительно айнов из окрестностей острова Хоккайдо. Вот что сказано о диких племенах уцзюй в записках о восточных варварах эпохи Вэй: «...Муцюцзян напал на земли Цзюйли, сам Цзюйли бежал в местность под названием Уцзюй, продвигаясь вперед, полководец достиг

деревни Уцзюй; все сразу переломал и разбил вдребзги; всем защитникам рубил головы, когда они стали пленниками ... продвинулся ещё на 3 тысячи ри, прошел на север к землям Гумбэнь, что от земель Уцзюй; северные уцзюй имеют ещё одно название - чжигуоулоу, на юге будут земли Уцзюй, если пройти 800 ри; эти земли с севера на юг везде одинаково необработанны; кроме этого их зовут Илоу. Илоу будет, если сесть на корабль, и [...] враги так же прибыли кораблями, привезя много хорошего железа; северные уцзюй благоговейно склонились перед ними. В летние месяцы повсюду дикари живут далеко в горах, где роют себе пещеры и охраняют свои жилища; в зимние месяцы вокруг их страны огромной ледяной панцирь, что мешает движению корабля и поэтому дорога невозможна. Все они живут в особого рода деревнях, скрытых под землей; король Гибе отправил войска к восточным границам Гунцзинь, прибывшие спросили стариков (старейшин), нет ли на побережье моря, восточнее, ещё людей; старейшины сказали, что там есть страна и есть люди, которые ловят рыбу; мы этих людей встречали и видели их нравы, эта страна в десяти с лишним днях на восток и находится на одном из островов; там есть люди, языка они не знают, эта страна очень жестока; недоношенных младенцев мужского или женского пола обычно топят в море; и ещё сказали, что есть страна Хайчжун посреди моря; там одни женщины, а мужчин нет; у них матерчатые платья...; до неё тоже можно доплыть...; их тела и внешний вид очень похож на китайцев...; рукава у платьев длиной 3 сун...; один раз там был разбитый корабль...; живут они на берегу моря; есть один человек, который описал их и их жизнь, и то, что языка в обычном понятии у них нет; если кто-то умирает, то скорбящие не едят пищи; итак, эта страна находится на востоке от Уцзы посреди Великого моря».

Так вот, описанная в начале страна Уцзы - это корейский полуостров и провинция Чикьенго, от этого места путь на восток к стране посреди моря (Хайчжун) указывает на остров Сахалин. Здесь же сказано, что в этих землях живут только женщины, а мужского населения совершенно нет; возможно, это страна женщин, которая в стороне от мужчин воспитывает молодое поколение. И эта страна женщин описана в источнике «Ляншу», где рассказано о восточных варварах: «В самом начале царствования дома Юньюань, отправились в страну Фусан и встретили очень умного Шамэнь, он прибыл из провинции Цзинчжоу и рассказал, что на востоке от Фусан в

1000 ри есть страна женщин (Ньюго), лица их правильны, но несколько угловатой формы; цвет лица совершенно белый; тело очень волосатое, волосы длинные, землистого цвета; в феврале-марте устраивают купания; в июне-июле рожают детей; женщины детей молоком не кормят; питаются кореньями; делают специальное молоко из кореньев, чем и поят детей; 100 дней питают их так; в 3 года уже обучают стрельбе из лука; увидев людей, дети очень пугаются и убегают; едят они солёную траву, ловят зверя и птицу; листья этой солёной травы похожи на сильно пахнущую согуру (96); повсюду в воздухе витает этот запах соленой травы...» (Toung Rao, Vol. 3, p. 495-510). Господин Шренк определил, что это айны и попал в точку, но то, что местность эта - Тисима, я согласится не могу. Шренк каким-то сторонним чутьем видел в фусан айнов. По предположению Юй Бэя, описанные в «Ляншу» фусан - это селящиеся от р. Усилицзян к северу до нижнего течения реки Хэйлунцзян народы фуюйгао и гоули, образовавшие колонию переселенцев, и находящаяся к востоку от этих мест страна женщин - это или Сахалин или Хоккайдо с поселением айнов. О стране Фусан я намерен отдельно изложить точку зрения в журнале «Географические науки», поскольку читатель, вероятно, захочет более обстоятельно узнать о них. Название Люгуй (Люер-куе) встречается только в китайских источниках «Тундянь» и «Синь Тан шу», а в последующих исторических очерках это упоминание обрывается, а раз это так, значит это название китайцами было совершенно предано забвению.

В хрониках объединения страны Великой Империи Цинь говорится: «...В местах Цзилинь, где встречаются гута, есть огромный остров, эта территория расположена на востоке в трех тысячах ри от столицы и находится перед устьем Хуньтунцзян посреди большого моря; с юга на север остров тянется более 2000 ри; с запада на восток - несколько сот ри». В «Тайциньхуайдянтун» сказано: «За землями Шаньсин находится земля за морем; эта земля находится на востоке напротив устья Хуньтунцзян, и протяжённость этого огромного острова более 1000 ри».

В другом источнике «Шуйдаотиган» говорится: «...Большой длины остров расположен напротив устья Хэйлунцзян и находится посреди Великого моря; длина его с севера на юг более 1600 ри; а с запада на восток в наиболее широком месте - 300 ри...»

Становится совершенно ясно, что здесь описывается Сахалин, но интересно, что его название нигде не приведено. Однако в морских картах империи Вэй приведены названия Хэйлунъюй (97) и о. Куе; а раз в географических очерках есть остров Куе, то, следовательно, можно сказать, что название этого острова в источниках Цинь уже встречалось. В эпоху Мин было известно название аборигенов этого острова - куе, но как же назывался сам остров? Даже Юй Бэй не может ответить! И даже указанный Хайдун в описании о стране Хайшань вряд ли может претендовать на указание названия этого острова. Хайшань - это название земель в нижнем течении реки Хэйлунцзян, а море, которое дало название этим землям, как всё-таки называлось?

Нечего и говорить о том, что он расположен на западе моря Нуэргань, и получил название по своему положению - западный. Об этом море упоминается на каменной плите в буддийском монастыре Нуэрагань: «...Эта страна находится недалеко от земель Шиле, это если плыть на запад от провинции Нуэр по морю, то [...] у которых много [...]». На этой плите часть надписи стёрта, но вместо пропусков мы должны читать «от провинции Нуэргань по морю на восток» или же «посреди моря будут Куе». Нуэргань указывает на земли, которые находятся в непосредственной близости от устья реки Хэйлунцзян, а известно, что описанная каменная плита находится в буддийском храме Нуэргань, что в Тэлинь. А море Нуэргань получило своё название от названия самой местности и ясно, что это нынешнее море Дада (98). О значении слова «Нуэргань» подробных сведений нигде не встречается, но можно сделать некоторые выводы на основе языковых инверсий. Гиляки называли реку Хэйлунцзян - Лаэрри (Laerri); а маньчжуры несколько переименовали, называя её Наэрри (Naerri), а местность этой реки обозначали Наэррихан (Наэрриха) (Naerrikhan (Naernha)), и наконец это трансформировалось в название Нуркбан (Nurkban). В источнике «Цзилиньтунши» (свиток 120) есть описание местности и гипотеза происхождения надписи на каменной плите: «... Думаю, что Нуэргань - название местности; в мыслях по поводу географии этих земель описанной историками эпохи Юань, историк Шу Цзян утверждает, что это название птицы, и оно дало название морю, на которое эта птица прилетает из далёких стран, название этой птице хайдунцин ».

А посему можно смело утверждать, что название Нуэргань было известно ещё в эпоху Юань. Для того, чтобы более подробно разобраться в истории происхождения названий, следует ниже привести текст писания «Цзилинь» (свиток 34), где встречается упоминание о птице хайдунцин: «...Хайдунцин прилетают издалека, с реки Янцзы; птица водоплавающая; длина тела как у сокола; голосом похожа на певчую по утрам, но контуры как у гуся; пять птенцов хайдунцин для пения по утрам были пожалованы императору, однако выловленные птицы не живут долго в неволе; приближенный человек потрогал этого странного «гуся», но был поцарапан им; император нашёл на голову птицы плюшевую накидку жёлтого императорского цвета; это произвело на приближённых Его Величества благоговейное чувство... Этот «гусь» получил своё название с востока, из Уго, когда с Хайдун пришёл человек и рассказал об этих хайдунцин, что «эти птицы ещё маленькие, но могут вырасти очень большими, живут они на берегу озера с лилиями; называются хайдунцин, иногда прилетают из-за моря в Китай; туземцы тех мест меняют их на шёлк; хайдунцин пришли из восточных земель, это маленькие, но крепкие птицы, обычно они держатся в воздухе; когти их белые и отличаются цветом; размах крыльев хайдунцин, как у самого большого орла, но тело маленькое, хотя и крепкое; летают они высоко, поэтому и зовут их «небесные гуси»; длина их что-то между соколом и ястребом; вьют по берегам гнёзда, прямо на краю отвесных скал; куда не может подняться человек. Я видел гнёзда этих хайдунцин...» Все это было немедленно записано с его слов..., перья хайдунцин, как у тигра; гнёзда как у ласточек; когда человек хочет подойти к гнездам, они иногда нападают, собираясь стаями, на того человека и сбивая его вниз. Характер их весьма ужасный, и ещё у них желтого цвета бедра и есть огненно-красные, как у тигра, перья. Вот такие эти птицы хайдунцин, они свободны и в неволе находится не могут; за 1 день они пролетают 2 тысячи ри; это самый лучший товар для человека, который получил хайдунцин; ни маньчжуры, ни китайцы этих птиц не держат; птицам необходим свет, кормить их нужно сливами; сейчас таких птиц очень много на Уссури; у них идет брачный период. Птица хайдунцин очень похожа на простого хайдуна (99); но тело ещё немного длиннее; так рассказал нам об этой птице хайдунцин человек по имени Байши...»

Поскольку хайдунцин прилетает с Хайдун, она и получила

это название; и это видно из вышеприведённой части текста, но непонятно, что это за море, и на что указывает его название. Если допустить, что птица прилетает из мест реки Уссури в места по устью реки северного Хэйлунцзяна, тогда это место укажет, что на востоке есть море Нуэргань, а на юге только океан. Местность, где сливаются воедино Хэйлунцзян и Сунхуацзян, зовется Хайшань, поскольку получила это название, находясь на западе от этого моря. Поскольку смысл названия хайдунцин в приведенном выше тексте не раскрывается, попробуем определить, что означает иероглиф «цин» в конце названия птицы. Как указано выше, в тексте есть название Хайдунциншу. А в записках о Хэйлунцзян есть часть текста: «Здесь собираются птицы, которые едят траву и прилетают они с востока, называются они циндяо; старые люди называют их хайдунцин». И в соответствии с описанием цвета этой птицы, она и получила это название (100).

В маньчжурском языке хайдунцин зовётся шонгкон (shongkon); на языке ньючжи берег Шенькэ называется Шенк-о-ан (Shenk'o-an). На бурято-монгольском диалекте берег Шенькэ звался Шонксор (Shonxog), а в уйгурском диалекте Шонкхэр (shonkher); в корейском языке эту птицу звали сёнг-кори (syong-ko-ri) и писали это

И становится очевидным, что во всех языках приведённые слова имеют одни и те же агглютинативные (101) корни, но решить, что может означать слово на китайском языке не представляется возможным из-за трудности камбуна. В селегинском языке, который входит в монгольскую группу языков, «зелёный» (цин-сэй) звучит как «чинкир» (chinkir), а раз это так, то, возможно, хайдунцин звучит как «шонкхор» (shonkhor) на одном из вышеназванных языков. Если верно это предположение, тогда название этой птицы распространилось в другие страны из Монголии.

В отношении этой птицы есть разногласия: когда выходец из народа ньючжи Эгуда посетил страну Циданьби, он рассказал о ссоре с соседями по поводу принадлежности этой птицы, и этот спор отражен в источнике «Цзилиньтунши»: «...Тайляо (озеро, где обитает птица. - Прим. автора.) принадлежало ньючжи более 200 лет и переходило постоянно по наследству к младшим братьям и сестрам; и всё возвращалось на круги своя; в тех местах есть небесное счастье; однажды трон был узурпирован; над птицами тоже было совершенно насилие; соседние от ньючжи к северо-

востоку племена уго пришли...; Хадун пришёл с войском и захватил озеро ... Человек Эгута и рассказал о хайдунцине, что это маленькая, но сильная птица; тело её вытянуто, а когти белые; люди, которые живут там же, любят её; после войны нийчжи с пятью странами, в которой нийчжи не победили, пришлось платить дань; в том числе и этими птицами; и никто не осмелился ослушаться приказа; а ослушавшихся казнили; затем стал добрый Эгута и все подняли копья вверх...»

Таким образом хайдунцин в истории занимает место и как птица, которая имеет большое значение, из-за которой даже были войны!

В народе цидань высоко ценили эту птицу и даже делали ей специальные кормушки. В монгольском языке птица называлась сюбу (shubu), сюбун (shubun), сивагон (shiwagon), а кормушки назывались сиваготи (shiwagochi). Тогда это созвучно с описанным выше названием сяова (shao-wa) (созвучно с сивагой). В китайском источнике сказано, что «птица имеет название чо-ва (cho-wa) и сопровождает воинов, и используется в охоте на лошадях...» Таким образом, чо-ва также созвучно, и, следовательно, это одно и то же название. В корейском языке птица звучит как «сал» (sal), а потому, и это название имеет какое-то отношение к вышеизложенному.

Часть XIII. Страна Еча

В китайском источнике «Тундянь», описывающем Люгуй сказано: «...От этой страны (Люгуй) на север в 1 месяце ходьбы есть страна Еча. Люди там свирепы...» На что указывает это название Еча? На какую страну, на какой народ?

Господин Шренк, который, как уже известно, причислял название Люгуй Камчатке, называл словом «еча» чукчей, которые жили на севере от Люгуя, и на местном наречии аборигенов Камчатки - ительменов - именовались тонинэгон (taninegon), в переводе - «весьма сильные люди». На основании утверждения господина Клапрота, коряки называли чукчей майнетанг (mainetang), что на языке этого народа означает «любители поспориться». Если посмотреть с этой позиции, то видно, что господин Шренк до конца придерживается своей идеи, что еча - это чукчи. Название еча для внешнего вида этих туземцев несколько странновато, и что касается их дурного злобного характера, если их называть «демонами», то это никак не стыкуется со словами туземцев Люгуя. «В Эдзо

есть, - как описал в «Записках о посещении Эдзо» профессор Кида (статья опубликована господином Кида в «Рэкиси Тири», № 9, часть 3) - связывающая Ямато и Китай с границей область страны, а именно Еча, которая не претерпела изменений со времён эпохи Тан. Люди там до сих пор едят мясо зверя и рыбы в сыром виде; не знают, как возделывать пять зерновых культур; не знают звуков, слова и речь даются им очень трудно. Встречались с жителями Ямато, которые переправлялись туда несколько раз, аборигены нападали на них безо всякого повода... Носят длинные бороды и вдоль всего тела отращивают волосы. Хотя их слова и просты, но смысл их далеко неясен...»

Жители Страны Восходящего Солнца описывали внешний вид айнов, живших в окрестностях Сахалина. Есть у них и упоминания о еча. А почему тогда этих туземцев описывали как еча, земли которых были где-то видны с Сахалина? И почему еча известны, как дикари, которые «...высовывали клыки вепря и пугали людей»? Японцы записывали это, взяв за основу рассказы, услышанные ими о еча от айнов. Однако можно сказано, что злобностью характера людей, проживавших севернее Люгуя, то есть Сахалина, отличались не только чукчи. Жившая в непосредственной близости к корякам народность юкагиров также отличалась весьма злобным и воинственным характером, у них также процветал грабёж соседей. Коряки называли их йедель (yedel). Йедель на языке коряков означало «волк». (Schlosse, Die allgemeine abriß des asiatischen Nordens, p. 435).

Итак, еча, которые упоминаются в источниках Тан, рассказывающих о Люгуйе, это вовсе не чукчи. Наверное, это название указывает на юкагиров. Если посмотреть на то, как об этом говорится с позиции ориентации на север от Сахалина, то спокойно можно утверждать, что это направление указывает именно на них, а не на чукчей. Но более обстоятельно судить, созвучно ли слово «еча» со словом «йедель» (волк) и об указании на принадлежность этого названия кому-либо, вряд ли представляется возможным.

Перевод выполнен И.Б. Богаченко.

Примечания переводчика:

1. Эпоха Тан- 618 - 907 г.
2. 9-й гол Мэйдзи.
3. Русско-японская война 1904-1905 г.
4. Китайское название Амура.
5. По-японски Сюу.
6. По-японски Сяксин.
7. Троецарствие.
8. По-японски Юри.
9. По-японски Ги-дзидай.
10. По-японски Моккичи.
11. По-японски Дзуйтоу.
12. По-японски Мацукоцу.
13. По-японски Рюкикоку, что в переводе с китайского звучит как Страна блуждающих призраков.
14. По-японски Яся - Страна демонов.
15. По-японски Ки Той.
16. В переводе значит «Трактат о важности определения границ провинций».
17. По-японски Тайсю - Огромный остров.
18. Тихий океан.
19. Сорное растение из рода осоковых.
20. По-японски Кокусуй.
21. Кус, как далее станет известно, - Сахалин, а Тинчжу - п-ов Камчатка, называя последний островом, Цю Тао не делает ошибки только потому, что понятие «полуостров» в те времена отсутствовало, и если часть суши омывалась морем хотя бы с 3-х сторон, использовался термин «остров».
22. По-китайски в те времена он именовался как Чжи-ли.
23. Представитель Китая в провинции Хэйлунцзян, посетивший Кус.
24. Речь идёт о Камчатке.
25. По-китайски этот вид называется юй.
26. Охотское море. По-китайски Бэйхай.
27. По-японски Собу; в эпоху Тоу, после ханьского правления Суу стал изгнанником и вернулся через 19 лет на родину, много пропутешествовав.
28. Имя Чингиз-хана в переводе с китайского.
29. По-японски Дацуданкай.
30. К. Сиратори ссылается на немецкое издание книги Л. Шренка «Об инородцах Амурского края».
31. Большой Шивейский хребет.
32. Советская Гавань.
33. Дома пещерного типа.
34. Ныне Хоккайдо.
35. Переносная загородка из бамбука.
36. Циновка из соломы.
37. Обувь.
38. Курильские острова.
39. Соответствует 113 г. до н.э.

40. Древнее название Японских островов.
41. В переводе с китайского - «Управление некоторыми районами восточной широты по Шанхаю».
42. Нынешнее название Уссури.
43. Дацзы - так китайцы называли многие племена, относящиеся к монгольскому этносу.
44. В переводе с китайского - «Записки о Сяотин» (провинции Китая в древности).
45. Хала - обобщённое китайское название некоторых восточных туземных диких племён.
46. Или более англизированное китайское название Фияка; в дальнейшем, в тексте и будем называть - Фияка.
47. В переводе с китайского - «Карта (атлас) территорий для сбора податей и развития торговли для империи Цин»
48. Северного оленя, а по-японски - тонакая.
49. Штаны типа шароваров, очень широкие.
50. Лосось.
51. 1368 - 1644 гг..
52. По-японски Эй Раку.
53. В китайском обществе об уровне цивилизованности народа судили по факту умения культивировать рис, пшеницу, просо, овёс, рожь.
54. Северным Эдзо одно время японцы называли о. Сахалин.
55. Здесь и далее скобками обозначен стёршийся временем текст, который нельзя разобрать.
56. Одна из провинций Японии.
57. Новейшим временем называется период истории Японии с реставрации Мэйдзи - Мэйдзи-исин по настоящее время.
58. В переводе - «Записки о Поднебесной».
59. По-японски гэта.
60. По-японски вара.
61. Текста, в основном древнеяпонского на манер китайского, когда предложение записывается только иероглифами, и порой связь между отдельными значениями иероглифов очень трудно определить.
62. По-китайски янь (соль) и юй (рыба).
63. Как известно, клинопись, выжигаемая на листьях тростника, пришла из Древнего Китая.
64. Каша из перебродивших бобов.
65. По-японски хиэ.
66. Ещё его называли эдзобиэ.
67. Так автор называет исторические территории - острова Хонсю, Сикоку, Кюсю.
68. Дикий хиэ.
69. Одно из названий хиэ.
70. Разновидность хиэ.
71. Лепешки из клейких рисовых зёрен.
72. Осенний хиэ.
73. Обыкновенный хиэ.
74. Черный пшеничный хиэ.
75. Медвежий хиэ.
76. Водяной хиэ.
77. Полевой хиэ.
78. «Атлас границ провинций и областей».

79. Ныне о. Невское.
 80. Ныне о. Отасу.
 81. Кора дерева.
 82. Стилизованное от китайского «Люгуй».
 83. «Сборник рассказов и карт Великой империи Цин».
 84. Тонкая шелковая материя.
 85. По-японски сисан (западные горы).
 86. Японский дательный падеж (кому? чему? где?).
 87. По японскому дательному падежу тэниоха (где?).
 88. Старое название Амура.
89. С китайского - Бухта зеленых уток.
 90. о. Формоза (Тайвань).
 91. С китайского - «Мысли о происхождении маньчжурского народа».
 92. По-японски тонакай.
 93. Очевидно, Сиратори Куракити имеет в виду богатый экспонатами орудий труда народов севера музей университета Токай.
 94. Злак типа пшеницы.
 95. Ре в Японии, люй в Китае - старинная золотая монета высшего номинала.
 96. Японцы в древности называли эту траву сиокарагуса - это один из видов морских водорослей, очень похожий на морскую капусту - нори или комбу.
 97. Остров Хэйлун - Остров Черного Дракона.
 98. По-японски - пролив Дацудан, ныне - татарский пролив.
 99. Сокола.
 100. Цин по-японски звучит как «син», что означает «зеленый с желтым оттенком».
 101. Звуко-фонетические.

Основные единицы мер:

1 бу - 3,03 мм	1 сяку, чи - 30,3 см
1 ри - 3,927 км	1 татами - 1,6 м ²
1 сун - 3,03 см	1 цзинь - 600 гр.

Статьи и сообщения

В.Л. Подпечников

ИСТОРИЯ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ РЫБНОВСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ

Северо-западное побережье Сахалина, известное под названием Рыбновского, заселялось пришлым населением значительно позднее, чем это происходило в других районах острова. Причинами этого являлись прежде всего отдаленность, бездорожье, более суровый климат данной части островной земли.

В июле 1894 г. на Рыбновском побережье побывал политический ссыльный, народоволец, в будущем известный этнограф Л.Я. Штернберг. Он описал здесь 25 стойбищ аборигенов, но не встретил ни одного русского населенного пункта. Начало же приобщения этих мест к "цивилизации" он отметил так: "В селениях Тамлево, Помрь и других появление бродяг - нередкое явление, и население совершенно бессильно против них" (1). Это было следствием появления каторги в центральной и южной частях Сахалина и многочисленных побегов каторжных.

"Условий для успешного ведения сельского хозяйства, которое могло бы самостоятельно обеспечить существование поселенцев, таких условий, - продолжал Штернберг, - не имеется. - Пески и тундры прибрежные не годны для этого... Если администрация (каторги. - В.П.) решила бы колонизировать этот край, то во всяком случае не на земледельческих основаниях. Богатейшие морские промыслы, главным образом, тюленей, белуг, калуги и кеты - должны послужить основанием для колонизации" (2).

Будущий ученый оказался прав. Заселение и развитие это района в последние 100 лет постоянно определялись богатейшими природными ресурсами и, прежде всего, поистине золотоносными сезонными подходами к его берегам огромного количества лососевой рыбы.

Русские пришли уже на достаточно обжитое побережье. Здесь испокон веков проживали нивхи. Именно морские богатства Амурского лимана и привлекли сюда первых русских поселенцев. История селений Рыбновск и Рыбновск-1 - это последовательная история развития целого ряда мелких русских поселений, возникших на Рыбновском побережье.

Первым русским населенным пунктом, появившимся на северо-западном побережье Сахалина, было селение Рыбацкое (3). Позднее это название трансформировалось в Рыбное.

В книге К.М. Браславца "История в названиях на карте Сахалинской области" указано: "Возникновение поселка со слов старожилов определяется 1890 годом" (4). Но свидетельства старожилов - источник не совсем надежный. Штернберг в 1894 году этого селения не видел. Подлинных документов, официально подтверждающих дату возникновения села Рыбное, обнаружить не удалось. Однако из материалов Всероссийской сельскохозяйственной поземельной и городской переписи 1917 г. видно, что к моменту переписи в селении Рыбное уже насчитывалось 40 хозяйств. Хозяева трех из этих сорока хозяйств заявили, что здесь они "водворились" в период с 1896 по 1900 гг. (5). Видимо, к 1896 г. и следует отнести возникновение села Рыбное. На географической карте данное село было впервые обозначено в 1905 г.

"Еще полтора десятка лет назад почти все население района состояло из туземцев-гиляков. До 1909 года была только одна русская деревушка - Рыбное" (6), - писал об этом побережье в 1927 г. В.Я. Аболтин, председатель Полномочной Комиссии ВЦИК, принимавшей Северный Сахалин от оккупантов-японцев.

В июне 1908 г. распоряжением военного губернатора острова Сахалин "С целью принятия санитарных мер среди инородческого населения, по имевшимся сведениям сильно пострадавшего в минувшую зиму и весну от опустошительной эпидемии оспы" на север острова была направлена экспедиция врача Штейгмана. Она направлялась "для санитарных мероприятий среди инородцев и попутного сбора статистического и экономического материалов о них". О деятельности экспедиции доктора Штейгмана материалы в печати не публиковались, а его статистические исследования не анализировались. Между тем, доктор Штейгман и фельдшер Полиенко добросовестно выполнили задание. Они

побывали во всех стойбищах и русских населенных пунктах северо-западного Сахалина, сделали множество оспопрививков - практически всему населению, собрали богатый статистико-экономический материал.

На Рыбновском побережье доктор Штейгман увидел лишь одно русское село. Это было село Рыбное. В нем тогда было только 7 домов и 23 "наличных жителя". Девятнадцати из них были сделаны оспопрививки. О другом пришлом населении этого района Штейгман в отчете записал, что попадались и русские жители (поселенцы), жившие "бок о бок с инородческими деревнями, составляя с ними как бы общие селения" (7). Но такие поселенцы насчитывались лишь единицами.

Приамурский генерал-губернатор Л.Ф. Унтербергер, касаясь процесса заселения северо-западного побережья Сахалина, писал: "Когда же была заключена рыболовная конвенция с Японией (1907 г. - В.П.), то на арендных основаниях начали отдаваться и рыболовные участки и в Сахалинской области, весь улов с которых шел исключительно на японский рынок. Крупные барыши, которые приносили рыбалки, привлекли желающих селиться на северо-западном побережье Сахалина, и там образовалось несколько селений, сдававших свой улов тем же арендаторам рыболовных участков... Появление в этих местностях новых селений создает на месте русскую ловецкую силу, могущую со временем заменить на рыбалках пришлых (японских. - В.П.) рабочих" (8).

Эта "русская ловецкая сила" - русское постоянное население - довольно активно стала появляться на Рыбновском побережье с 1909 г. (после того, как правительство разрешило вольное заселение Сахалина). Именно тогда на Рыбновском побережье стали "возникать многочисленные, хотя и не многолюдные, поселки" (9). В 1909 г. здесь почти одновременно возникло пять поселений, "состоявших из поселенцев, явившихся их Европейской России" (10).

К 1910 г. на побережье от мыса Виськово (м. Анны) до мыса Халезова, на протяжении 50-55 км морского побережья, существовали такие поселения русских переселенцев, как Успенское, Рыбное, Невельское, Валуево, Астрахановское. В Рыбном к этому времени было выстроено 20 жилых домов, в Успенском - 4, Астрахановском - лишь 1 дом. Невельское и Валуево только начинали строиться. В июле 1910 г. в Валуево было построено только 9, а в Невельском - 4 сруба жилых

домов. Всего в этих уже существовавших и начинавших строиться селениях исследователь зарегистрировал 90 хозяйств. В них проживало 125 взрослых и 54 человека детей (11).

Осенью 1911 г. военный губернатор Сахалина А.М. Валуев в записке Приамурскому генерал-губернатору сообщал, что "за последнее время жизнь этой части области оживляется: так в районе Тамлево открыто 5 поселений, в которых летом этого года (1911 г. - В.П.) насчитывалось около 200 душ переселенцев. К названным выше 5 первым селениям прибавилось еще одно - Лянгери (очевидно, Береговые Лангры. - В.П.). В Тамлевском районе летом скопляется значительное число рабочих для ловли рыбы и японских судов для перевозки ея... только на рыбалках купца Миллера во время хода рыбы работает до 1000 человек, из них до 500 человек японцев" (12). Существование названных шести русских деревень в 1912 г. отмечал и побывавший в них В.В. Меркушев (13).

Ко времени революции и гражданской войны количество русских населенных пунктов на Рыбновском побережье еще несколько возросло. Появились деревни Верещагино, Дмитрие-Григорьевское, Луполово, Наумовка, Суворовка. Неслучайно уполномоченный Комиссии ВЦИК СССР П.Н. Сикорский, принимавший от японцев Рыбновскую волость, в мае 1925 г. писал: "заселение этой части острова (от мыса Наниво до залива Байкал. - В.П.) относится к периоду от 1909 по 1917 год" (14).

В административном отношении до революции 1917 г. Рыбновское побережье входило в состав Александровского участка Сахалинской области. Неофициальным центром побережья было село Рыбное. В этом селе с июня 1912 г. существовала православная церковь. Первыми, записанными в Рыбнинской (так она называлась) церкви, были родившиеся в селе Рыбном 24 июня 1912 г. близнецы Петр и Павел Самородиновы (15).

В июне 1917г., когда было упразднено деление Сахалинской области на участки, весь Северный Сахалин стал уездом этой же области, а центром ее - город Николаевск-на-Амуре. Одновременно была образована Рыбновская волость (16). Центром волости была деревня Дмитрие-Григорьевское. В ней разместилось волостное правление, инспекция рыбного надзора, фельдшерский пункт, начальная школа (17).

К моменту советизации Северного Сахалина в 1925 г. на Рыбновском побережье, кроме нивхских стойбищ, существовали следующие русские населенные пункты (с севера на юг): Астрахановка, Невельское, Успеновка, Суворовка, Рыбное, Дмитрие-Григорьевское, Верещагино, Валуево, Луполово (Романовка).

Характерно, что в 1923 г. в глухом и таком далеком от центра районе страны в период японской оккупации был образован подпольный революционный комитет (18). Во главе его стоял Иван Васильевич Водянов - житель деревни Луполово, одним из членов ревкома был Илья Тимофеевич Муравьев (19).

Пришел май 1925 г. Ушли с Северного Сахалина (а с Рыбновского побережья еще в апреле) японские оккупационные войска. При них административную власть в селениях представляли назначенные японцами старосты. Сразу же после ухода японцев в селах Астрахановка и Невельское возникли общественные органы, объявившие себя Советами. Они организовались по инициативе проживающих здесь бывших амурских партизанских командиров Ганимедова и Слинкина и местного жителя И.М. Хведчени (20).

Ко времени ухода японцев в населенных пунктах района насчитывалось всего 1013 человек "русских" (в кавычках потому, что "под этим термином числятся поляки и татары, армяне и эстонцы, осетины и немцы и прочие, 330 корейцев, 50 китайцев"). В районе проживало также 770 нивхов. Яркую картину условий жизни на побережье в те годы дал уже упоминавшийся В.Я. Аболтин. Он писал: "Во время хода рыбы все работают зверски, подряд по много суток не засыпая, не отлучаясь от кормильца - моря. От немногих недель, в течение которых идет лосось - кета и горбуша, зависит весь год до следующего сезона. Зато остальное время проводится в большей степени в бездеятельности, в пьянстве, в разгуле - если улов был хорош и имеются деньги... Каждый поселок выделяется чем-нибудь своим отличительным на этом поприще. В одном устраиваются бега голых женщин, с призом, бутылкой водки, победительнице. В другом сосед режет соседа от зависти, что жена того может выпить больше его жены. И так далее. В тоже время гиляцкое население страшно забито". Далее автор говорит о "неслыханной забитости гиляков" побережья, приводит примеры этого (21).

Данную картину можно дополнить воспоминаниями одного из старожилов Рыбновского побережья И.С. Крахмалева

(приехал на северо-западное побережье острова в 1926 г., воспоминания записаны в 1950 г.): "На месте нынешних рыбозаводов и цехов, на месте рыбацких поселков был малолюдный берег. Лишь кое-где во время путины раскидывались палатки рыбаков, да за много верст друг от друга стояли стойбища нивхов, а на месте рыбоконсервного завода (РКЗ № 91. - В.П.) было только два деревянных дома" (22).

В апреле 1925 г. представитель Полномочной Комиссии ВЦИК СССР Павел Никифорович Сикорский, прибывший в район, определил центром района село Верещагино. Сахалинский ревком, однако, счел невозможным согласиться с этим предложением и в июне того же года в решении об образовании на Рыбновском побережье Северо-Западного административного района центром его утвердил село Дмитрие-Григорьевку (23). Тем не менее декретом ВЦИК СССР в январе 1926 г. при образовании Дальневосточного края и в составе его Сахалинского округа центром Рыбновского района было названо село Верещагино (24). Дмитрие-Григорьевка через несколько лет стала базой размещения Рыбновской моторно-рыболовецкой станции (МРС).

Вторая половина 20-х гг. стала для побережья временем развития рыбопромышленного производства, активного роста населения, возникали новые населенные пункты.

Во все времена русские селились на Рыбновском побережье и занимали земельные участки, как правило, наиболее продуктивные, уловистые. Однако почти все такие участки ранее уже были заняты аборигенами-нивхами, их стойбищами. На этой почве нередко между аборигенами и пришельцами дело доходило до конфликтов. Случались такие конфликты как в дореволюционный период, так и после революции и гражданской войны. Пример тому - возникновение деревни Михайло-Калиновки, названной так, вероятно, в честь председателя ВЦИК СССР М.И. Калинина. Такие названия селений по имени-отчеству или фамилии чем-то известных лиц были приняты на Сахалине еще со времени каторги.

Вот как появилось селение Михайло-Калиновка: 19 марта 1926 г. Сахалинский ревком рассмотрел "Заявление уполномоченного деревни Михайло-Калининой (так в документе. - В.П.), организованной явочным порядком при стойбищах "Ювчук" и "Самгон", о регистрации этого общества в установленном порядке и ходатайства гиляк этих

стойбищ о выселении граждан этой деревни с занятого места". Название рассмотренного вопроса приведено дословно. В нем изложено все существо конфликта. Кроме того, и здесь, и далее при цитировании сохраняется стиль и орфография документов. Ревкомом по этому заявлению было принято следующее решение: "Принимая во внимание, что семь дворов русских граждан, поселившиеся возле стойбищ Ювчук и Самгон, представляют из себя трудовые хозяйства, что на принятие их в свою среду гиляками было дано согласие, выразившееся в приговоре этих стойбищ - в ходатайстве гиляков стойбищ "Ювчук" и "Самгон" временно отказать.

Предложить уполномоченному Рыбновского района (в то время на северо-западном побережье острова таких органов власти как ревком или районный Совет еще не существовало, а всю власть в районе осуществлял уполномоченный Сахалинского ревкома по Рыбновскому району И.В. Водянов. - В.П.) выяснить и срочно сообщить ревкому:

а) причины недовольства гиляков доприселившимися к ним русскими гражданами;

б) на каком расстоянии от участка рыбалки № 4 возела свои строения эта деревня;

в) имеются ли в районе этой деревни свободные земли, могущие быть отведенными поселившимся, а также представить всю переписку, которая возникла и велась в связи с самочинным образованием деревни Михайло-Калининой"

Из смысла документа, а также из публикации по этому поводу в газете "Советский Сахалин" можно полагать, что деревня Михайло-Калинина возникла "самочинно", видимо, летом 1925 г. Несмотря на протесты нивхов, разбирательство по поводу возникновения деревни закончилось тем, что Сахалинским окружным исполнительным комитетом было признано право на ее дальнейшее существование (26). К 1929 г. в деревне уже проживало 30 семей (27). В октябре 1928 г. президиум Рыбновского райсовета, уже существовавшего к тому времени, "учитывая рост активности населения по обучению своих детей", принял решение об открытии в деревне Михайло-Калининой школы. Причем, средства в сумме 1000 рублей в год на все расходы по содержанию школы жителям было предложено "создать путем проведения самообложения по новому закону, строго учитывая бедняков и малоимущих". Фактически школа в этом селении была

открыта в 1929 г. (28).

В дальнейшем в деловой переписке название селения Михайло-Калинина нередко варьируется. Оно именуется и Михайло-Калиновкой и просто Калининовкой. Об этом селении мы еще вспомним далее.

В истории возникновения населенных пунктов на Рыбновском побережье любопытен и другой пример.

10 апреля 1926 г. Сахалинский окружной ревком рассмотрел заявление двенадцати граждан Рыбновского района "Об организации поселка между селами Астрахановкой и Невельским". Ревком решил: "Если между этими селениями, отстоящими друг от друга на расстоянии 3 верст, организовать поселок, явится много недоразумений о покосе, лесе, рыболовных участках, а поэтому в организации поселка отказать, предложив им приписаться к одному из указанных селений" (29).

Решение об отказе в разрешении поселиться на этом месте и в создании поселка было принято. Однако поселок все же возник и получил название Кирпичики.

Возникали новые населенные пункты и в связи с созданием и деятельностью рыболовецких колхозов и промышленных рыбообрабатывающих предприятий. Так, в самом конце 20-х - начале 30-х гг. появились поселки рыбоконсервного завода № 42 (1931 г.), промыслов № 5 и № 8 и другие. К 1939 г. в Рыбновском районе уже существовало 25 населенных пунктов (30). Данные населенные пункты были небольшими. Строились они тяжело. Их жителям - рабочим, колхозникам, инженерно-техническим работникам, служащим - систематически не хватало жилья. В 1939 г. в одном из официальных документов отмечалось: "До сих пор вредительские "ситцевые" (то есть палаточные. - В.П.) городки и "сезонные бараки" на заводах не уничтожены. Острый недостаток жилья создает огромную текучесть на заводах" (31).

Росло население района. Темпы прироста населения, особенно во второй половине 20-х гг., были настолько велики, что Сахалинский окрревком в апреле 1928 г. принял постановление, где отмечалась "бессистемность заселения" Рыбновского района. Согласно этому постановлению решено: "Впредь до полного изучения естественных богатств района, его экономического состояния и установления наличного и подготовленного фонда (жилья) ...прекратить какое бы то ни

было заселение района" (32). Но рост численности населения района продолжался. Так, если в 1925 г. в Рыбновском районе проживало всего 2163 человека (33), а в 1935 г. - 3572 (34), то к первому января 1938 г. население района уже насчитывало 6599 (35), а к концу 1939 г. - 7576 человек (36).

Возникновение и рост многих населенных пунктов на Рыбновском побережье было результатом повышенного интереса к увеличению добычи прекрасной рыбы в водах, омывающих побережье района. Развитие добычи и переработки рыбы и других морепродуктов в этом районе шло от частных предпринимателей и небольших артелей до 1925 г. к созданию колхозов и государственных рыбных промыслов в последующие годы.

Коллективные формы хозяйствования к началу 30-х гг. стали массовыми. В начале это были мелкие рыболовные артели, но к 1932 г. в населенных пунктах района уже существовало 16 рыболовецких колхозов. Кстати, именно Рыбновский район первым в Сахалинской области закончил коллективизацию (37). В ходе ее в районе было "раскулачено" и выселено 17 семей (всего 119 человек) (38). Рыболовецкие колхозы располагались в селах: "Красный Байкал" - в селе Виски, имени Блюхера - в Астрахановке, "Прибой" - в Невельском, имени Луначарского - в селе Половинка, имени 1-го Мая - в Суворовке, "Красный рыбац" - в Кефи, корейский колхоз "Бургин Сахалин" - в Наумовке, "Сазан" - в селе Юки, имени Сталина - в Рыбном, "Свобода" - в Верещагино, "Молот" - в Михайло-Калиновке, "Тюлень" - в Луполово, "Пятилетка" - в Теньгах, "Тунгус" - в Ныйде и "Красная заря" - в Некрасовке (39), которая тогда входила в состав Западно-Сахалинского национального района. К 1939 г., вследствие реорганизаций и выселения осенью 1937 г. членов корейского колхоза, в селах района оставалось 11 рыболовецких колхозов (40). 1 июля 1939 г. для обслуживания производственных нужд колхозов в селе Дмитрие-Григорьевка была создана моторно-рыболовецкая станция (МРС) (41).

Развивался и рос и государственный сектор рыбной промышленности района. В 1931 г. в Северо-Сахалинский госрыбтрест, действовавший на Северном Сахалине, уже входили рыбные промыслы Погиби, Зеленый Гай, № 3, № 5, № 8, Рыбное, Виски, Кирпичики, Куэгда, а также рыбоконсервный завод № 42. В 1935 г. на базе рыбных промыслов были образованы рыбзаводы, а в 1939 г. в

Рыбновском районе были организованы 3 рыбокомбината (Рыбновский, Зеленогаевский и Люгинский). Рыбокомбинаты объединяли 9 рыбзаводов, один рыбоконсервный и один завод по обработке морского зверя. В этом же году колхозами и госпредприятиями района в местных водоемах было добыто и обработано 107,6 тыс. центнеров рыбы-сырца и морского зверя (42).

Как уже отмечалось, административным центром Рыбновского района являлось село Верещагино. Но уже в 1932 г. в районе поднимается вопрос о переводе районного центра на промысел номер 5 (43), который считался центральной базой государственной рыбной промышленности района.

По административно-территориальному делению Северного Сахалина на территории, охватывавшей Рыбновский и Охинский районы, в 1931-1933 гг. одновременно с названными районами существовал национальный Западно-Сахалинский Туземный район. 16 декабря 1933 г. президиумом Сахалинского областного совета было принято постановление об объединении Рыбновского и Западно-Сахалинского Туземного райисполкомов и об образовании Рыбновского национального района с центром на промысле № 5 (44).

20 августа 1937 г. решением Далькрайисполкома "Об изменении административно-территориального деления Сахалинской области" населенные пункты Промысел № 5, Кирпичики, Люги были отнесены к категории рабочих поселков. Одновременно тем же решением было подтверждено существование Рыбновского района как административно-территориальной единицы Сахалинской области. Центром района вновь был определен поселок Промысла № 5. При этом в названии района исчезло слово "национальный". В состав района вошли Юковский, Наумовский, Луполовский, Теньгинский, Погибинский и Ныйденский сельские и Кирпиченский, Успенский, Мйхайло-Калиновский поселковые советы (45).

Поселок Промысел № 5 находился в 6 километрах от села Верещагино. Но эти шесть километров побережья являлись одними из самых продуктивных рыболовных участков. Кроме того, у села Верещагино было еще и удобное укрытие для рыболовных судов. Не случайно поэтому на этом участке уже к середине 30-х гг. возникли и сложились населенные пункты Верещагино, Промысел № 3, рыбоконсервный завод № 42

(данный завод неоднократно менял свой номер, после первоначального № 42 он носил №40, а затем и № 91. - В.П.), Калиновка, Валуевка, Промысел № 5. Со временем, с ходом постепенной застройки, все они практически слились в один населенный пункт со своим Калиновским сельским советом.

В октябре 1937 г. по инициативе жителей района постановлением расширенного пленума (сессии) Рыбновского районного совета поселку Промысел № 5 было присвоено название Рыбновск (46). Однако, официального постановления об утверждении этого решения областными и краевыми органами в то время по каким-то причинам принято не было. Шли годы. Постепенно расширялись, продолжали сливаться поселения на участке Верещагино - Промысел № 5. За поселком Промысел № 5 неофициально продолжало сохраняться название Рыбновск. Наконец, в августе 1952 г. Сахалинским облисполкомом было принято решение о переименовании деревни Калиновка в село Рыбновск, а существовавший до этого Калиновский сельский совет преобразован в Рыбновский сельский совет (47). Таким образом, на основе слияния селений Калиновка и Промысел № 5 образовался районный центр - село Рыбновск.

Но поблизости располагались селения Промысел № 3 и рыбоконсервного завода (в порядке постепенного изменения его нумерации в течение нескольких лет условно назовем его селение РКЗ-42-40-91). Эти населенные пункты со временем также практически слились и получили одно название - Поселок РКЗ-91. В январе 1953 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР этот населенный пункт из поселка РКЗ-91 был переименован в поселок Песчаное (48). В апреле 1973 г. решением Сахалинского облисполкома село Песчаное было включено в черту села Рыбновск (49). В обыденной жизни к настоящему времени сложилось так, что бывший районный центр называют Рыбновском-1, а бывшее село Песчаное - Рыбновском.

В истории Рыбновского района были и другие случаи переименований населенных пунктов. Так, существовавшее с конца 20-х гг. селение Промысел № 8 в феврале 1952 г. было переименовано в село Промысловое, а село аборигенов Уванги - в поселок Дружба (50).

В годы Великой Отечественной войны (следует отметить, что в 1941-1945 гг. в ряды Советской Армии из Рыбновского района было призвано более 1000 человек) старики, женщины,

подростки делали все возможное, чтобы дать стране, фронту больше рыбной продукции. За 1941-1945 гг. рыбаки района выловили 326411 центнеров рыбы (51). Трудящимися района в годы войны на вооружение Советской Армии было собрано более 6 млн. рублей деньгами, на 206874 рубля теплой одежды для солдат, а также ценных подарков воинам на 367 тыс. рублей (52).

В послевоенные годы в основной промышленной отрасли района - по добыче и обработке рыбы и морзверя, других морепродуктов - прошло несколько реорганизаций. Прежде всего значительно сократилась численность рыболовецких колхозов. В январе 1947 г. в районе существовало 9 рыболовецких, 1 земледельческий и 1 оленеводческий колхоз. В них состояло 275 хозяйств, 362 члена колхозов. Уже к этому времени численность колхозников против 1939 г. сократилась на 54%. В 1947 г. в соответствии с постановлением правительства 7 рыболовецких колхозов ("Молот", "Китобой", имени Сталина, имени 1-го Мая и другие) и 1 сельскохозяйственный были переселены в полном составе на Южный Сахалин. Два оставшихся в районе рыболовецких колхоза впоследствии объединились (53). К 1951 г. в районе оставалось только 2 колхоза: рыболовецкий "Свобода" и оленеводческий "Новый путь". Центральная усадьба колхоза "Свобода" до 1951 г. находилась в селе Верещагино, а затем была перенесена в Луполово (54). В начале 60-х гг. в селе Люги был образован новый рыбколхоз имени XXI партсъезда. В декабре 1965 г. рыболовецкие колхозы "Свобода" и имени XXI партсъезда объединились с рыбколхозом "Красная заря" с центром в селе Некрасовка Охинского района. В селах Рыбновского района остались лишь отделения колхоза "Красная заря".

Неоднократно происходили преобразования и в государственном секторе рыбной промышленности района. Рыбокомбинаты укрупнялись. В итоге из 3 остался лишь 1 - Рыбновский. Затем он был преобразован в рыбзавод, а позднее даже в рыбобазу Александровского рыбокомбината. В итоге была упразднена и эта рыбобазы. Доля государственных предприятий в рыбной промышленности района сократилась до нуля. Заметно упали объемы добычи и обработки рыбы, выпуска рыбопродукции.

Все это не могло не сказаться на численности населения района, состоянии и существовании населенных пунктов. Уже

в декабре 1962 г. решением Сахалинского облисполкома "как фактически не существующие, в связи с выездом из них населения" были исключены из учетных данных, а попросту ликвидированы населенные пункты Верещагино, Калиновка, Григорьевка, Валуевка, Романовка Калиновского сельского совета; Тузрик, Невельское, Кефи, Сладкое озеро, Наумовка, Половинка, Подсобное хозяйство Успеневского сельсовета; Промысловое, Дружба, Зеленый Гай, Черный Яр, Седьмой промысел Погибинского сельского совета (55). В июле 1964 г. по тем же мотивам официально признано закончившим свое существование село Астрахановка (56). В апреле 1973 г. также как "фактически не существующие" исключены из учетных данных населенные пункты Кирпичики, Успеновка, поселки рыбобазы № 3 и Теньги (57).

Изменялось и административное положение самого района в целом. В феврале 1963 г. Рыбновский район в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР "Об укрупнении сельских районов, образовании промышленных районов и изменении подчиненности городов Сахалинской области" был преобразован в Рыбновский промышленный район (58). Существовал так называемый промышленный район недолго. В январе 1965 г. на основании Указа Президиума Верховного Совета РСФСР "Об изменениях в административно-территориальном делении Сахалинской области" Рыбновский промышленный район был упразднен (59). Территория бывшего Рыбновского района и входившие в него Луполовский, Люгинский, Погибинский и Рыбновский сельские советы переданы в подчинение Охинского городского совета (60).

Экономическая база Рыбновского побережья всегда оставалась важной для области и страны, но слишком узкой. Все населенные пункты Рыбновского побережья, как и в целом весь административный район, возникали, строились, развивались прежде всего как пункты добычи и обработки лососевых. Все остальное возникало, существовало и развивалось как производное от необходимости добычи, обработки, транспортировки рыбы, обеспечения жизни людей, занятых этим делом.

Только в последние десятилетия на территории бывшего района начались работы по разведке, добыче нефти и газа, их транспортировке. Но реального, масштабного развития и они пока не получили.

Развитие населенных пунктов района, естественно, не могло происходить в отрыве от общих условий жизни в стране, области. Уже в 50-е гг. в целях сохранения запасов лососевых и других рыб в Амурском лимане начали устанавливаться ограничения на их вылов. Кроме того, во все времена острыми были проблемы экономичности производства, дешевизны выпускаемой продукции. Все это привело к сокращению объемов добычи рыбы и морепродуктов и как следствие - к уменьшению численности населения, упадку населенных пунктов. Тем более, что развитие Рыбновского побережья усложнялось и затруднялось суровыми природно-климатическими условиями, огромной отдаленностью от культурных центров, практически полным отсутствием отлаженных транспортных связей.

В силу целого ряда объективных причин сельское хозяйство на Рыбновском побережье развивалось с большим трудом. Важнейшие из таких причин: малоплодородные, песчаные, подверженные ветровой эрозии почвы и суровый климат. Однако русские люди, населявшие побережье, всегда пытались заниматься здесь огородничеством, а в советское время на предприятиях создавались подсобные хозяйства, образовался даже сельскохозяйственный колхоз.

В один из пиковых периодов трудностей с продовольствием в стране, во время Великой Отечественной войны, район достиг высшего показателя в освоении земельных площадей под посевы картофеля и овощей. В 1943-1945 гг. план сева по всем категориям хозяйств по району был в пределах 137 гектаров, в том числе картофеля - 119, овощей - 12, кормовых культур - 5,5 и табака 0,6 (61). В районе не было населенного пункта, где бы население не занималось огородничеством. Хотя практически пригоден для этого только район бывших сел Люги, Успеновка, Невельское. В дальнейшем посевные площади в районе систематически снижались. Так, в 1951 г. посевная площадь картофеля и овощей всего по району составила только 77 га, в том числе по колхозам - 3, 9, подсобным хозяйствам - 26, индивидуальному огородничеству рабочих и служащих - 44 (62). Падение размеров посевных площадей в районе продолжалось и в дальнейшем.

Природные трудности в ведении сельского хозяйства в Рыбновском районе часто усугублялись отсутствием посадочного материала. Ныне мало кому известен способ посадки картофеля методом "верхушек". "Верхушки" - это

срезки некоторой небольшой части картофельного клубня с ростком. Остальная часть картофельного клубня после срезки "верхушек" шла в пищу. В Рыбновском районе этот способ начали применять одними из первых в области. На 1943 г. в районе устанавливался план заготовки верхушек клубней картофеля в 21 центнер. В решении райисполкома по этому вопросу с большой остротой отмечалось, что "в столовых и закрытых учреждениях (больницы, детские сады и т.п. - В.П.) до сих пор значительное количество пищевого картофеля употребляется без предварительной срезки верхушек клубней". От руководителей предприятий, учреждений райисполком требовал "прекратить употребление пищевого картофеля без предварительной срезки верхушек" (63).

В силу объективных причин не получало заметного развития в районе и животноводство.

Нелегко представить себе трудности, которые испытывало население района, предприятия и организации в связи со сложностями в передвижении между населенными пунктами, в транспортировке грузов. Лошадей в районе всегда было немного. Даже в 40-50-е гг. единицами можно было пересчитать автомобили и тракторы. Не случайно в марте 1943 г. райисполком принял решение "О плане развития поголовья ездовых собак по колхозам и хозяйственным организациям района". Видимо, такое решение было единственным в стране. Этим решением поголовье ездовых собак в районе было установлено в количестве "660 голов и заготовки корма для собак в 168 тонн" (64).

По существу заново, практически на пустом месте создавалось на Рыбновском побережье все, что относится к народному образованию, культуре, охране здоровья жителей.

Как видно из доклада уже упоминавшегося П.Н. Сикорского (впоследствии работавшего заведующим Сахалинским окружным отделом народного образования), в селениях Рыбновского района в 1924-1925 учебном году действовало 7 начальных (двуклассных) школ. Все они были открыты в 1924 г. К сожалению, не представилось возможным установить количество учащихся в этих школах. Однако известно, что оно было незначительным. Только школа в деревне Валуевка имела специально построенное помещение. Остальные же работали в приспособленных жилых зданиях. А в стойбище Виски 8 детей нивхов учились в палатке. Учебные пособия и учебники имелись "в чрезвычайно ограниченном количестве".

Библиотек в школах не было вообще (65).

В 1925-1926 учебном году школы в селениях Валуево, Верещагино, Григорьевское, Суворовка, Половинка, Виски продолжали работать, но уже на новой основе, по другим, советским программам.

К 1931 г. в селениях Рыбновского побережья уже действовало 6 двухкомплектных, 2 однокомплектные школы и школа колхозной молодежи. В них обучалось 457 учащихся, из них 47 человек заканчивали семилетку. Охват всеобучем в это время составлял по русскому населению 100%, а по "туземному" - 80-85%. В школьных интернатах проживало 128 учащихся, 353 ученика были пионерами (66). Интернат для учащихся нивхов впервые был создан в селе Верещагино в 1926 г.

Представление о дальнейшем развитии народного образования дают следующие данные: в 1945-1946 учебном году в школах Рыбновского побережья было 1432 ученика. В районе работало 19 школ, в числе их - 15 начальных, 3 неполных средних (семилетки) и 1 (на Промысле № 5) средняя школа (67). В 1946 г. на месте бывшего нивхского стойбища Юки на берегу Сладского озера была создана культбаза народов Севера (68). В 1960 г. в районе было всего 18 школ. Из них 9 начальных, 3 семилетних (в Люгах, Песчаном, Погиби), 1 восьмилетняя и 1 средняя школа (в селе Рыбновск). В них обучалось 786 человек (69). В 1953 г. в районном центре - селе Рыбновск - было построено новое здание средней школы (70).

Первый районный Дом культуры появился в селе Михайло-Калиновка в 1933 г. (71). К тому времени во многих населенных пунктах, колхозах и на предприятиях района уже существовали красные уголки и клубы. В 1930 г. в селе Верещагино (тогда центре района) впервые появилась "немая" кинопередвижка, затем, через два года - вторая. В 1935 г. в район так же в виде кинопередвижки впервые пришло звуковое кино. С начала 1934 г. на Промысле № 5 впервые в районе начал работать радиотрансляционный узел, а с 1935 г. началась массовая радиофикация населенных пунктов района. К 15 мая 1955 г. в районном центре было введено в эксплуатацию новое здание районного Дома культуры (72).

С апреля 1948 г. и вплоть до включения территории Рыбновского района в состав Охинского района там издавалась районная газета "Сахалинский рыбак".

Вплоть до 1920 г. в селе Дмитрие-Григорьевском функционировал волостной фельдшерский пункт. Он обслуживался одним фельдшером, который представлял собой всю медицину побережья. С момента японской оккупации фельдшерский пункт работать перестал. Однако до 1922 г., пока еще оставались хоть какие-то медицинские препараты, фельдшер занимался частной практикой. После того, как закончились медикаменты, фельдшер свою деятельность прекратил. В случае нужды население обращалось либо к японскому врачу, либо в Николаевск-на-Амуре. Не случайно, по свидетельству старожилов, в 1922 г. умерло все нивхское население стойбищ Нури, Пильво, Туми (73).

Ситуация меняется после прекращения японской оккупации. К осени 1926 г. в селе Дмитрие-Григорьевка по решению Сахалинского ревкома был открыт врачебный участок, который возглавлял врач (74). В 1927 г. в Верещагино началось и следующем году было окончено строительство районной больницы на 10 коек (75). В ней работали врач, фельдшер и акушерка (76). К 1939 г., кроме районной больницы, в ряде промыслов и в селах уже работало 10 фельдшерских пунктов. В них занято всего 36 медицинских работников (77). В конце 1952 г. в Рыбновской больнице появился первый рентгеновский аппарат (78). В середине 50-х гг. в районном центре было построено новое здание районной больницы, еще более возросла численность медицинского персонала.

Для населения Рыбновского побережья длительное время характерной была высокая заболеваемость цингой. Вспышки этого заболевания отмечались вплоть до начала 50-х гг. Это всегда объяснялось недостатком овощей в рационе питания жителей района. Не случайно в феврале 1945 г. райисполкомом было принято решение об изготовлении и отпуске населению настоя из кедрового стланника. Подобные решения принимались и ранее и позже неоднократно. Но в 1945 г. заболеваемость цингой была настолько распространенной, что само решение райисполкома носило характер, по существу, чрезвычайный. Так, один из пунктов его предписывал: "С 15 февраля текущего года настой (кедрового стланника. - В.П.) отпускать каждому столующемуся в обязательном порядке, а тем кто откажется употреблять настой стланника, питание не отпускать" (79).

Все то, что происходило на Рыбновском побережье за

минувший век - результат деятельности людей. Сам по себе факт постоянного проживания людей в суровых климатических условиях побережья, в отдаленности, при минимуме коммунальных благ и услуг, нередко в сложной общественной атмосфере - это уже стоицизм и мужество. При всем этом люди трудились: строили жилые дома и производственные помещения, ловили и обрабатывали рыбу, растили и учили детей. Заботились о больных и немощных. Множество рыбновцев во все времена трудились достойно. В марте 1957 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР за доблестный труд звание Героя социалистического труда было присвоено бригаиру лова рыбобазы Рыбное нивху Пойтану Герасимовичу Чайке. Орденом Ленина был награжден ловец Рыбновского рыбокомбината Ковалев Петр Андреевич, орденом Трудового Красного знамени - мастер лова рыбокомбината Немков Филипп Федорович, рыбак колхоза "Свобода" Хайлов Петр Иванович. Помнят люди и заслуженного врача республики Зою Ивановну Гапонову, отдавшую району почти 30 лет жизни, и эвенку Екатерину Петровну Гаузину - бригадира пошивочной мастерской в селе Ныйде, помнят и строителей из села Погиби и многих других.

Не забыли люди и почти двести человек рыбновцев, безвинно пострадавших в черные годы незаконных репрессий.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Штернберг Л.Я. Путешествие на крайний север Сахалина // Сахалинский календарь. Пост Александровский, 1895. С. 34.
2. Там же. С. 31-32.
3. Новомбергский Н. Остров Сахалин. Спб, 1903. С. 16.
4. Браславец К.М. История в названиях на карте Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1983. С. 92.
5. Всероссийская сельскохозяйственная поземельная и городская перепись 1917 года. Выпуск 1. Владивосток, 1919. С. 182, 185.
6. Аболтин В.Я. Остров сокровищ - Северный Сахалин/ Хабаровск - Владивосток. 1928 г. С. 45.
7. Российский государственный архив Дальнего Востока (Далее - РГАДВ). Ф. 702. Оп. 1. Д. 642. Л. 9, 10, 12 об.
8. Унтербергер Л.Ф. Приамурский край. 1906-1910 гг. Спб., 1912. С. 218.
9. Глуздовский В.Е. Советский Сахалин. Владивосток, 1926. С. 9.
10. Георгиевский А. П. Русские на Дальнем Востоке. Владивосток, 1926.

- С. 47.
11. РГА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 310. Л. 345.
12. Там же. Л. 338.
13. Аболтин В.Я. Указ. соч. С. 45.
14. РГА ДВ. Ф. 3158. Оп. 1. Д. 17. Л. 23.
15. Государственный архив Сахалинской области (Далее - ГАСО). Ф. 23 "и". Оп. 1. Д. 161. Л. 2.
16. Административно-территориальное деление Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1986. С. 113, 119, 120.
17. РГА ДВ. Ф. 3158. Оп. 1. Д. 17. Л. 27.
18. Победа Советской власти на Северном Сахалине (1917-1925 гг.) Южно-Сахалинск, 1959. С. 230.
19. Подпечников В.Л. Молчаливые свидетельства // Сахалин. Южно-Сахалинск, 1987. С.140-148.
20. РГА ДВ. Ф. 3158. Оп. 1. Д. 17. Л. 26 об.
21. Аболтин В.Я. Указ. соч. С. 46.
22. Сахалинский рыбак. 1950, 21 мая.
23. Победа Советской власти на Северном Сахалине (1917-1925 гг.) Южно-Сахалинск, 1959. С. 242.
24. Социалистическое строительство на Сахалине. 1925-1947 гг. Южно-Сахалинск, 1967. С. 31.
25. Сахалинский центр документации новейшей истории (Далее - СЦДНИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1 "з". Л. 29.
26. ГАСО. Ф. 514. Оп. 1. Д. 1. Л. 31.
27. ГАСО. Ф. 514. Оп. 1. Д. 2. Л. 23 об.
28. ГАСО. Ф. 514. Оп. 1. Д. 1. Л. 10, 89.
29. СЦДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1 "з". Л. 42.
30. ГАСО. Ф. 514. Оп. 1. Д. 12. Л. 18.
31. ГАСО. Ф. 514. Оп. 1. Д. 12. Л. 18.
32. СЦДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 92. Л. 22.
33. Аболтин В.Я. Указ. соч. С. 45.
34. ГАСО. Ф. 514. Оп. 1. Д. 12. Л. 12.
35. ГАСО. Ф. 514. Оп. 1. Д. 23. Л. 212.
36. Демьяненко А.Н., Февралева С.В. Внутриобластной район: предпосылки становления экономического самоуправления (на примере Рыбновского побережья Сахалинской области). Хабаровск, 1990. С. 18.
37. СЦДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 96. Л. 16.
38. Там же. Л. 24-32.
39. ГАСО. Ф. 514. Оп. 1. Д. 16. Л. 98-99.
40. ГАСО. Ф. 514. Оп. 1. Д. 12. Л. 8.
41. Там же. Л. 45.
42. ГАСО. Ф. 514. Оп. 1. Д. 16. Л. 35.

43. ГАСО. Ф. 514. Оп. 1. Д. 12. Л. 6.
44. ГАСО. Ф. 53. Оп. 24. Д. 57. Л. 611.
45. ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 13. Л. 1-2.
46. ГАСО. Ф. 514. Оп. 1. Д. 27. Л. 22.
47. ГАСО. Ф. 342. Оп. 1. Д. 52. Л. 7.
48. Там же.
49. ГАСО. Ф. 53. Оп. 25. Д. 493. Л. 146.
50. ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 717. Л. 73.
51. ГАСО. Ф. 514. Оп. 2. Д. 53. Л. 7.
52. Там же. Л. 2.
53. ГАСО. Ф. 514. Оп. 2. Д. 53. Л. 8.
54. ГАСО. Ф. 514. Оп. 1. Д. 62. Л. 56-57.
55. ГАСО. Ф. 53. Оп. 25. Д. 2336. Л. 111.
56. ГАСО. Ф. 53. Оп. 25. Д. 2693. Л. 322.
57. ГАСО. Ф. 53. Оп. 25. Д. 4931. Л. 146-151.
58. Административно-территориальное деление Сахалинской области.
С. 124.
59. Там же. С. 125.
60. ГАСО. Ф. 53. Оп. 25. Д. 2865. Л. 319-322.
61. ГАСО. Ф. 514. Оп. 1. Д. 40. Л. 45об; Д. 42. Л. 51об.
62. ГАСО. Ф. 514. Оп. 1. Д. 62. Л. 55.
63. ГАСО. Ф. 514. Оп. 1. Д. 40. Л. 11 об.
64. ГАСО. Ф. 514. Оп. 1. Д. 4. Л. 40 об. - 41.
65. РГАДВ. Ф. 3158. Оп. 1. Д. 17. Л. 27.
66. ГАСО. Ф. 514. Оп. 1. Д. 12. Л. 6.
67. ГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.
68. Сахалинский рыбак. 1952, 1 января.
69. ГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 293. Л. 452.
70. Сахалинский рыбак. 1953, 1 ноября.
71. ГАСО. Ф. 514. Оп. 1. Д. 18. Л. 3.
72. ГАСО. Ф. 577. Оп. 1. Д. 34. Л. 21.
73. РГАДВ. Ф. 3158. Оп. 1. Д. 17. Л. 27 об.
74. Социалистическое строительство на Сахалине. 1925-1945 гг. С. 26,
679.
75. Сахалинский рыбак. 1950, 21 мая.
76. ГАСО. Ф. 514. Оп. 1. Д. 7. Л. 92.
77. ГАСО. Ф. 514. Оп. 1. Д. 12. Л. 12, 18.
78. Сахалинский рыбак. 1955, 1 января.
79. ГАСО. Ф. 514. Оп. 1. Д. 44. Л. 1-1 об.

ИЗ ИСТОРИИ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ ДВР В ДЕРЕВНЕ (1921-1922гг.)

Традиционная точка зрения на Дальневосточную Республику сводится к взгляду на нее как на "буферное" государство, вынуждено и ненадолго созданное в ходе гражданской войны. Действительно, существовало оно весьма недолго, но в силу местных условий внутренняя политика ДВР отличалась своеобразием и неповторимостью. Одним из доказательств этого может служить налоговая политика, проводившаяся республикой в деревне.

Вплоть до 1920 г. на Дальнем Востоке о какой-либо упорядоченной политике налогообложения говорить не приходилось. Военная обстановка давала возможность проводить лишь спорадические реквизиции продуктов у крестьян. С возникновением Дальневосточной республики перед ее властями встал вопрос обеспечения продовольствием населения городов и армии. Три фактора делали эту задачу весьма трудной для выполнения. Во-первых, в дальневосточной деревне преобладали зажиточные крестьяне, в то время как процент бедноты был относительно невелик. Это сужало социальную базу новой власти и делало затруднительным применение силы. Во-вторых, даже в лучшие времена Дальний Восток не обеспечивал свои потребности в продовольствии за счет местных ресурсов. Так, в наиболее удачном 1917 г. общий сельскохозяйственный сбор составил 23 млн. пудов, а потребности региона составили 25,7 млн. пудов. В третьих, городское население ДВР достигало 34% против 13% в европейской России, что повышало нагрузку на местных крестьян.

В 1920-1921 гг. налоговая политика сводилась к разверстке в более мягком виде, нежели в РСФСР. Результат подобных мер был весьма скромным. Летом 1920 г. удалось собрать лишь 27% от запланированного количества зерна. В РСФСР аналогичный показатель достигал 66,5%. Требовались новые подходы. Первые предложения о введении в ДВР продналога появились уже в 1920 г. Несмотря на это, само введение налога

рассматривалось как переходный этап к хлебной монополии (1). Система обязательного коллективного товарообмена между городом и деревней, так или иначе существовавшая на большей части территорий, контролируемой правительством ДВР, также считалось временной мерой на пути к разверстке

Переход РСФСР к "новой экономической политике" повлек за собой подобные же изменения в ДВР. Весной 1921 г. фракция РКП(б) в Учредительном собрании ДВР вышла с предложением о введении методов налогообложения, подобных советским. Смысл предложения сводился к свертыванию продразверстки и введению прогрессивного натурального подоходного налога. На основании этой инициативы собрание выработало два постановления: "Положение о государственном прогрессивно-поимущественном налоге" и "Положение о натуральном сборе". Эти положения устанавливали основные принципы налогообложения и оговаривали его исчисление в золотых рублях. Отметим, что с февраля 1921 г. все ранее взыскивавшиеся сборы (разверстка, займы) шли в зачет нового налога. Они либо довыскивались, либо засчитывались в случае переплаты.

Первая инструкция о сборе подоходного налога появилась 12 июня 1921 г. В ней предусматривался раскладочный принцип обложения. Всего было намечено собрать 2,2 млн. рублей. Равные суммы приходились на Амурскую и Забайкальскую области. Приморье в данной раскладке не учитывалось, т.к. находилось в руках неприятеля и его еще предстояло отвоевать. Раскладка налогов шла вниз, с областного уровня на уездный, далее на волостной, и в конечном счете налог распределялся между сельскими обществами. Таким образом, раскладка налогов являлась ничем иным как круговой порукой. Это позволяет считать первый проект переходным этапом от продразверстки к продналогу. Для сравнения: в РСФСР налогообложение носило индивидуальный характер. Неудивительно, что в самом скором времени инструкция была пересмотрена. Новая редакция была принята осенью 1921 г. Несовершенный раскладочный принцип был заменен окладочным. Обложению подлежали как основные доходы каждого хозяйства, так и доходы от прочих промыслов. Ответственным налогоплательщиком считался глава семьи. Определенные

льготы предоставлялись семьям, имеющим в своем составе малолетних детей и инвалидов.

В качестве основы для исчисления суммы обложения были взяты результаты хозяйственной деятельности за 1917 г. Между тем эти данные уже далеко не соответствовали действительности. В результате гражданской войны в сельском хозяйстве Дальнего Востока начался глубокий спад, продолжавшийся до 1922 г. Общий размер посевных площадей сократился (по сравнению с 1917 г.) до 77,2% - в Забайкалье, до 53% - в Амурской области, до 93% - в Приморье (3). Спад затронул и другие стороны деревенского хозяйства. Так, резко упала урожайность, поголовье скота сократилось до 58,5% - по лошадям, до 53,5% - по крупному рогатому скоту, до 64,5% - по мелкому скоту (4).

Свидетельством новых веяний стало значение, которое придавалось сбору налога именно в денежной форме. Лишь 50% суммы налога взымалось натурой. Только при полном и доказуемом отсутствии денег допускалась уплата всей суммы продуктами длительного хранения. Первоначально все сельские налогоплательщики были разделены на 9 групп. Наименее имущие налог не платили, остальные облагались по ставкам от 12% до 33%.

В декабре 1921 г. проект положения о налогообложении рассматривался Народным собранием ДВР. Проект был в принципе одобрен, но со значительными коррективами. В частности, был изменен процент налоговых ставок. Теперь все сельское население делилось на 15 групп. Первая налогов не платила, остальные уплачивали от 4 до 20%. Отметим, что абсолютный размер налогов снизился, но соотношение между нижней и верхней ставками налогообложения увеличилось (с 1-2,7 до 1-5). Оценивая факт снижения абсолютного размера налогов, заметим, что Народное собрание подошло к перспективам налоговой кампании более реалистично, нежели авторы проекта. Фактически сбор налогов не превысил 60% от намеченной суммы. Помимо естественного желания крестьян уклониться от налогов и специфических военных трудностей, сыграла свою роль и слабость налогового аппарата.

Общая сумма налогообложения на осень 1922 г. планировалась в размере 3 млн. рублей золотом. В сентябре того же года был принят и новый закон о налогообложении. На этот раз крестьяне были разбиты на 10 групп, причем

обложению ныне подлежали все. Налоговые ставки колебались от 6 до 36%. Таким образом, разрыв достиг соотношения 1 к 6. Для наиболее доходных хозяйств абсолютный размер налогов вырос в 1,8 раза. Были приняты меры к усилению налогового аппарата и улучшению его работы. Основная тяжесть налогового бремени должна была лечь на Приморскую и Амурскую области.

Необходимо отметить, что подобное повышение налогов угрожало еще более слабыми результатами, чем те, что имели место весной 1922 г. Выдвигались предложения, направленные на облегчение налогового бремени, стимуляции лояльности налогоплательщиков. Так, осенью 1922 г. ряд органов местного самоуправления вышел с инициативой о снижении уровня налогов вдвое (5). Разумеется, подобное предложение не нашло понимания в верхах. Но и в высшем эшелоне власти выдвигались подобные идеи. К примеру, секретариат Дальбюро РКП(б) предлагал ряд льгот для крестьян, призванных стимулировать стремление уплатить налоги. Они предусматривали 5% скидки с общей суммы налога при уплате их в срок, скидки хозяйствам, расширявшим площадь посевов и проводившим мелиоративные работы, а также скидки для тех хозяйств, чьи члены служили в армии. Размер льгот в последнем случае колебался от 5 до 20%. Но и эта идея была отклонена Дальбюро под предлогом возможного нарушения уже идущей налоговой кампании (6). Одновременно придавалось особое значение сбору денежной части налога. Это особо отмечалось в циркуляре Дальбюро от 12 сентября 1922 г. (7).

В целом, по сравнению с РСФСР, уровень налогообложения был существенно ниже. В том же, 1922, г. доля сельхозналогов в общем национальном доходе составляла в ДВР лишь 3%, в РСФСР же она достигала 12% (8).

Но и после перехода ДВР по образцу РСФСР к "новой экономической политике" обойтись без мер принудительного характера не представлялось возможным. Особое распространение они имели во время посевной кампании. К примеру, все крестьяне были обязаны засеять землю продовольственными культурами не ниже определенных норм. Проводились и обязательные займы семенного зерна у населения. Подобная практика была обычной и в 1921-1922 гг. Например, в 1922 г. был объявлен "добровольный" заем 500 тыс. пудов зерна на посев. Излишне

говорить, что эта мера носила чисто принудительный характер (9).

Использовались и другие меры, призванные увеличить сбор урожая и особенно увеличение поступлений государству. Правительство категорически запретило вывоз продовольствия за границу, в это же время разрешив его беспроцентный ввоз. В период посевных работ снижалась на 50% плата за перевозку зерна на транспорте. Свободная торговля зерном допускалась только после окончания сева.

Предметом особого внимания большевиков было расширение своего социального базиса в деревне. В период гражданской войны преобладание в дальневосточной деревне среднего и зажиточного крестьянства сделало невозможным проведение здесь широкомасштабной политики продразверстки. При относительной слабости советской власти на Дальнем Востоке, особенно ее карательных органов, попытки жесткого обращения с крестьянством привели бы к открытию нового фронта гражданской войны. Настороженное отношение деревни к новой власти было не последней причиной образования самой Дальневосточной республики. В этих условиях РКП(б) рассматривала в качестве своих естественных союзников беднейшие слои дальневосточной деревни. Бедняки не только платили налоги намного меньше, чем их зажиточные соседи, но пользовались большей частью налоговых льгот в абсолютном и относительном размерах. Например, в Забайкальской области льготы бедняков в общем весе налогов осенью 1922 г. составляли по различным районам от 5 до 11,4% (10). Все программы помощи деревне имели своей целью поддержку малоимущих слоев. При посеве зерно из государственных фондов предоставлялось лишь тем, кто не имел никаких запасов (11). Им же предоставлялись ссуды и помощь армейских подразделений.

Таким образом, оценивая налоговую политику ДВР в описываемый период, следует признать, что в целом она следовала в фарватере аналогичной политики РСФСР. В то же время для нее характерны особенности, вызванные местной спецификой. Отсутствие помещичьих земель (а значит, и возможностей их раздела), преобладание товарных хозяйств и развитие сельского хозяйства по фермерскому, "американскому", пути осложняли положение народной (т.е. советской) власти и приводили к необходимости более гибкого маневрирования, чем это было на территории собственно

России. Но несмотря на все принятые меры, включая неэкономические, дальневосточная деревня продолжала переживать кризис. Устойчивая тенденция к подъему обозначилась лишь в 1923 г., т.е. после ликвидации ДВР.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. За власть Советов. Чита, 1957. С. 366.
2. Российский центр хранения и изучения документации новейшей истории (Далее - РЦХИДНИ). Ф. 372. Оп.1. Д.12. Л.180.
3. Целищев М.Н. Экономические очерки Дальнего Востока. Владивосток, 1925. С.22.
4. Брянский А.М. Сельское хозяйство Дальневосточной области в годы революции 1917-1923. Хабаровск, 1925. С.18.
5. РЦХИДНИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 472. Л. 3.
6. РЦХИДНИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 375. Л. 11.
7. РЦХИДНИ. Ф. 372. Оп. 1. Д.472. Л. 12.
8. РЦХИДНИ. Ф. 372. Оп. 1. Д.574. Л. 14.
9. РЦХИДНИ. Ф. 372. Оп. 1. Д.592. Л. 54.
10. РЦХИДНИ. Ф. 372. Оп. 1. Д.473. Л. 25.
11. РЦХИДНИ. Ф. 372. Оп. 1. Д.459. Л. 66.

**Г. В. Боровской,
А. Т. Коньков, И. Ф. Подлубная**

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ИТОГАМ ВЫБОРОВ 1990-1994 ГОДОВ*

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ,
ПАРТИИ, ДВИЖЕНИЯ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ
В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ 1993-1994 ГОДОВ

1. ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ

Всего в области насчитывается около 100 различных общественно-политических организаций, движений, партий и блоков. В целом серьезной политической силы они не представляют. Но идет довольно быстрый процесс консолидации сил по политическим интересам, хотя еще очень много противоречий в программных установках и задачах.

Наиболее серьезными партиями и движениями в области являются:

1. Аграрный союз Сахалинской области. Пр. Мира, 117. Бабичев Владимир Васильевич, т. 2-33-37.
2. Ассоциация развития Сахалина. Пр. Мира, 113. Марченко Анатолий Фомич.
3. Сахалинский казачий округ. Ул. Горького, 25. Федун В., т. 5-03-04.
4. Сахалинское областное отделение движения «Демократическая Россия». Коммунистический пр., 28. Кравцов Владимир Сергеевич, т. 3-99-50.
5. Сахалинское патриотическое общество «Русский остров». Феоктистов Александр Владимирович, т. 2-24-55.

* Окончание. Начало в № 3 за 1996 г.

6. Сахалинское областное отделение Палаты российского предпринимательства. Пр. Мира, 113-38.

Крупский Юрий Ефремович, т. 3-01-37.

7. Сахалинская областная организация Партии российского единства и согласия. Ул. Чехова, 60.

Кондратенко Валерий Васильевич, т. 3-29-56, 2-32-63.

8. Сахалинское отделение ЛДПР.

Ларионов В. (резидент Москвы Татарников Владимир Сергеевич. Пр. Мира, 188-42, т. 3-97-84).

9. Союз предпринимателей Сахалинской области. Коммунистический пр., 32, офис 506.

Ломакин Юрий Ильич, т. 3-04-24.

10. Союз сахалинских промышленников.

Скрикуляк Людмила Васильевна. Председатель - Лацина Василий Ильич, директор мясокомбината. Холмское шоссе, 2, т. 2-32-44.

11. Коммунистическая партия.

12. Партия экономического развития и социального партнерства. Ул. Тихоокеанская, 26-72.

Лобенко Виктор Григорьевич, т. 3-31-78.

13. Южно-Сахалинское отделение Российского Национального Собора. Дмитрий Семенов.

В связи с предстоящими в марте 1994 года выборами в местные органы власти делается попытка создать политические блоки. Наиболее крупными являются:

- Сахалинская организация коммунистов - наиболее многочисленная, сплоченная и активная политическая партия. Насчитывает около 1000 человек. В основном состоит из пенсионеров и пожилых людей. Крупные партийные организации: опытный ремонтно-механический завод и пединститут.

- Движение «Демократическая Россия» включает в себя несколько малочисленных политических групп и общественных объединений: «Демократический союз», «Народно-трудовой союз», «Общественный комитет российских реформ», Совет офицеров запаса, Совет ветеранов Афганистана. Поддерживают это движение молодежь и творческая интеллигенция. Блок только складывается. Нет четкой организационной структуры. Возможны большие подвижки.

- Движение «Российский Национальный Собор» объединяет патриотическую партию «Русский остров» (Феоктистов А.), Партию «зеленых» (Габков В.), общество друзей журнала «Наш современник». Движение поддерживают средние слои

населения, интеллигенция. Крупная организация имеется в тресте «Союзморгео».

- Партия экономического развития и социального партнерства опирается на сахалинских промышленников и фермеров. Малочисленна.

- Недавно создано отделение партии «Выбор России» небольшой частью творческой интеллигенции.

- Сахалинское отделение ЛДПР первоначально насчитывало около 24 человек, однако на момент учредительной конференции численность организации превышала 40 человек. Процесс роста идет довольно быстро. Имеет значительное число сторонников, не входящих в партию. В основном поддерживают малоимущие, часть интеллигенции, пенсионеры. Лидер - Ларионов В. - длительное время нигде не работал, собрал вокруг себя себе подобных и социально ущемленных.

II. НЕКОТОРЫЕ ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ ФАРХУТДИНОВА И. П. НА ВЫБОРАХ В ДЕКАБРЕ 1993 ГОДА

- Перед выборами отключали свет и тепло без пояснений причин. Это создавало негативное отношение к мэру, раздражало людей. О положительной деятельности мэрии информации практически не было.

- В печати не было и нет информации о серьезных, значимых для города вопросах, рассматриваемых в мэрии, это создает иллюзию, что мэрия совершенно не работает.

- Народ устал от общих трудностей в государстве, области, городе. Кредит доверия фактически исчерпан. Трудности порождают озлобленность населения, а это, в свою очередь, может привести к тому, что к власти придут Жириновские.

Необходимо:

- регулярно в печати давать информацию об ожидаемых трудностях, их причинах, что делается, чтобы их избежать;

- целесообразно раз в неделю, а не перед выборами проводить встречи с журналистами;

- заслушать и принять серьезные решения по отделам и сообщить в печати;

- изменить систему информации. На сегодняшний день вся информация не у мэра, а у управляющего делами. Информация - это власть реальная;

- мэр не имеет возможности прямо обращаться к избирате-

лям, так как в настоящее время его контакты с общественными объединениями и трудовыми коллективами осуществляются через управление делами городской администрации.

III. ИТОГИ ВЫБОРОВ В ОБЛАСТНУЮ ДУМУ В МАРТЕ 1994 ГОДА

I. Общая характеристика выборной кампании

Выборы новой представительной власти Сахалина и Курил проводились 27 марта 1994 г. В этот период происходят дальнейший спад производства, снижение жизненного уровня населения области.

В состав областной Думы должны были быть избраны 16 депутатов от 4 избирательных округов.

Для участия в голосовании в списки избирателей были занесены 461716 человек. В том числе по избирательным округам:

- № 1 (Южно-Сахалинск) - 115120 чел.,
- № 2 (Тымовское) - 123015 чел.,
- № 3 (Корсаков) - 108824 чел.,
- № 4 (Холмск) - 114757 чел.

Кандидатами в депутаты областной Думы был зарегистрирован 51 человек. В том числе по избирательным округам:

- № 1 - 16 чел.,
- № 2 - 17 чел.,
- № 3 - 6 чел.,
- № 4 - 12 чел.

По качественному составу кандидаты в депутаты распределились следующим образом:

Количество кандидатов	Южно-Сахалинск	Тымовское	Корсаков	Холмск
ВСЕГО	16	17	16	12
В том числе:				
- женщины	2	3		1
- мужчины	14	14	6	11
Членов партий или политических движений	4	5	8	4
Беспартийных	12	12	8	8
По специальностям:				
- экономист	-	-	1	3
- юрист	2	1		3

Количество кандидатов	Южно-Сахалинск	Тымовское	Корсаков	Холмск
- врач	-	1	-	1
- учитель	3	3	-	3
- ИТР	8	9	3	1
- рабочий	-	2	-	-
- колхозник	1	1	-	
- служащий	-	-	1	1
- др. специальности		-	1	-
Из них:				
- работающих в администрациях	2	3	1	2
В том числе:				
- главами администраций	-	2	1	1
- предприниматели	3	2	2	2
- госслужащие	8	14	4	15
- временно не работают (пенсионеры)	2/1	1	-	2
Являлись депутатами бывшего облсовета	1	1	1	3
Возраст:				
- 30 - 40 лет	1	3	2	2
- 41 - 50 лет	8	10	3	7
- 51 - 60 лет	6	4	-	2
- Свыше 60 лет	1	-	1	1

По членству в политических партиях:

1. Компартия России - 14 чел.
2. Российский Национальный Собор - 1 чел.
3. Партия экономического развития и социального партнерства - 1 чел.

Всего зарегистрировано кандидатов - 51. Из них работающих в администрациях - 8, в том числе главами администраций - 4. Всего экономистов - 4, юристов - 6. Крайне слабая прослойка профессиональных управленцев и специалистов в области экономики и права.

Анализ качественного состава кандидатов показывает, что только 15,6% имели опыт административной работы, 7,8% имели экономическое образование, 11,7%) - юридическую подготовку.

Характерно, что, несмотря на значительное количество кандидатов в депутаты (51 чел.), их социальная принадлежность в основном однородна. Это представители так называемого «среднего слоя». Наибольшее количество кандидатов в депутаты областной Думы имели специальности инженерно-технические (21 чел.) и учительские (9 чел.). В качестве претендентов на депутатские места были зарегистрированы 2 рабочих и 2 колхозника.

II. Состав кандидатов в депутаты областной Думы

Ф. И. О., год рождения, национальность	Образование, специальность	Должность, место работы
1	2	
По избирательному округу №1 (центр - Южно-Сахалинск)		
1. Берснев Владимир Петрович, 1939 г. р. Русский	Инженер-геолог, Томский ун-т	Директор отдела по разработке месторождений акционерной нефтяной компании «Шельф»
2. Вялых Василий Федотович, 1948 г. р. Русский	Физик, Ленинградский ун-т	Начальник отдела нормотворчества департамента по вопросам переходного периода администрации Сахалинской области
3. Дзяпи Борис Никифорович, 1942 г. р. Нанаец	Учитель, ЮСГПИ	Пенсионер
4. Квак Александр Сенгымович, 1955 г. р. Кореец	Инженер-строитель, Хабаровский политехнич. ин-т	Президент промышленно-коммерческой фирмы «Квак и К»
5. Ким Хон Ди, 1948 г. р. Кореец	Инженер теплоэнергетики, Московский энергетич. ин-т	Президент областной промышленной Ассоциации сахалипских корейцев
6. Марченко Анатолий Фомич, 1941 г. р. Русский	Бухгалтер, ДфМИНХ	Главный бухгалтер АО «Сахалинпромстройпроект»

1	2	3
7. Мисюркеев Владимир Михайлович, 1934 г. р. Русский	Юрист, Всесоюзный юридический заочный институт	Заведующий юридической консультацией облсовпрофа
8. Павленко Валерий Владимирович, 1950 г. р. Русский	Техник. Среднее специальное	Техник в/ч
9. Пальгова Татьяна Васильевна, 1945 г. р. Украинка	Учитель, Ташкентский ин-т ин. языков,	Временно не работает
10. Пономарев Сергей Алексеевич, 1950 г. р. Русский	Юрист-правовед, Пермский ун-т	Начальник юридической группы областного управления налоговой полиции
11. Пяткин Михаил Аркадьевич, 1950 г. р. Русский	Техник-механик, Ю.-Сахалинский лесотехникум	Временно не работает
12. Парамошкин Владимир Васильевич, 1945 г. р. Русский	Инженер-геолог, ДВ политехнич. ин-т	Ведущий инженер РП «Востокгеология»
13. Ревнивых Георгий Антонович, 1930 г. р. Русский	Горный инженер, Московский геологический ин-т	Генеральный директор АОЗТ концерн «Сахалин-углерез»
14. Салтук Николай Петрович, 1934 г. р. Русский	Агроном, Омский с/х. ин-т	Директор совхоза «Тепличный»
15. Сокольников Валери? Михайлович, 1941 г. р. Русский	Инженер-электрик, ЛЭТИ, ДВ политехи, ин-т	Директор института «Сахалипгипрорыбпром»
16. Третьякова Маргарита Владимировна, 1950 г. р. Русская	Учитель истории, ЮСГПИ	Начальник отдела образования администрации г. Южно-Сахалинска
2. По избирательному округу № 2 (центр - Тымовское)		
1. Варламова Серафима Ивановна, 1946 г. р. Русская	Инженер бурения нефтяных и газовых скважин, МНИ	Начальник морского участка специализированной морской инспекции по охране окружающей среды
2. Ераксин Юрий Петрович, 1919 г. р. Русский	Инженер-электрик Новосибирский ЭТИ	Временно не работает
3. Ершов Александр Васильевич, 1949 г. р. Русский	Организатор производства. Ленинградская Акад. гражд. авиации	Представитель авиакомпании «Сахалинские авиатрассы»

1	2	3
4. Жадаев Иван Андреевич, 1957 г. р. Мордвин	Бульдозерист. Среднее	Заместитель генерального директора инновационного фонда «Сахалин»
5. Завьялов Иван Терентьевич, 1937 г. р. Русский	Горный инженер, МИНиГП	Ведущий геолог треста «Сахалингеофизразведка»
6. Зарицкий Сергей Анатольевич, 1952 г. р. Русский	Инженер-механик, ДИРПиХ	Председатель правления рыболовецкого колхоза «Дружба»
7. Куц Юрий Михайлович, 1944 г. р. Русский	Техник-строитель, СНТ, ХВПШ	Заместитель управляющего трестом «Сахалиннефтестрой»
8. МаксUTOB Валиулла Сафиулолович, 1954 г. р. Татарин	Горный инженер-экономист. Куйбышевский политехнич. ин-т нар. хозяйства	Начальник управления разведочного бурения
9. Мартыненко Яков Николаевич, 1942 г. р. Украинец	Техник-строитель, Донецкий техникум, Хабаровская ВПШ	Заместитель директора по административно-хозяйств. части воспитательной школы-интерната п. Смирных
10. Начеткина Антонина ЯковлеЕна, 1948 г. р. Нивха	Воспитатель детского сада, Ал.-Сахалинское педучилище	Начальник отдела по народностям Севера администрации г. Охи
11. Никитин Владимир Федорович, 1949 г. р. Русский	Учитель истории, ЮСГПИ	Глава администрации г. Александровск-Сахалинского
12. Решеткин Карен Анатольевич, 1949 г. р. Русский	Врач-анестезиолог, Азербайджанский гос. мединститут	Главный врач клинического лечебного профилактического объединения
13. Сботова Зинаида Ивановна, 1945 г. р. Русская	Правоведение, юрист, МВЮИ	Старший помощник городского прокурора г. Охи
14. Светкин Николай Прокофьевич, 1940 г. р. Мордвин	Учитель истории, ЮСГПИ	Директор педагогического училища г. Александровск-Сахалинского
15. Ситников Константин Константинович, 1941 г. р. Русский	Инженер путей сообщения, СибАДИ	Мэр Ногликского района
16. Скоробогатов Валерий Петрович, 1947 г. р. Русский	Агроном, ПСХИ	Директор коллективного сельскохозяйственного предприятия

1	2	3
17. Цой Ым Са, 1954 г. р. Кореец	Техник-механик, хмт	Водитель
3. По избирательному округу № 3 (центр - Корсаков)		
1. Федоров В. П., 1959 г. р. Русский	Нет данных	Начальник комбината коммунальных предприятий п. Быков
2. Белоусов В. С, 1926 г. р. Русский	- "	Ответственный секретарь газеты «Родная земля» Макаровского района
3. Акимов С. В., 1950 г. р. Русский	- "	Директор по управлению безопасности мореплавания АОО «КБОР»
4. Ким Пок Токи, 1949 г. р. Кореец	- "	Президент АО «Ленбок ЛТД»
5. Кудрявцев В. Ф., 1957 г. р. Русский	- " -	Корсаковский консервный завод
6. Сидоренко Ф. И., 1950 г. р. Русский	- "	Глава администрации г. Долинска
4. По избирательному округу № 4 (центр - Холмск)		
1. Бычков Герман Григорьевич, 1947 г. р. Русский	Журналист, ДВ ун-т	Заместитель редактора газеты «Губернские ведомости»
2. Дачилов Николай Николаевич, 1946 г. р. Русский	Врач, Омский мединститут	Врач-психотерапевт Углегорской ЦРБ
3. Курицын Николай Николаевич, 1928 г. р. Русский	Юрист-правовед, Академия КГБ СССР	Директор СП «Сахалин Тайрику»
4. Осипов Леонид Михайлович, 1948 г. р. Русский	Экономист по труду, ВШПрД	Мэр г. Шахтерска
5. Пашенцев Юрий Николаевич, 1948 г. р. Русский	Учитель, ХВПШ	Сопровождающий почты Углегорского районного узла Федеральной почтовой связи
6. Песочкий Сергей Николаевич, 1957 г. р. Русский	Юрист-правовед, ДВГУ	Заведующий юридической консультацией
7. Плетенский Анатолий Петрович, 1937 г. р. Русский	Инженер-механик, ХИИЖТ	Председатель профсоюзного комитета Холмского морского рыбного порта

1	2	3
8. Плохое Юрий Николаевич, 1950 г. р. Русский	Экономист-организатор, ПСХИ	Временно не работает
9. Ревин Игорь Алексеевич, 1959 г. р. Русский	Экономист, МГИМО	Экономист коммерческого банка «Холмск»
10. Сахаровский Павел Иннокентьевич, 1949 г. р. Русский	Учитель, ВПИ	Директор средней школы г. Углегорска
11. Фабричных Виктор Андреевич, 1942 г. р. Русский	Юрист-правовед, ВЮЗИ	Заместитель мэра г. Невельска, начальник управления защиты граждан
12. Шубина Любовь Федоровна, 1952 г. р. Русская	Учитель, Арзамасский ГПИ	Временно не работает

Подобная активность представителей «среднего слоя» на фоне относительной инертности других групп населения объясняется рядом факторов. Во-первых, более высоким уровнем образования, что позволяет этим кандидатам в большей степени отвечать требованиям, предъявляемым избирателями.

Во-вторых, неопределенностью и неустойчивостью положения самого «среднего слоя», постоянной угрозой ухудшения материального положения и возможной потерей своего социального статуса.

Разумеется, имеются и другие побудительные причины (патриотизм, альтруистические соображения, желание сделать политическую карьеру и т. д.), но именно эти обстоятельства являются главным движущим мотивом действий многих кандидатов - выходцев из «среднего слоя».

Результаты голосования 27.03.94 свидетельствуют о том, что в выборах в Сахалинскую областную Думу приняли участие 114138 человек, или 24,72% от общего количества избирателей.

В том числе:

- по избирательному округу № 1 (Южно-Сахалинск) - 19853 избирателя, или 17,24% от количества зарегистрированных по округу избирателей;

- по избирательному округу № 2 (Тымовское) - 38847 избирателей, или 31,58% от количества зарегистрированных по округу избирателей;

- по избирательному округу № 3 (Корсаков) - 25703 избира-

теля, или 23,62% от количества зарегистрированных по округу избирателей;

- по избирательному округу № 4 (Холмск) - 29735 избирателей, или 25,91% от количества зарегистрированных по округу избирателей.

В обобщенном виде результаты голосования представлены в таблице. Депутатами Сахалинской областной Думы избраны следующие лица:

Ф. И. О. депутата	Количество голосов, поданных за кандидата		
	абсол. данные	% избирателей округа	% от участвов. в голосовании
1. Акимов Сергей Владимирович (округ № 3)	10009	9,27	25,76
2. Дачилов Николай Николаевич (округ № 4)	7523	6,56	25,30
3. Жадакаев Иван Андреевич (округ № 2)	12223	9,94	31,46
4. Ким Пок Токи (округ № 3)	7441	6,84	28,94
5. Кудрявцев Виктор Федорович (округ № 3)	9460	8,71	36,80
6. Куц Юрий Михайлович (округ № 2)	10783	8,77	27,76
7. Максutow Валиулла Сафиуллинович (округ № 2)	7920	6,44	20,39
8. Осипов Леонид Михайлович (округ № 4)	10801	9,41	36,32
9. Ревин Игорь Алексеевич (округ № 4)	7769	6,77	26,13
10. Светкин Николай Прокофьевич (округ № 2)	8917	7,25	22,95
11. Сидоренко Федор Ильич (округ № 3)	7550	6,94	29,37
12. Шубина Любовь Федоровна (округ № 4)	8207	7,15	27,60

Число избирателей, проголосовавших «против всех кандидатов», составило 4537 человек, или 3,97% от числа принявших участие в выборах.

Выборы по избирательному округу № 1 были признаны несостоявшимися, так как количество избирателей, принявших участие в голосовании, составило 17,24%.

Сравнительный анализ результатов голосования обнаруживает кризисные явления в самом институте народного представительства. Так, например, реальная «цена» депутатского мандата определяется ничтожно малым количеством голосов избирателей. Как и предполагалось, продолжает сохраняться тенденция к абсентизму. Об этом наглядно свидетельствуют данные таблицы, обобщающей результаты избирательных кампаний 1990, 1993, 1994 годов.

Сравнительная таблица выборов 1990—1994 гг.

Год выборов	Внесено в списки избирателей	Приняло участие в выборах	Процентное отношение (%)
1990 г.:			
1-й этап.	474745	354447	74,66
2-й этап.	478557	317446	66,33
1993 г.	473471	237866	50,23
1994 г.	461716	114716	24,72

Таким образом, общая тенденция, состоящая в снижении удельного веса принявших участие в выборах, позволила нам спрогнозировать, что активность избирателей на повторных выборах по избирательному округу № 1 (центр - г. Южно-Сахалинск), которые проходили в июле 1994 года, не превысит уровня кампании марта 1994 г.

Выводы:

1. Представляется, что деятельность областной Думы не может быть вполне эффективной по крайней мере по двум причинам:

- качественный состав ее представителей не отвечает требованиям, предъявляемым к законотворческому и распорядительному органу.

Из 12 выбранных депутатов областной Думы только 3 имеют экономическое образование, 2 являются главами администраций городов, нет ни одного юриста и крайне незначительна прослойка опытных управленцев.

- Дума не может считаться вполне легитимным органом, так как она избрана меньшинством населения, при этом различные

социально-демографические группы в неравной степени были активны на выборах.

Накануне выборов социологическая лаборатория провела выборочный опрос избирателей, который показал, что вероятность прихода на избирательные пункты представителей разных слоев населения неодинакова. Из числа опрошенных равных групп населения, представлявших различные социальные слои, активность избирателей на выборах была представлена следующим образом:

служащие госучреждений - 38% ,
интеллигенция в целом - 27% ,
рабочие - 35% ,
рабочие совхозов - 12% ,
бизнесмены - 56% ,
кооператоры - 48% .

2. Фактически это означает, что законодатели представляют интересы лишь определенной части избирателей, в которой разные социальные группы представлены непропорционально их реальному удельному весу в населении области. В деятельности Думы это обстоятельство, вероятнее всего, найдет отражение в характере принимаемых документов и управленческих решений.

3. В целом следует отметить, что основную часть электората на этих выборах составили рабочие и служащие государственного сектора экономики и представители новых коммерческих структур. Наименее активной частью избирателей являются жители села. По возрасту к числу наименее активных избирателей следует отнести молодежь до 30 лет.

4. В условиях роста абсентизма и кризиса доверия к местным органам власти вполне вероятно, что социальные связи депутатов с большинством населения области подвергнутся дальнейшему ослаблению, что приведет к самоизоляции представительной власти.

5. С целью повышения авторитета представительной власти и упрочения депутатов представляется необходимым:

- расширить социальные связи депутатского корпуса с населением посредством привлечения избирателей к участию в осуществлении функций областной Думы;
- регулярно проводить мониторинг общественного мнения с целью прогноза социальных последствий принимаемых решений и формирования общественных настроений;

- создать совет экспертов при областной Думе, включив в него социологов, экономистов, психолога;

- осуществлять избирательный подход при осуществлении социальной политики с учетом интересов разных групп населения Сахалинской области.

6. Для кандидатов в депутаты представляется необходимым изменить стратегию поведения на выборах с целью обеспечения поддержки со стороны избирателей:

- кандидатам в депутаты рекомендуется проводить работу по выявлению своего электората и работать с ним, не пытаясь «понравиться всем», поскольку, как показывают исследования, такие попытки не дают желаемых результатов;

- кандидатам не рекомендуется афишировать свою партийную принадлежность, поскольку при значительном разнообразии политических сил в области (около 100 партий, движений и организаций) этот фактор не является определяющим при голосовании, но потенциально способен отпугнуть определенную часть избирателей.

7. Более детальное определение рекомендаций, необходимых для повышения уровня доверия населения к Думе, может быть получено после проведения соответствующих социологических исследований.

Итоги повторных выборов в Сахалинскую областную Думу по Южно-Сахалинску в июле 1994 года

В связи с тем что в марте 1994 года выборы в Сахалинскую областную Думу по городу Южно-Сахалинску не состоялись, 24-25 июля проходили повторные выборы. На 4 места в Думу от Южно-Сахалинска претендовали 14 кандидатов. Это:

- Берсенов В. П. - директор нефтяной компании «Шельф».
- Глазов М. М. - помощник депутата Государственной Думы, член ЛДПР.
- Казаков В. Ф. - временно не работающий.
- Михайлов С. А. - инженер-электрик ИЧП «Ткач».
- Можарина Н. В. - директор ИЧП «Елена», член ЛДПР.

- Парамошкин В. В. инженер госпредприятия «Востокгеология», коммунист.
- Ревнивых Г. А. генеральный директор АОЗТ «Сахалинуглеразрез», коммунист.
- Вашкевич В. В. заместитель генерального директора АО «Развитие-2», член ЛДПР.
- Гусев В. И. генеральный директор АООТ «Молочный комбинат», представитель Аграрного союза области. Снял свою кандидатуру.
- Манаков В. В. председатель кооператива «Паллада», член ЛДПР.
- Мисюркеев В. М. заведующий юридической консультацией облсовпрофа. Баллотировался от профсоюзов.
- Пальгова Т. В. временно не работающая.
- Пономарев С. А. начальник юридической группы областного управления налоговой полиции. Баллотировался от профсоюзов.
- Третьякова В. В. заведующая городским отделом народного образования города Южно-Сахалинска.

Выборы не состоялись и в этот раз, так как из 113668 избирателей в них приняли участие только 22228 человек, или 19,5%.

Голоса избирателей распределились следующим образом:

	За	% от всех избирателей	% от принявших участие в голосовании	Против
Берсенов В. П.	15132	13,31	68,07	7096
Вашкевич В. В.	2159	1,89	9,71	20069
Глазов М. М.	3574	3,14	16,07	18654
Казаков В. Ф.	2522	2,21	11,34	19706
Манаков В. В.	2292	2,01	10,31	19936

Мисюркеев В. М.	7918	6,96	35,62	14310
Михайлов С. А.	6508	5,72	29,27	15720
Можарина Н. В.	2566	2,25	11,54	19662
Пальгова Т. В.	2642	2,32	11,88	19586
Парамошкин В. В.	7587	6,67	34,13	14641
Пономарев С. А.	8889	7,82	39,99	13339
Ревнивых Г. А.	4058	3,57	18,25	18170
Третьякова В. В.	5232	4,60	23,53	16996

В начале июля, за три недели до выборов, социологическая лаборатория ЮСГПИ провела исследование с целью изучения предвыборной ситуации в городе Южно-Сахалинске, направленное на выявление мотивов участия в выборах, определение политического имиджа кандидатов, определение социально-демографической характеристики избирателя.

В ходе исследования было опрошено 500 человек. По социальному положению респонденты распределились следующим образом:

- рабочие - 38%,
- служащие - 46%,
- руководители предприятий - 4%,
- временно не работающие - 2%,
- студенческая молодежь - 3%,
- военнослужащие и работники милиции - 1%,
- домохозяйки - 2%,
- пенсионеры - 4%.

Распределение опрошенных по полу: мужчины - 47%, женщины - 53%. С учетом половозрастных и социально-профессиональных пропорций населения Южно-Сахалинска выборка является репрезентативной для населения города.

Исследование подтвердило предыдущий прогноз о том, что выборы не состоятся ввиду роста политической пассивности и разочарования избирателей деятельностью местных и федеральных властей.

Анализ предвыборной ситуации в июне 1994 года выявил следующее.

Только 24 % опрошенных подтвердили готовность принять участие в выборах. Из них 53 % составляли женщины и 47 % - мужчины. Наиболее активными в принятии решения участвовать в выборах были люди 50 лет и старше. На вопрос: «Планируете ли вы принять участие в выборах?», ответы

респондентов, представляющих разные возрастные группы, распределились следующим образом:

Возраст	Да	Нет	Не определился
18 - 29 лет	14	62	24
30 - 39 лет	21	56	23
40 - 49 лет	34	49	17
50 - 59 лет	52	36	12
60 и более лет	39	42	19

Наиболее пассивной частью избирателей является молодежь. Тяжелое положение в экономике, спад производства, нерешенность социальных проблем, сокращение рабочих мест и увольнение в первую очередь молодежи выступают для многих молодых респондентов основными мотивами, приведшими к их неучастию в выборах.

Наиболее активной частью избирателей являются граждане 50-59 лет. Преимущественно это женщины пенсионного возраста. Достаточно высокий уровень активности характерен для группы населения в возрасте 60 и более лет. Среди тех респондентов, которые высказали намерение принять участие в выборах, в этой группе более двух третей также составляют женщины. Сравнительно высокий удельный вес тех, кто намеревался принять участие в выборах, представлен возрастной группой 40-49 лет. Соотношение мужчин и женщин в этой группе примерно одинаковое. Эта часть избирателей представлена преимущественно служащими и рабочими, занятыми в акционерных и государственных предприятиях.

На принятие решения по участию в выборах существенное влияние оказывает образовательный уровень. На вопрос: «Планируете ли вы принять участие в выборах?», ответы респондентов распределились следующим образом:

Возраст	Да	Нет	Затрудняюсь
Неполное среднее	26	54	20
Среднее общее	17	61	22
Среднее специальное	19	66	15
Высшее, неп. высшее	24	59	17

Как видим, наиболее низкий процент отказа от участия в выборах составил у избирателей с неполным средним образованием. Как правило, эта категория избирателей составляет старшую возрастную группу. Выше среднего удельный вес, планирующих принять участие в выборах, и среди респондентов с высшим и неполным высшим образованием, представленных в основном служащими-специалистами и руководителями предприятий различных форм собственности.

Среди рабочих и служащих количество респондентов, высказавшихся как «за», так и «против» участия в выборах, составило приблизительно одинаковое соотношение. В то же время среди домохозяек и пенсионеров более выражено решение принять участие в выборах. Отказ от участия в выборах становится специфической формой протеста против властей для той части населения, которая наиболее активно вовлечена в трудовые отношения и социальную деятельность, - рабочих, служащих, коммерсантов. Распределение ответов на вопрос «Планируете ли вы принять участие в выборах в областную Думу?» среди респондентов, представляющих разные социальные группы, показано в таблице:

Социальная группа	Да	Нет	Затрудняюсь
1	2	3	4
Рабочие	19	62	19
Служащие	25	61	14
Руководители предприятий	23	60	17
Временно не работающие	15	69	16
Студенты	16	49	35
Домохозяйки	27	33	40
Пенсионеры	49	30	21
Военнослужащие, работники милиции	35	56	9

Представляет определенный интерес распределение голосов по социальному статусу респондентов. Так, наибольшую активность в выборах проявляют наряду с пенсионерами респонденты, служащие в армии и работающие в милиции. Это положение можно интерпретировать, с одной стороны, как надежду на то, что власть поможет решить наиболее болезненные проблемы военнослужащих и работников милиции, а с другой - как

проявление все еще сохранившихся дисциплины и ответственности.

Распределение ответов на вопрос об участии в выборах в зависимости от формы собственности предприятия, где работает респондент, выглядит следующим образом:

Тип предприятия	Да	Нет	Затрудняюсь
Государственное	24	61	15
Частное, малое	19	59	22
Акционерное	22	54	24
Совместное	21	61	18

Настораживает тот факт, что довольно пассивно к участию в выборах относятся работающие в совместных, акционерных и частных предприятиях. Если на выборах 1993 года работающие в частных, совместных и акционерных предприятиях принимали довольно активное участие, то теперь эта часть весьма пассивна. Кроме того, при ответах на открытые вопросы большинство предпринимателей высказали недовольство налоговой политикой правительства и отсутствием четкого правового регулирования предпринимательской деятельностью. Следующая таблица иллюстрирует ответы респондентов о намерениях относительно участия в выборах в зависимости от ежемесячного дохода на человека в семье:

	Да	Нет	Затрудняюсь
Менее 100000 руб.	19	70	11
От 100000 - 200000 руб.	21	61	18
От 200000 - 300000 руб.	22	48	20
От 300000 - 400000 руб.	26	59	15
От 400000 - 500000 руб.	24	70	6
От 500000 - 600000 руб.	27	62	11
600000 и более	21	79	0

Таким образом, можно создать обобщенный портрет пассивного и активного избирателя. Как правило, пассивным избирателем является молодежь в возрасте от 18 до 29 лет, в основном имеющая среднее общее или среднее специальное образование, работающая на частном или совместном предприятии, а также

безработная и студенческая молодежь соответственно с доходами от 600000 рублей и выше или менее 100000 рублей. Как правило, активным избирателем является пожилой человек от 50 лет и старше, в основном с неполным средним образованием, как правило, пенсионер или домохозяйка, служащий в армии или работающий на государственном предприятии с доходом от 400000 до 500000 рублей.

Одним из основных вопросов анкеты был вопрос о популярности кандидатов в депутаты областной Думы от Южно-Сахалинска.

Ниже приводятся данные о популярности кандидатов в депутаты областной Думы среди тех респондентов, которые выразили желание принять участие в выборах. Приведены ответы на вопрос «Кому, на ваш взгляд, можно было бы доверить представлять южносахалинцев в областной Думе?»:

1. Берсенева В. П. - 57% респондентов высказались «за».
2. Мисюркеев В. М. - 29% респондентов высказались «за».
3. Пономарев С. А. - 37% респондентов высказались «за».
4. Парамошкин В. В. - 30% респондентов высказались «за».

Самыми непопулярными в глазах респондентов явились:

1. Манаков В. В. - 1% респондентов высказался «за».
2. Вашкевич В. В. - 2% респондентов высказались «за».
3. Можарина Н. В. - 5% респондентов высказались «за».
4. Казаков В. Ф. - 5% респондентов высказались «за».

Среди опрошенных респондентов симпатии в пользу Берсенева В. П. распределились следующим образом: 45,1% - мужчины и 54,9% - женщины. Из них 36,3% - люди в возрасте 30-39 лет. Средний избиратель Берсенева В. П. имеет неполное среднее образование - 36,0%, 57,0% - служащие, 57,3% - работающие на государственных предприятиях или в учреждениях. Среднедушевой доход на члена семьи респондентов, отдавших предпочтение Берсенева В. П., составляет от 100000 до 200000 рублей - 33,3%.

Сторонники Мисюркеева В. М. - это 53,7% мужчины и 46,3% женщины. Из них 43,9% - люди в возрасте 30-39 лет. Средний избиратель Мисюркеева В. М. имеет высшее образование - 16,2%, 51,2% - служащие, 65,8% - работающие или работавшие на государственных предприятиях и в учреждениях. Среднедушевой доход на члена семьи респондентов, отдавших предпочтение Мисюркееву В. М., составляет от 200000 до 300000 рублей - 31,0%.

Сторонники Пономарева С. А. - это 55,6% мужчины и 44,4% женщины. Из них 29,6% - люди в возрасте 30-49 лет. Средний избиратель Пономарева С. А. имеет среднее специальное образование - 26,4%, 55,6% - служащие, 69,2% - работающие на государственных предприятиях или в учреждениях. Среднедушевой доход на члена семьи респондентов, отдавших предпочтение Пономареву С. А., составляет от 100000 до 200000 рублей - 37,0%.

Сторонники Парамошкина В. В. - это 58,8% мужчины и 41,2% женщины, 32,4% - люди в возрасте 50 и более лет. Средний избиратель Парамошкина В. В. имеет среднее специальное образование - 14,3%, 47,1% - рабочие, 81,3% - работающие на государственных предприятиях. Среднедушевой доход на члена семьи респондентов, отдавших предпочтение Парамошкину В. В., составляет от 100000 до 200000 рублей - 44,1%.

Те респонденты, которые отдают предпочтение Берсенева В. П., в основном не политизированные, 41,9% считают, что никакие партии не должны быть представлены в областной Думе. 36,6% абсолютно безразличны к вопросу о представительстве партий в Думе. 21,5% считают, что различные партии должны быть представлены в областной Думе. Из тех респондентов, которые считают необходимым присутствие в областной Думе партий, 51% отдает предпочтение Демократической партии.

Сторонники Мисюркеева В. М. разделяют в основном точку зрения «берсеневцев» по этому вопросу. 42,9% считают, что никакие партии не должны быть представлены в Думе. 38,1% - безразлично. И только 19,0% считают необходимым присутствие партий в Думе, также отдавая предпочтение демократам, - 39%.

Сторонники Парамошкина В. В. наиболее политизированные. 38,2% считают, что партии должны быть представлены в Думе. Причем предпочтение отдают Коммунистической партии. 29,4% считают, что партии не должны быть представлены в областном парламенте. И 32,4% респондентов безразлично, будут ли представлены партии или нет.

Позиция сторонников Пономарева С. А. сходна с позицией сторонников Берсенева В. П. 44,4% из них безразлично наличие партий в Думе, 33,3% считают, что никаких партий не должно быть в Думе, и 22,2% считают наличие партий необходимым.

В целом, несмотря на рост симпатий жителей Сахалинской области к Жириновскому В. В., представители местной Либерально-демократической партии набрали меньше всех голосов. А из сторонников тех политических лидеров, которые вошли в четверку «сильнейших», за местную Либерально-демократическую партию не дали ни одного голоса. Наоборот, представители Коммунистической партии набрали довольно солидное количество голосов, что говорит о том, что роль местной организации Коммунистической партии растет.

По отношению к партиям ответы респондентов разложились следующим образом:

	Партии должны быть представлены в Думе	Никакие партии не должны быть представлены в Думе	Мне безразлично
ПОЛ:			
мужчины	20,9	42,4	36,7
женщины	13,2	30,2	56,6
ВОЗРАСТ:			
18 - 29	8,5	34,1	57,3
30 - 39	18,4	35,6	46,0
40 - 49	11,6	42,0	46,4
50 - 59	31,7	24,4	43,9
60 и старше	30,0	45,0	25,0
ОБРАЗОВАНИЕ:			
неп. среднее	0	64,0	36,0
среднее общ.	13,7	33,7	52,6
среднее спец.	14,3	34,3	51,4
высшее	29,7	31,1	39,9
ДОХОД:			
менее 100 тыс.	22,2	31,1	46,7
от 100 до 200 тыс.	12,2	35,7	52,2
от 200 до 300 тыс.	16,7	37,5	45,8
от 300 до 400 тыс.	23,1	43,6	33,3
от 400 до 500 тыс.	20,0	40,0	40,0
от 500 до 600 тыс.	0	33,3	66,7
600 тыс. и более	40,0	0	60,0

Таким образом, мы видим, что наиболее политизированными респондентами являются люди 60 лет и старше - 30%, имеющие высшее образование - 29,7% и с доходом 600000 рублей и более - 40%.

По ряду проблем установки сторонников всех 4 кандидатов почти полностью совпадают. Так, на вопрос: «Что сегодня больше всего беспокоит лично вас?», ответы распределились следующим образом:

	Сторонники Берсенева	Сторонники Парамошкина	Сторонники Мисюркеева	Сторонники Пономарева
Преступность	67,7	61,8	61,9	66,7
Низкий уровень доходов	22,6	29,4	23,8	25,9
Неуверенность в завтрашнем дне	36,6	35,3	28,6	55,6
Состояние здравоохранения	11,8	11,8	7,1	14,8
Состояние экологии	12,9	5,9	11,9	11,1
Проблемы образования	9,7	2,9	7,1	11,1

Таким образом, всех респондентов больше всего беспокоит: а) проблема преступности в городе. И соответственно на своих кандидатах респонденты возлагали большие надежды, что они решат или будут решать в случае избрания эту проблему;

б) второй по значимости является проблема неуверенности в завтрашнем дне, связанная с состоянием экономики в области, сокращением производства и падением жизненного уровня.

Вместе с тем в ходе предвыборной кампании не выяснилось существенных различий в ориентации избирателей, являющихся сторонниками различных кандидатов. Голосовавшие оказали доверие не тем политикам, лозунги которых отличались какой-либо новизной, а преимущественно людям, уже имевшим определенную известность и политический имидж. Этот факт следует учитывать в планировании и проведении избирательных кампаний в г. Южно-Сахалинске в будущем.

В сентябре 1994 года социологической лабораторией был проведен повторный опрос населения города Южно-Сахалинска по изучению рейтинга политических лидеров баллотировавшихся кандидатов на выборах в областную Думу в июле. К списку кандидатов был добавлен мэр города Южно-Сахалинска Фархутдинов И. П.

За прошедшие два месяца ситуация несколько изменилась. Авторитет власти снизился еще на несколько пунктов.

Так, из числа опрошенных на вопрос: «Считаете ли вы, что с экономическими трудностями может справиться: президент, правительство, Государственная Дума, областная администра-

ция, областная Дума?», ответы распределились следующим образом (%):

	Может справиться	Не справится	Затрудняюсь ответить
Президент	15	68	17
Правительство	32	41	37
Государственная Дума	35	47	18
Областная администрация	10	73	17
Областная Дума	8	82	10

Как видим, позиции Президента России заметно ухудшились. Не лучше обстоит дело и с местными органами власти.

С целью уточнения рейтинга политических лидеров респондентам был задан вопрос: «Кто, на ваш взгляд, может справиться с экономическими и социальными проблемами города?» Ответы распределились следующим образом (%):

	Может справиться	Не справится	Затрудняюсь ответить
Берсенев В. П.	59	21	20
Вашкевич В. В.	1	49	50
Глазов М. М.	12	44	44
Казаков В. Ф.	3	37	60
Манаков В. В.	0	24	76
Мисюркеев В. М.	28	38	34
Михайлов С. А.	5	64	31
Можарина К. В.	1	70	29
Пальгова Т. В.	0	100	0
Парамошкин В. В.	32	34	34
Пономарев С. А.	40	25	35
Ревнивых Г. А.	9	57	34
Третьякова В. В.	2	62	36
Фархутдинов И. П.	35	22	43

Настораживает то, что подавляющее число опрошенных респондентов затрудняется ответить на данный вопрос, тем самым проявляя апатию к политикам и их деятельности.

Среди тех, кто набрал наибольшее число положительных ответов, можно выделить следующих лиц:

Берсенев В. П. - 59% положительных ответов.

Пономарев С. А. - 40% положительных ответов.

Фархутдинов И. П. - 35% положительных ответов.

Парамошкин В. В. - 32% положительных ответов.

Представляют интерес не только положительные ответы, но и отрицательные. Те, кто считает, что «не справятся», дают минимальное отрицание только двум политическим деятелям.

Это:

Берсенев В. П. - 21% отрицательных ответов.

Фархутдинов И. П. - 22% отрицательных ответов.

Социально-демографический портрет сторонников Берсенев В. П. практически не изменился, это прежде всего 59% женщины, 41% мужчины. Из них 42% - респонденты в возрасте 30-39 лет, 47% - имеющие среднее специальное и высшее образование, 53% - служащие государственных учреждений и предприятий. Среднедушевой доход на члена семьи составляет от 200000 до 300000 рублей - 39%.

Социально-демографический портрет сторонников Пономарева С. А. представляет следующую картину: 52% женщины и 48% мужчины, 36% - люди в возрасте 30-49 лет. Имеющие высшее и среднее специальное образование составляют 29,7%, 60% - служащие государственных учреждений и предприятий. Среднедушевой доход на члена семьи составляет от 200000 до 300000 рублей - 45%.

Наиболее разбросанной является социально-демографическая характеристика сторонников Фархутдинова И. П. Прежде всего среди его сторонников преобладают мужчины - 65% и только 35% - женщины. Из них 53% - люди в возрасте 30-49 лет. 57% имеют высшее и среднее специальное образование. 37% работают в совместных предприятиях, 25% работают в частных предприятиях и оставшиеся 38% работают в акционерных и государственных предприятиях. Среднедушевой доход на члена семьи у сторонников Фархутдинова И. П. также разбросан от 400000 до 600000 рублей и выше и составляет 59%. Таким образом, в отличие от двух других лидеров, представляющих в основном мало- и среднеобеспеченные слои населения города, Фархутдинов И. П. пользуется в основном поддержкой зажиточной части города, хотя и представляющей небольшую прослойку городского населения.

Респонденты - сторонники Фархутдинова И. П. - не связывают напрямую его деятельность на посту мэра с работой мэрии в целом. Так, на предложение оценить работу мэрии и ее служб ответы респондентов распределились следующим образом:

Работа мэрии в целом	3 балла - 49% респондентов.
Работа службы бытового обслуживания	3 балла - 57% респондентов.
Работа транспортной службы города	2 балла - 74% респондентов.
Работа городской милиции	1 балл - 89% респондентов.
Работа службы по уборке города	- 2 балла - 76% респондентов.
Работа отдела социального обеспечения	3 балла - 62% респондентов.
Работа жилищно-коммунальной службы	1 балл - 65% респондентов.
Работа городской торговли	- 2 балла - 51% респондентов.

Мы видим, что, в целом признав возможности Фархутдинова И. П. в решении социально-экономических проблем города, респонденты оценили деятельность мэрии и ее служб не очень высоко, понимая, что все вопросы решить сам Фархутдинов не сможет. А отсюда возникает вопрос об эффективности работы отдельных руководителей городской администрации.

Представляет определенный интерес вопрос о доверии политическим партиям и организациям, зарегистрированным и действующим на территории города. Так, на вопрос: «Какой бы политической партии вы отдали бы предпочтение в решении социальных и экономических вопросов?», ответы распределились следующим образом (%):

	Может решать вопросы	Не может решать вопросы	Затрудняюсь ответить
Коммунистическая партия	47	38	15
Либерально-демократическая партия	2	84	14
Демократическая партия	49	37	14
Профсоюзы	54	46	0
Казачество	10	80	10
Другие	7	34	59

Таким образом, видим, что респонденты в основном предпочтение отдают: профсоюзам - 54%, Демократической партии - 49% и Коммунистической партии - 47%.

Сторонники профсоюзов - это служащие и рабочие государственного сектора - 48%. В основном женщины - 75%. Лица с высшим и средним специальным образованием - 52%. Рабочие и служащие акционерных предприятий - 29%. Пенсионеры и временно не работающие - 23%. Преобладают лица в возрасте 40-59 лет - 84%.

Сторонники Демократической партии - это служащие государственных, совместных и акционерных предприятий - 75%. Лица с высшим и средним специальным образованием - 89%. Преобладают лица в возрасте 30-49 лет - 75%.

Сторонники Коммунистической партии - это в основном пенсионеры, временно не работающие - 69%. Лица со средним общим и средним специальным образованием - 59%. Преобладают лица 50 и старше лет - 83%.

Кроме того, исследование показало, что большинство респондентов, независимо от пола, социальной принадлежности, возраста, потеряло веру в то, что когда-нибудь будут решены положительно вопросы по пресечению грабежей квартир, по наведению порядка и можно будет спокойно, не боясь нападения, гулять по городу.

Выводы:

1. По всей видимости, организация выборов в законодательные органы как система уже себя полностью изжила. Население, за исключением очень немногих, потеряв окончательно веру в то, что местные органы власти могут вообще как-то решать вопросы, связанные с социально-экономическими проблемами, больше ходить на выборы не будет. По крайней мере, нужно будет затратить очень много сил и энергии, чтобы в будущем провести выборную кампанию. Следовательно, необходимо менять систему подбора и расстановки руководящих кадров административно-управленческого аппарата. Может быть, будет целесообразно подбирать работников на основе конкурсной системы, проводить тестирование и таким образом выяснять способности кандидатов в «работники аппарата» принимать нужные решения.

2. Целесообразно разработать систему законов о персональной ответственности депутатов и административных работников за принятие или непринятие ими соответствующих решений.

3. Целесообразно восстановить систему областной подготовки и переподготовки государственных служащих.

4. Практика последних лет убедительно показывает, что необходимо создать при областной администрации информационно-аналитическую службу, которая занималась бы сбором и анализом всей информации и представляла администрации информационные сборы, а также давала бы рекомендации для принятия управленческих решений.

5. На волне продолжающейся мощной инфляции, повсеместного спада производства, сокращения жизненного уровня трудящихся, падения рождаемости и увеличения смертности к руководству в стране и в области могут прийти силы, которые попытаются восстановить унитарное государство и свернуть остатки демократии.

К 50-летию Сахалинской областной универсальной научной библиотеки

В.А. Малышева

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТНОЙ УНИВЕРСАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Раздел "Научно-исследовательская и издательская работа" появляется в планах и отчетах Сахалинской областной универсальной научной библиотеки в конце 60-х гг. Первой темой самостоятельного исследования явилась история библиотек области. Одновременно было начато изучение читательских интересов учителей истории, которое проводилось по заданию и программе Государственной публичной исторической библиотеки. Уже в 1970 г. зам. директора В.А. Войнилович на основе собранных материалов сделала доклад на научной конференции библиотек Сибири и Дальнего Востока, проходившей в г. Новосибирске, который затем был опубликован в сборнике "Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока". Научная обработка материалов, отражающих историю развития библиотечного дела Сахалинской области, продолжалась. Была составлена "Хронологическая картотека по истории библиотек области", В.А. Войнилович начала работу по сбору материала о сахалинских библиотекарях-народовольцах. По плану научно-исследовательской работы намечено было в 1976 г. закончить подготовку материалов для статей "История библиотечного Дела в Сахалинской области (1925-1945 гг.)" и "История Сахалинской областной научной библиотеки (1947-1975 гг)". Работали над этими темами зам. директора В.А. Войнилович и завотделом А.Н. Ефименков. Однако по ряду обстоятельств эта работа не была завершена: В.А. Войнилович ушла из библиотеки на другое место работы (ее сменил Л.И. Кучеров), а А.Н. Ефименков по состоянию здоровья и возрасту в 1975 г. вышел на пенсию и длительное время находился на лечении.

Рукопись, подготовленная им по истории библиотечного дела

в области, была отпечатана и обсуждена на редакционном совете. Материал требовал серьезной дальнейшей доработки. Однако автор, по причине резкого ухудшения здоровья, не смог завершить начатое дело. За этими темами не были закреплены другие исполнители, дальнейшая работа таким образом прервалась, что заставило директора библиотеки А.В. Корогод просить в 1976 г. Государственную публичную библиотеку им. Салтыкова-Щедрина (ГПБ), как координационный центр, исключить из сводного плана по НИР эти темы. К сожалению, до сегодняшних дней тема истории сахалинских библиотек так и не нашла своих исследователей. Надежду вселяет проснувшийся интерес к своим корням у работников централизованных библиотечных систем (ЦБС) области: многие из центральных библиотек районов начинают отмечать полувековой юбилей, так как почти все они открывались с 1946 по 1950 г. За годы работы в библиотеках накопилось немало архивных материалов, на основе которых пишутся летописи, создаются фотоальбомы. Появились люди, которые с интересом изучают историю своих библиотек, собирают воспоминания читателей и ветеранов библиотечного дела. Есть надежда, что все это со временем станет основой для подготовки серьезных публикаций, и из отдельных работ сложится единая картина истории развития библиотечного дела в Сахалинской области.

В предверии 50-летия со дня открытия Сахалинской ОУНБ здесь также ведется исследовательская работа по истории ее развития, которая нашла свое отражение в текущих и перспективных планах по научно-исследовательской работе (НИР), Планируется издание ряда статей, посвященных различным сторонам деятельности: истории становления отделов библиотеки, создания фондов и справочного аппарата, издательской работы и другим.

Кроме того, будут собраны материалы для буклетов, памяток, рекламных проспектов.

Однако вернемся к истории развития научно-исследовательской работы. К началу 70-х гг. в стране сложилась определенная система учреждений, занимающихся научно-исследовательской работой в области библиотечного дела. Прежде всего, это Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (РНБ), Государственная республиканская юношеская библиотека, вновь организованная Государственная республиканская

детская библиотека, Ленинградский Государственный институт культуры им. Н.К. Крупской. Прочно вошли в арсенал научной работы и оправдали себя межвузовские конференции, посвященные актуальным проблемам развития культуры, в том числе и библиотечного дела. Однако 6 августа 1972 г. вышло постановление Коллегии МК РСФСР, в котором наряду с другими важными вопросами, отмечалась необходимость более широкого участия в НИР ведущих специалистов областных библиотек. Это постановление обязало МК АССР, управления культуры обл. (край) исполкомов в месячный срок представить Государственной публичной библиотеке им. М.Е.Салтыкова-Щедрина (ныне РНБ) предложения об участии республиканских (АССР), краевых, областных библиотек в разработке важнейших проблем библиотековедения и библиографии. На эту же библиотеку возлагалась функция координационного и методического центра по НИР. Этим постановлением определялись порядок и сроки представления библиотеками страны планов и отчетов по научной работе. В приложении к постановлению Коллегии МК РСФСР был дан перечень комиссий и головных организаций по разработке важнейших проблем библиотековедения и истории книги. Это постановление сыграло важную роль в становлении практики серьезной научной работы: в Государственной публичной библиотеке, Государственной республиканской юношеской библиотеке, Ленинградском государственном институте культуры были созданы специальные научные подразделения - отделы, секторы, лаборатории, а во многих областных библиотеках - специальные группы, призванные заниматься научной работой. В научных исследованиях стали принимать более активное участие сотрудники научно-методических отделов библиотек. Однако в Сахалинской ОУНБ в это время проведение научно-исследовательской работы было затруднено из-за слабой подготовленности кадров: на тот период не существовало системы подготовки и переподготовки сотрудников провинциальных библиотек, снимающихся научно-исследовательской работой. Об этом говорит тот факт, что темы, которые пытались брать для изучения сотрудники библиотеки, так и не были завершены, хотя переходили из одного годового плана в другой. Так, судя по планам и отчетам областной библиотеки, на протяжении 15 лет (с перерывами) отделом городского абонемента

проводилось изучение читательских интересов учителей. Однако накопленный материал так и не был обобщен, а потом потерял свою актуальность. Не было доведено до конца исследование на тему "Проблемы обслуживания читателей - медицинских работников" отделом медицинской литературы. Вероятно, такое же положение с научно-исследовательской работой складывалось и в других областных, краевых библиотеках страны. Во всяком случае на состоявшемся в Смоленске 12-15 мая 1977 г. совещании заместителей директоров республиканских (АССР), краевых и областных библиотек Российской Федерации подробно обсуждались вопросы организации библиотечных исследований, научно-методической работы и подготовки библиографических пособий. В рекомендациях совещания, в частности, отмечалось, что "научные исследования не всегда завершаются рекомендациями о внедрении вытекающих из них результатов. Исследования ряда проблем приобрели затяжной характер и не приносят ожидаемых результатов".

Интересно отметить, что участники совещания считали необходимым важнейшей формой научно-методической работы, направленной на укрепление связи науки и практики, признать создание методических пособий и инструктивно-методических материалов, основанных на результатах научных исследований в области библиотечного дела. То есть предполагалось уйти от практики рекомендаций, носящих директивный, обязательный для всех библиотек, характер, основанный на идеологических установках, как это сложилось в библиотеках с самого начала. Не случайно и сам термин "методическая помощь" постепенно стал подменяться на "методическое руководство". В результате, как пишет ведущий сотрудник РГБ, доктор педагогических наук Н.И. Тюлина, итогом методической деятельности стало единообразие в работе библиотек, которое зачастую оборачивалось унылым однообразием - одними и теми же выставками во всех библиотеках, одними и теми же темами мероприятий к юбилейным датам и общественно-политическим событиям, рекомендациями одних и тех же книг. Все это в полной мере относится и к Сахалинской ОУНБ. Усиление руководящего характера методической деятельности привело к тому, что по сути научно-методический отдел областной библиотеки стал частью управления культуры и не столько оказывал консультативную помощь библиотекам, сколько занимался

инспекторской работой: требовал составления многочисленных справок, "рекомендовал", отчитывал, заслушивал. Выявив и описав действительно интересный опыт работы какой-нибудь сельской или городской библиотеки, принимались в соответствии с требованиями рьяно внедрить его во все библиотеки, не считаясь порой с местными условиями или особенностями. От этого страдали не только библиотечные работники городских и сельских библиотек, но и методисты, которым хотелось работать творчески, но сложившийся подход к их деятельности мешал этому.

Поэтому рекомендации совещания зам. директоров областных библиотек были как нельзя кстати. В соответствии с этими рекомендациями усилилась роль ГПБ в развитии научно-исследовательской работы: составлялись координационные планы НИР и планы внедрения результатов исследований в библиотечную практику, подготавливалось множество методических рекомендаций для исследовательских коллективов, стали устраивать стажировки для тех, кто участвует в исследовании. И все же научно-исследовательская работа в Сахалинской ОУНБ носила в это время ограниченный характер. Директор библиотеки З.Н. Безлатная объясняла в отчете причину этого тем, что сотрудники всех отделов вначале готовились к переезду в новое здание, а затем были заняты приведением в порядок фондов и их рациональным размещением в соответствии с новой структурой библиотеки. Это действительно было серьезной причиной, так как переезд в новое здание потребовал всех сил и всего времени коллектива.

Но уже в плане на 1975 г. появилась новая тема "Изучение читательских интересов малых народностей острова Сахалина". Несомненно, выбор этой темы был обусловлен ее актуальностью и отсутствием каких-либо обобщенных данных. Исследование должно было дать ответ на вопрос: насколько книжные фонды библиотек соответствуют читательскому спросу коренных жителей Сахалина. Эта тема была закреплена за научно-методическим отделом. Вначале ею занималась Л.Н. Климова, затем в 1976 и 1977 гг. она была передана О.К. Петровой и Н.Е. Чернышевой. Ими было организовано несколько выездов в библиотеки Александровск-Сахалинского, Ногликского, Охинского, Поронайского и Тымовского районов, где проводились анкетирование и интервьюирование читателей: нивхов, эвенков, ороков, орочей,

нанайцев. В процессе исследования был изучен опыт работы Востокской и Валовской сельских библиотек по работе с коренным населением. Однако в связи с тем, что О.К. Петрова в первом полугодии 1977 года выбыла за пределы области, а Н.Е. Чернышова длительное время находилась в отпуске, а затем перешла в другую организацию, работа над темой не была завершена. Накопленный материал не был обобщен, запланированная статья не увидела свет, ограничились выпуском информационного листка "О работе библиотек с малыми народностями Севера".

В дальнейшем эта тема была закреплена за старшим методистом В.А. Муссориной, которая работала над ней в течение 5 лет. За это время был собран большой фактический материал, в результате анализа которого составлены таблицы, диаграммы, схемы, отражающие состояние работы библиотек с народностями Севера: систему управления, в т.ч. участие местной власти в организации библиотечного обслуживания коренного населения; размещение сети, в том числе нестационарного обслуживания; количество и качество книжных фондов; содержание запросов читателей; состояние справочного аппарата и информационной работы среди коренного населения; процент охвата библиотечным обслуживанием различных категорий населения: детей, юношества, работающих, неработающих и пенсионеров; состав библиотечных кадров; формы индивидуальной и массовой работы; книгообеспеченность и содержание чтения; читательскую активность.

Итоговые материалы вместе с выводами и предположениями по оптимизации работы библиотек с коренным населением были отправлены в ГПБ им. Салтыкова-Щедрина. Там к этой работе проявили интерес и направили в Сахалинскую ОУНБ научного сотрудника Г.В. Максимова, которая на месте познакомилась со всем массивом собранных первичных документов, выезжала вместе с руководителем исследования для уточнения отдельных вопросов в библиотеки, обслуживающие коренное население. В результате материалы регионального исследования были рекомендованы к использованию в издании Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина "Библиотечное обслуживание малых народностей Крайнего Севера", которое вышло в свет в 1983 г. Составители - научные сотрудники Н.С. Баева и Г.В. Максимова в предисловии к изданию сообщали,

что рекомендации разработаны на основе конкретных материалов, предоставленных в том числе и Сахалинской областной научной библиотекой. До сих пор это остается единственным методическим пособием по организации библиотечного обслуживания народов Севера.

В 1977 г. было запланировано исследование по теме "Книга и библиотека в жизни современной молодежи". Начинала его старший методист Н.Е. Чернышева, соисполнителями были ОК ВЛКСМ и Южно-Сахалинский ГК ВЛКСМ. Главным предметом исследования была определена "роль чтения в повышении культурного уровня рабочей молодежи и формировании нового человека". По разным причинам, основной из которых была частая смена руководителей, исследование вместо запланированных двух лет продолжалось 6 лет. В течение этого времени специалистами ОУНБ проводилась некоторая организационная работа: были определены библиотеки - базы исследования, ими стали Александровск-Сахалинская, Корсаковская, Охинская, Невельская и Холмская центральные библиотеки; при выездах на места с работниками библиотек проведены рабочие совещания по методике научно-исследовательской работы.

В помощь проведению исследования дано 22 консультации; разработано инструктивно-методическое письмо. Центральные библиотеки - базы исследования, провели определенную работу по сбору сведений: анализ читательских формуляров, анкетирование и интервьюирование выделенных групп читателей из числа рабочей молодежи. Однако это исследование так и не было завершено: не были до конца обработаны полученные фактические материалы, итоговый отчет по этой теме так и не был написан.

Можно предположить, что полученные первичные данные не давали основания подтвердить "роль чтения в формировании нового человека". Зато в ходе исследования была выявлена значительная роль библиотеки, чтения в повышении квалификации молодых рабочих и получении ими образования, а также прослежена зависимость спроса молодых читателей от качества библиотечных фондов и информационной работы.

Материалы, полученные в ходе исследования, дали возможность обобщить опыт работы Мгачинской городской библиотеки - филиала Александровской ЦБС по Удовлетворению читательских интересов молодых рабочих:

строителей и шахтеров. Невельская центральная библиотека полученные в ходе исследования данные использовала в работе по формированию книжных фондов для юношества и молодежи. Их опыт был рекомендован другим библиотекам области и в ряде ЦБС успешно внедрен.

В 1980-1981 гг. большое внимание в Сахалинской ОУНБ уделялось повышению качества информационной работы. В связи с этим было запланировано и проведено исследование библиотечно-библиографической грамотности различных категорий читателей. Проводили это исследование работники информационно-библиографического и методического отделов. Полученные результаты дали основание для изменения взгляда на проблему распространения библиотечно-библиографических знаний среди читателей с целью их подготовки к самостоятельному грамотному поиску необходимой информации. До этого исследования внимание уделялось в основном учащимся, студентам, молодежи. Но данные, полученные в результате анкетирования, интервьюирования, изучения пути читательских запросов, мотивации обращения читателей за помощью в получении информации к библиографам или специалистам отделов обслуживания показали, что и такие группы читателей, как учителя, партийные и советские работники, экономисты, юристы, специалисты сельского хозяйства, инженерно-технические работники слабо владеют навыками поиска необходимой информации. Материалы исследования послужили основанием для разработки программы библиотечно-библиографического всеобуча для различных групп читателей специалистов народного хозяйства и методики ее внедрения.

С итогами исследования гл. библиотекарь В.А. Муссорина познакомила библиотечных работников на одном из заседаний координационного совета научных библиотек Дальнего Востока, которое проходило в г. Хабаровске.

С 1981 по 1985 гг. проводилось исследование эффективности организационно-методической работы центральных библиотек. Тема исследования напрямую связана с централизацией библиотек области, которая осуществлялась с 1974 по 1979 гг. За этот период было создано 17 централизованных библиотечных систем (ЦБЗ) и 1 центральная библиотека (ЦБ, г. Северо-Курильск).

Целью исследования явилось выявление уровня

зависимости эффективности работы городских и сельских библиотек от количества и качества полученной ими методической помощи и дальнейшее определение методических функций центральных библиотек. Руководила исследованием зав. научно-методическим отделом Сахалинской ОУНБ Т.М. Ефременко. Большое участие приняла в нем ст. методист Е.Б. Панова. Основными базами исследования стали Анивская и Долинская централизованные библиотечные системы. На основе материалов этого исследования была разработана методика реорганизации методической службы: в центральных библиотеках были созданы методические группы по направлениям библиотечной деятельности, куда вошли все ведущие специалисты центральных библиотек и наиболее опытные и знающие работники филиалов.

Работа этих групп позволила, в свою очередь, поднять качество библиографической и информационной работы сельских и городских библиотек, а также создать в них полноценные книжные фонды. Материалы исследования показали также, что в методической, консультативной помощи нуждаются не только слабые или не имеющие специального образования работники, но и высокопрофессиональные кадры, которые ждут от методистов не консультации по узким вопросам, а помощи в определении стратегии развития деятельности именно своей, конкретной библиотеки в конкретных условиях.

Результаты исследовательской работы обсуждались на областном семинаре библиотечных работников; были разработаны планы внедрения новых форм методической работы в практику центральных библиотек области и пакет технологических документов для ЦБС области: положений, инструкций, форм, таблиц.

В последующие годы согласно плану проводилась работа по внедрению конкретных разработок, технологических документов в практику работы библиотек области. С этой целью на базе одной из лучших центральных библиотек - Углегорской, была создана областная школа передового опыта, занятия в которой проводились в форме семинаров, практикумов, консультаций, деловых игр, домашних заданий, конкурсов. Большинство методистов центральных библиотек области приняли участие в работе этой школы.

Перестройка методической работы центральных библиотек

позволила решить важные задачи: повысить квалификацию библиотечных работников и тем самым совершенствовать работу библиотек с читателями на основе анализа своей деятельности и внедрения в практику результатов научных исследований.

Одновременно с этим исследованием осуществлялось внедрение в практику работы Сахалинской ОУНБ рекомендаций ГПБ в помощь рациональной организации работы методистов областных библиотек. Внедрение происходило на основе научной разработки ст. научного сотрудника научно-методического отдела ГПБ Е.К. Высоцкой и при ее личном участии. Ею были прочитаны лекции на областных курсах повышения квалификации, дан ряд консультаций для коллектива Сахалинской ОУНБ, направленных на повышение квалификации сотрудников, участвующих в методической работе. Все это сыграло свою положительную роль в повышении эффективности методической деятельности областной научной библиотеки.

В мае 1984 г. в г. Чебоксары состоялось совещание - семинар заместителей директоров по научной работе республиканских (Российской Федерации и автономных республик), краевых, областных библиотек и проректоров по научной работе институтов культуры. Речь шла об актуальных проблемах научного обеспечения библиотечной деятельности и повышения ее эффективности. Отмечая определенные сдвиги в сторону улучшения положения с НИР (проведение исследований в соответствии с "Координационным планом НИР по библиотековедению, библиографоведению и книговедению в РСФСР", осуществление ежегодных конкурсов на лучшую научную работу по актуальным проблемам библиотековедения и библиографоведения в России), участники совещания отмечали недостатки: внедренческий процесс научных исследований в практику не носил еще подлинно планомерного характера, зачастую он не завершался конкретными рекомендациями, слабо был организован обмен опытом внедрения.

Совещание рекомендовало головным учреждениям регулярно оказывать исследователям на местах консультативную и практическую помощь.

Этому совещанию суждено было определить новый этап в развитии научно-исследовательской деятельности Сахалинской ОУНБ: именно в процессе его работы состоялась

договоренность между вновь назначенным зам. директора по науке В.А. Муссориной и зав. НИОБ Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина Б.Ф. Володиным об оказании методической и консультативной помощи со стороны специалистов отдела с целью оптимизации научной работы в библиотеках Сахалинской области.

Уже в октябре 1984 г. Б.Ф. Володин приехал на Сахалин для ознакомления с постановкой НИР. Он посетил три центральных библиотеки, изучил положение с НИР в Сахалинской ОУНБ, дал подробные консультации, рекомендации работникам, участвующим в научной работе. Следующим шагом было включение постановлением министерства культуры РСФСР за № 32 Сахалинской ОУНБ в число библиотек - участниц централизованного библиотечного исследования "Моделирование деятельности областных универсальных научных библиотек как научно-информационных учреждений".

Главным учреждением, ответственным за проведение этого исследования, руководящим его ходом, оказывающим необходимую помощь и методическое обеспечение являлась ГПБ им. Салтыкова-Щедрина.

Наша библиотека приняла самое активное участие в этой работе.

В течение 1986-1990 гг. по специальным методикам собирались необходимые данные о региональных особенностях организации научно-информационной деятельности и потребителях информации ОУНБ. Была организована группа специалистов, возглавляемая зам. директора, в которую входили Л.Н. Климова, Т.П. Степанова, Т.М. Ефременко, Т.П. Бубнова, Л.П. Лукьянчук, Н.А. Павловская, Н.М. Улусова, Н.М. Михалева.

В этом исследовании приняли участие 8 ЦБС области: Александровск-Сахалинская, Поронайская, Анивская, Тымовская, Долинская, Холмская, Смирныховская, Углегорская.

В процессе работы не только собирались первичные данные, но и внедрялись в практику работы ОУНБ методические рекомендации ГПБ по справочно-библиографическому обслуживанию, индивидуальному информационному обслуживанию, выставочной работе, текущему письменному коллективному информированию, пропаганде библиотечно-

библиографических знаний. Участие в этом исследовании было очень своевременным и дало возможность изменить библиотечно-информационную деятельность Сахалинской ОУНБ в соответствии с новыми требованиями к ней, возникшими в результате перестройки всех сфер экономики, культуры, идеологии страны, а именно стать таким научно-информационным учреждением, которое призвано удовлетворить все информационные потребности (а не только узко профессиональные) читателей библиотеки с помощью различных видов библиотечно-информационной деятельности и путем повышения информационной активности читателей через целенаправленную пропаганду библиотечно-библиографических знаний.

Особенно это коснулось выставочной работы, как одного из видов научно-информационной деятельности библиотек.

Результаты исследования показали, что для 60% посетителей библиотеки выставки являются ценным источником информации о литературе. А сравнивая их с другими формами информации, читатели отметили такую особенность, как возможность оценить книгу или журнал не только на основании библиографических сведений, но и сразу ознакомившись с содержанием.

Повышение качества подготовки выставок способствовало внедрению в практику работы ряда документов, разработанных в ГПБ им. Салтыкова-Щедрина: методики комплексного анализа выставочной работы, рекомендаций по проверке критериев и методов оценки выставок-просмотров, классификации выставок. В ходе этой работы зам. директора по науке прошла стажировку в ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, где участвовала в семинарских занятиях и обменивалась опытом по итогам полученных результатов.

Современному состоянию выставочной работы в Сахалинской ОУНБ посвящена статья во 2-м выпуске "Вестника Сахалинского музея" за 1995 г.

В 1987-1989 гг. согласно договоренности с научно-методическим отделом ГПБ им. Салтыкова-Щедрина библиотека проводила исследования проблемы "Библиотечное и информационное обслуживание работников сельского хозяйства в условиях аграрно-промышленного комплекса". Перед исследователями стояла задача: определить место библиотеки в ряду других учреждений, осуществляющих информирование специалистов сельского хозяйства.

Начальником управления культуры Сахоблисполкома был издан приказ, который утверждал состав организационной комиссии (в нее вошли зам. директора по науке, зав. отделами Т.М. Ефременко, Т.П. Степанова, Л.Н. Климова, Г.В. Шапошникова), организационный план регионального исследования и базы исследования. Ими стали ЦБС Анивского, Тымовского, Углегорского, Холмского районов и города Южно-Сахалинска. Изучение состояния динамики развития и степени удовлетворения информационной потребности специалистов сельского хозяйства проводилось на основе данных анкетирования более чем 300 человек.

Итоги исследования были обобщены в докладах и сообщениях, которые заслушаны на семинаре-совещании, проведенном на базе Тымовской ЦБС, а также на совещании, организованном научно-методическим отделом ГПБ им. Салтыкова-Щедрина в г. Ленинграде в 1988 г., куда были приглашены зам. директора по науке, зав. научно-методическим отделом Сахалинской ОУНБ и библиографы Анивской и Холмской ЦБС. Результатом изучения этого вопроса явились рекомендации по созданию кабинетов научно-технической информации (НТИ) для работников сельского хозяйства (в Сахалинской области было создано 6 кабинетов).

В 1989-1990 гг. возникает необходимость в проведении исследования "Библиотеки в изменившейся системе экономических отношений и новых условиях хозяйствования". Основными разработчиками темы стали зам. директора по экономическим вопросам Т.А. Горбачева и зам. директора по науке В.А. Малышева. В результате изучения деятельности Сахалинской ОУНБ в новых экономических условиях были получены данные, которые легли в основу экономического обоснования и привели к изменению структуры библиотеки. Но главным итогом явилась новая система оплаты труда и премирования библиотечных работников, разработанная на основе норм времени на библиотечные процессы. Был также уточнен перечень бесплатных и платных услуг, разработан механизм определения их стоимости. К внедрению были рекомендованы соответствующие инструкции и положения.

Сообщение, сделанное директором Т. Т. Даниленко о работе Сахалинской ОУНБ в новых экономических условиях, вызвало большой интерес у участников зональной научно-

практической конференции "Библиотека в условиях перестройки и социальных преобразований", проходившей в г. Владивостоке в сентябре 1990 г. Впоследствии пакет документов был запрошен и продан 24 библиотекам России и стран СНГ.

В 1990-1992 гг. Сахалинская ОУНБ приняла участие в научном исследовании, которое проводил Хабаровский государственный институт культуры на основе методики, разработанной Ленинградским государственным институтом культуры им. Крупской. Тема исследования: "Библиотечная профессия - современное состояние и перспективы". Первоначально программа исследования включала два этапа: I - Библиотека, II - Читатели. В результате руководители исследования ограничились только первым этапом, задачей которого было определение уровня квалификации библиотечных работников, их профессиональной пригодности.

Базами исследования стали Сахалинская ОУНБ и Южно-Сахалинская ЦБС. После того, как материалы были представлены в головную организацию, по договоренности с Хабаровским институтом культуры было решено провести региональное исследование, сделав его участниками все ЦБС области. Ответственным за проведение исследования была назначена зав. сектором научно-исследовательской работы Т.М. Ефременко. Были расширены цели исследования: оказание помощи директорам ЦБС в работе с кадрами, определение индекса активности и работоспособности коллективов ЦБС области, изучение потребности Дальневосточного региона в библиотечных кадрах. Была определена тема: "Стратификация библиотечных кадров. Библиотечный коллектив ЦБС. Повышение квалификации библиотекарей как фактор, влияющий на работоспособность коллектива". В ходе исследования проведен опрос 256 библиотекарей из 103 библиотек области, данные обобщены в справке-отчете. Проведено анкетирование директоров и методистов ЦБС - слушателей областных курсов повышения квалификации работников культуры и искусства. Промежуточные результаты исследования использовались для внедрения в практику путем консультаций, выступлений на областном семинаре, сообщений на дне директора и дне методиста. Они представлены, также в "Обзорах деятельности ЦБС Сахалинской области" за 1992, 1993 гг. Результаты

исследования послужили основой для разработки "Примерной программы повышения квалификации библиотечных работников на 1992-1995 гг." Завершится исследование в 1996 г.

Период с 1991 по 1996 гг. характеризуется особенно активным участием Сахалинской ОУНБ в централизованных исследованиях, проводимых Российской национальной библиотекой и Российской государственной библиотекой. Перечислим некоторые из них: "Библиотечный фонд в изменившейся библиотечно-информационной ситуации", "Использование литературы по физкультуре и спорту", "Разработка методики и определения размеров средств, необходимых для полноценного комплектования", "Современная тенденция и перспективы развития фондов массовых библиотек", "Документальные фонды ОУНБ". И это не случайно, так как прежняя система комплектования разрушена, а изучение и формирование фондов библиотек в соответствии с изменившимся читательским спросом остается актуальной задачей.

Новых подходов требует и решение проблемы координации научной, методической и информационной деятельности, определение современной роли в этом процессе областных научных библиотек. Поэтому Сахалинская ОУНБ приняла участие в научных исследованиях, проведенных РГБ и РНБ в рамках федеральных программ "Мониторинг научно-методического и информационного обеспечения библиотечного дела" и "Информационное обеспечение библиотечных научно-исследовательских работ".

Участие в централизованных научных исследованиях дает возможность сотрудникам Сахалинской ОУНБ повысить свою квалификацию, а затем использовать знания и опыт в организации и проведении собственных исследований. Так, за последние годы проведены 5 региональных исследований. Одно из самых важных: "Современный читатель и библиотека". Интерес к такой теме понятен. Изменилась политическая и экономическая ситуация в стране: как это повлияло на отношение людей к библиотеке, что они ждут от нее, какой хотят видеть? Библиотекарям надо знать ответы на эти вопросы, чтобы соответствовать ожиданиям общества. В ходе исследования (основными базами которого были Сахалинская ОУНБ, Южно-Сахалинская и Александровск-Сахалинская ЦБС) проводились анкетирование и

интервьюирование населения и читателей. Выяснилось, на что тратится свободное время, какое место в жизни человека занимает чтение, характер чтения; причины обращения в библиотеку или, напротив, отсутствие интереса к библиотеке; что знает население о библиотеке и ее возможностях; устраивает ли тех, кто является читателем, уровень комфорта обслуживания, состав книжного фонда, количество и качество предоставляемых услуг и т. п.

ОУНБ и Александровск-Сахалинская ЦБС особое внимание уделяют изучению взаимоотношений читателя и библиотеки. На основе полученных данных подготовлен и издан материал "Библиотечное общение".

Часть материалов, полученных в процессе анкетирования читателей отдела обслуживания и отдела художественной литературы и искусства Сахалинской ОУНБ, находится в процессе обработки. По результатам готовятся публикации.

Решению вопросов координации работы ОУНБ и ЦБС области в современных условиях послужило региональное исследование "Совершенствование справочно-библиографической работы ОУНБ и ЦБС, их информационной базы".

Итогом многолетних исследований проблем информационной деятельности ОУНБ и ЦБС, которыми занимался информационно-библиографический отдел, стала программа "Усиление информационной функции библиотек", утвержденная постановлением губернатора области от 6 декабря 1995 г. за № 393. Основными разработчиками программы являются зав. информационно-библиографическим отделом Л.Н. Климова и зам. директора В.А. Малышева. В настоящее время выделено помещение для создания кабинета деловой информации, что позволяет увеличить ассортимент информационных услуг читателям и расширить круг пользователей в соответствии с результатами изучения инфраструктуры и выявления информационных потребностей учреждений, организаций, предприятий, коммерческих структур.

Программа рассчитана на 5 лет и выполнение всех ее разделов потребует дополнительного финансирования. К сожалению, отсутствие денег ставит под угрозу срыва многие из запланированных мероприятий, а самое главное комплектование фондов библиотек области необходимыми документами и создание единой информационной

библиотечной сети.

И еще одна тема требует особого упоминания: "Научная организация труда в библиотеке". Начиная с 1984 г. и по настоящее время Сахалинская ОУНБ провела ряд исследований различных направлений этой проблемы. В результате полученных данных изменена структура библиотеки, переработаны и вновь разработаны "положения" об отделах, секторах, системе книжных фондов, справочном аппарате, должностные инструкции, уточнены и внедрены нормы на библиотечные процессы, составлены технологические карты, идет совершенствование системы управления (планирование, учет и отчетность, упорядочение регламентирующей документации). Все это направлено на рациональное использование бюджета рабочего времени.

В настоящее время продолжается исследование на тему "Состояние и перспективы развития современной библиотечной технологии в условиях автоматизации библиотечных процессов". Это исследование проводится в целях совершенствования нормирования труда в связи с внедрением новых технологий; результаты исследования будут использованы также для разработки соответствующих инструктивно-методических материалов.

В планах работы по НИР - изучение потенциальных потребителей краеведческой информации.

И, наконец, планируется изучение влияния итогов научно-исследовательской работы на деятельность ЦБС: что внедряется в практику работы, а что нет и почему; решение каких проблем (с точки зрения городских и сельских библиотек) требуют исследования.

Отмечая результаты проведенных исследований, необходимо признать, что, как показывает практика, научно-исследовательская работа Сахалинской ОУНБ носит прикладной характер и зачастую очень трудно определить водораздел между нею и методической работой. Но ценно уже то, что методические материалы и разработки с течением времени перестают носить декларативный характер, а все чаще представляют собой результат научного обобщения практики, ее научного анализа.

На протяжении всей истории Сахалинской областной библиотеки серьезные трудности в развитии исследований по библиотечному делу связаны с нехваткой опытных научных кадров и с тем, что она никогда не имела специализированного

исследовательского подразделения. На проведение запланированных исследований всегда не хватало времени и штатов. Научно-исследовательская работа никогда не носила приоритетного характера: гораздо строже спрашивали за невыполнение плана по количеству читателей, книговыдаче, либо массовых мероприятий. Поэтому очень часто исследователи ограничивались анализом состояния и хода библиотечных процессов или обобщением и распространением накопленного опыта производственной работы, т. е. опять-таки подменяли исследовательскую деятельность текущей методической деятельностью, т. к. последняя была под постоянным контролем управления культуры.

В централизованных исследованиях по программам РГБ и РНБ библиотеки Сахалинской области участвовали, главным образом, в качестве исследовательских баз: выполняли задания по сбору материалов, но сравнительно мало привлекались к их анализу.

С 1978 г. по приказу министра культуры РСФСР начали проводиться всероссийские конкурсы на лучшую научную работу по актуальным проблемам библиотековедения и библиографоведения. Работа в области библиографоведения носит в Сахалинской ОУНБ также прикладной характер и имеет своей целью совершенствование путем подготовки и использования различных видов библиографических пособий. В этом удалось добиться определенных успехов: трижды библиографические пособия Сахалинской ОУНБ были отмечены в числе лауреатов конкурса: в 1980, 1986 и 1995 гг. Подробно издательская деятельность библиотеки освещается в статье зав. сектором краеведческой библиографии В.Г. Борисовой «Библиографическая деятельность Сахалинской областной универсальной научной библиотеки» (Краеведческий бюллетень. 1996. № 4. С. 159-167).

В настоящее время положение с НИР меняется. Возникшая в 60-е гг. идея, рассматривающая исследовательскую и методическую работу как единое целое, начинает осуществляться в Сахалинской ОУНБ с 1991 г., когда в научно-методический отдел вводятся дополнительные штатные единицы и создается сектор НИР. К сожалению, до сих пор остается не заполненной должность методиста-социолога: институты культуры не готовят специалистов, способных вести исследования по вопросам психологии чтения,

библиотечной педагогики и социологии, а размер заработной платы не позволяет привлечь специалистов со стороны. Тем не менее уже свыше 5 лет ст. научный сотрудник отдела Т.М. Ефременко вплотную занимается вопросами организации, проведения и координации научно-исследовательской работы. Да и вся методическая работа постепенно теряет административный характер и все больше становится средством внедрения в практику результатов исследования. Все чаще работники методического отдела привлекают к анализируемому и обобщаемому материалу данные, вытекающие не только из своей или отечественной практики, но и мировой опыт, а также данные, полученные в результате исследований.

Главная цель научно-исследовательской работы Сахалинской ОУНБ сегодня - это через глубокое осмысление явлений вчерашнего дня, их соотношения с днем сегодняшним поднять на качественно новый уровень работу библиотек для полного и квалифицированного удовлетворения запросов населения.

В.В. Тесленко

СЕЛЕКЦИЯ МНОГОЛЕТНИХ ТРАВ НА САХАЛИНЕ - ПЕРИОДЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

(к 10-летию селекционной работы в СахНИИСХ)

Селекция многолетних трав (злаковых и бобовых) - сравнительно молодое направление в сельскохозяйственной науке Сахалинской области. Ее возникновению предшествовали два достаточно длительных периода изучения травянистых растений: первый - выявление видового состава кормовых растений островной флоры, второй - интродукционное изучение и доместикация многолетних трав с целью их практического использования.

С начала 50-х гг. работы по подбору и изучению культурных кормовых злаковых и бобовых трав на Сахалине проводятся С.М. Кравченко (1), Л.И. Ващенко (2) в интродукционных питомниках Сахалинской государственной комплексной сельскохозяйственной опытной станции (ныне Сахалинский НИИСХ). Уже в этот период начинается селекционная работа с такими кормовыми культурами, как овес, кукуруза, топинамбур (3,4,5). Сорт овса Сахалинский-1, выведенный Л.И. Ващенко, становится первым и до сих пор единственным местным сортом среди травянистых кормовых культур, возделываемых на острове.

В 60-е гг. интродукционное изучение культурных кормовых растений в СахНИИСХ продолжает А.А. Одегова (6), а изучение видового состава местных дикорастущих многолетних трав, их кормовых достоинств, биологии развития и хозяйственно полезных признаков проводят сотрудники Сахалинского комплексного НИИ, где особое внимание обращают на себя работы Б.Г. Бутовского (7, 8, 9, 10, 11, 12). В результате экспедиционных исследований дикорастущих кормовых растений Сахалина и Курил и многолетних наблюдений за образцами - 186 местных

популяций 40 видов злаковых и бобовых трав в интродукционных питомниках, установлено, что многие из них могут быть использованы для улучшения естественных кормовых угодий, в культуре и качестве исходного материала для селекции (13,14). Изданная в 1970 г. монография Б.Г. Бутовского "Дикие и одичавшие кормовые растения Сахалина и Курил" становится теоретической основой для последующих исследований в области интродукции и селекции кормовых многолетних трав на Сахалине.

Но отсутствие целенаправленной селекционной тематики, нарушение последовательности интродукционных работ приводят к потере накопленного генофонда в питомниках СахКНИИ и СахНИИСХ. В исследованиях наступает 15-летняя пауза. Этот период заполняют флористические исследования ученых Биопочвенного института, Тихоокеанского института географии ДВО РАН: уточняется видовой состав дальневосточной флоры, рекомендуются наиболее ценные виды трав для кормопроизводства региона в целом (17, 18), при этом указывается, что о. Сахалин и Курилы являются территориями наибольшего скопления элементов формового разнообразия для ряда видов многолетних злаков (19). Различные НИИ страны при изучении коллекции определяют ценность хозяйственно-значимых признаков дикорастущих трав (20, 21, 22, 23). В это время в СахНИИСХ ведущими научно-исследовательскими темами по укреплению кормовой базы животноводства стали: разработка агротехнических приемов возделывания кормовых культур (24), создание культурных и улучшение естественных лугов и пастбищ (25,26). И лишь Н.А. Соколова занимается изучением и подбором кормовых культур (27).

Тем не менее все накопленные сведения и научные данные прямо или косвенно подтверждали необходимость и актуальность селекционной работы с многолетними травами на Сахалине.

С 1985 г., исходя из современных требований сельскохозяйственного производства и наличия богатейшего природного генофонда кормовых трав, группой сотрудников Сахалинской НИИСХ (Л.В. Фроловой, А.С. Кудряшовой, Н.А. Соколовой, Г.Н. Горшковой) была начата планомерная селекционная работа. Основной ее целью стало создание интенсивных сортов кормовых трав сенокосного, сенокосно-пастбищного, пастбищного типов, приспособленных к

экологическим условиям Сахалина.

В 1986 г. была создана коллекция экотипов 7 видов злаковых и 5 видов бобовых трав. Каждый был представлен 11-43 образцами эколого-географического происхождения. Проведены экспедиции по сбору семян и корневищ дикорастущих кормовых трав на о. Сахалин (1985-1987, 1989 гг.) и о. Кунашир (1989 г). Собрано около 300 образцов злаковых и бобовых трав. Из них, а также из сортов отечественной и зарубежной селекции и образцов коллекции ВИР заложены питомники первичной оценки исходного материала.

Подтверждая ценность местных дикорастущих трав для селекции (28), в дальнейшую работу вовлекались лучшие константные формы (29,30). Наряду с традиционными методами селекционной работы (отбором и гибридизацией), в СахНИИСХ нашли применение и современные: индуцированный мутагенез; полиплоидия, создание сложногибридных и синтетических сортов - популяций. Уже сейчас на последних этапах формирования и сравнительной оценки находятся селекционные номера - будущие сорта тимофеевки луговой, ежи сборной, двухсточника тростниковидного, мятлика новосахалинского, лисохвоста лугового. Активно ведется работа с клевером луговым. В настоящее время СахНИИСХ - единственное учреждение в регионе, где продолжается селекция этой ценной бобовой культуры.

С целью пополнения генофонда кормовых трав в 1994,1995 гг. были проведены очередные научные экспедиции по Сахалину и на о. Итуруп. Собрано около 400 вегетирующих образцов 17-ти видов 12-ти родов кормовых злаковых и бобовых трав. Этот материал станет дополнительным источником в закреплении нужных свойств и качеств уже выделенных перспективных форм, а в некоторых случаях - генетической основой сортов следующего десятилетия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Создание устойчивой кормовой базы для животноводства Сахалинской области: Отчет о НИР (годовой) / Сахалинская гос. комплексная с.-х. опытная станция. Новоалександровск, 1952. Отв.исполн. С.М. Кравченко.
2. Создание устойчивой кормовой базы для животноводства Сахалинской области: Отчет о НИР (годовой) / Сахалинская гос. комплексная с.-х.

опытная станция. Новоалександровск, 1953. С. 165-189. Отв. исполн. Л.И. Вашенко.

3. Создание устойчивой кормовой базы для животноводства Сахалинской области: Тематический план/ Фонды Сахалинской Гос. комплексной с.-х. опытной станции. Новоалександровск, 1953. С.70-80. Отв. исполн. Л.И. Вашенко.

4. Выведение высокоурожайных, скороспелых, устойчивых к болезням сортов кукурузы: Отчет о НИР (краткий)/ Сахалинская гос. комплексная с.-х. опытная станция. Новоалександровск, 1956. Отв. исполн. Л.И. Вашенко, З.И. Колбасина.

5. Выявление, изучение и размножение местных форм и создание сахалинского сорта земляной груши: Отчет о НИР (годовой) / Сахалинская гос. комплексная с.-х. опытная станция. Новоалександровск, 1957. С. 107-115. Отв. исполн. Л.И. Вашенко, Н.Ф. Борисов.

6. Изучение и подбор кормовых культур: Отчет о НИР (годовой) / Сахалинская гос. комплексная с.-х. опытная станция. Новоалександровск, 1961. С. 111-129. Отв. исполн. А.А. Одегова.

7. Бутовский Б.Г. К истории изучения дикорастущих кормовых растений на Сахалине. /Биология и почвоведение: Южно-Сахалинск, Гр. /СахКНИИ СО АН СССР. 1960. Вып.9. С.68-92.

8. Бутовский Б.Г. К ботанической характеристике хозяйственных типов лугов Кировского и Александровского районов Сахалина /Почвенный покров, растительность Сахалина и физиология с.-х. растений: Гр. / СахКНИИ СО АН СССР. 1960. Вып. 13. С.55-70.

9. Бутовский Б.Г. Люцерне - сахалинскую прописку. / Сельскохозяйственное производство Сибири и Дальнего Востока. 1965. №12. С. 18-20.

10. Бутовский Б.Г. Выпадение клеверов из травостоя в условиях южной части Сахалина /Растения и факторы внешней Среды: Гр. /СахКНИИ СО АН СССР. 1966. Вып. 17. С.89-93.

11. Бутовский Б.Г. Химический состав некоторых дикорастущих кормовых растений Сахалина и Курильских островов /Растительные ресурсы. Южно-Сахалинск, 1968. т. IV. Вып. 4. С. 523-534.

12. Бутовский Б.Г. Предварительные итоги интродукции многолетних бобовых и злаковых трав на юге Сахалина. /Растения и факторы внешней Среды. Южно-Сахалинск, 1968. Гр. /СахКНИИ СО АН СССР. Вып. 19. С. 37-46.

13. Хорошайлов Н.Г., Бутовский Б.Г. Дикие кормовые растения Курил как исходный материал для селекции /Изв. СО АН СССР. Сер. биол., 1970. Вып. 3. № 15. С. 10-17.

14. Бутовский Б.Г. Дикие и одичавшие кормовые растения Сахалина и Курильских островов. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1970. 128 с.

15. Воробьев Д.П., Ворошилов В.Н. и др. Определитель высших растений Сахалина и Курильских островов. М: Наука, Ленингр. отд-ние, 1974. 372 с.

16. Сосудистые растения советского Дальнего Востока /Отв. ред. С.С. Харкенич. Л.: Наука, 1985, Т. 1. 398 с.

17. Павлова Н.С. Итоги изучения дикорастущих кормовых бобовых советского Дальнего Востока /Итоги и перспективы использования мировой коллекции ВИР. Владивосток, 1987. С. 27-28.

18. Пробатова Н.С., Селедец В.И. Некоторые итоги исследований дикорастущих злаков советского Дальнего Востока в связи с задачами их практического использования /Итоги и перспективы использования мировой коллекции ВИР.: Тезисы докладов. Владивосток, 1987. С. 30-31.

19. Пробатова Н.С. и др. Дикорастущие кормовые злаки советского Дальнего Востока. М: Наука, 1982. С. 240.

20. Живчикова Р.И., Живчиков А.И. Изучение коллекции клевера красного на Приморской с.-х. опытной станции /Селекция и семеноводство основных с.-х. культур на Дальнем Востоке. Уссурийск, 1976. Вып. 33. С. 102-110.

21. Живчиков А.И., Живчикова Р.И. Исходный материал для селекции многолетних трав в Приморском крае. /Интродукция и селекция многолетних кормовых трав. Новосибирск: Изд-во СО ВАСХНИЛ, 1978. Вып. 5,6. С. 40-47.

22. Маложенец Е. Создание исходного материала овсяницы тростниковой в условиях центрального района нечерноземной зоны РСФСР: Автореф. дис. ... канд. с.-х. наук. М., 1989.

23. Спасов В.П. Использование овсяницы тростниковой для интенсивного кормопроизводства на сенокосах и пастбищах: Обзона информация ВАСХНИЛ. М., 1979. С. 60.

24. Разработка агротехники возделывания силосных культур: Отчет о НИР (годовой)/ Сахалинская Гос. комплексная с.-х. опытная станция. Новоалександровск, 1959. С. 145-162. Отв. исполн. А.Н. Волкова.

25. Разработка способов улучшения лугов и пастбищ: Отчет о НИР (годовой)/ Сахалинская Гос. комплексная с.-х. опытная станция. Новоалександровск, 1964. С. 65-81. Отв. исполн. И.Н. Пиляк.

26. Разработать научные основы реконструкции естественных кормовых угодий, приемы создания и использования пастбищ и сенокосов интенсивного типа: Отчет о НИР (промежуточный)/ Сахалинская Гос. комплексная с.-х. опытная станция. Новоалександровск, 1977. Т.Ш. С. 831-880. Отв. исполн. Э.Д. Решетникова.

27. Уточнить видовой набор посевных кормовых культур по южной зоне Сахалинской области: Отчет о НИР (промежуточный)/ Сахалинский филиал ДВНИИСХ. Новоалександровск, 1979. Ч. 2. С. 245-281. Отв. исполн. Н.А.

Соколова.

28. Кудряшова А.С., Соколова Н.А. Дикорастущие травы Сахалина как исходный материал для селекции /Итоги и перспективы использования мировой коллекции ВИР: Тезисы докл. Владивосток, 1987. С. 23-24.

29. Фролова Л.А. Селекция кормовых трав на Сахалине /Методика селекционных работ до 2010 г. по созданию высокопродуктивных, комплексно ценных сортов зерновых, сои, многолетних трав, картофеля, овощей и плодово-ягодных культур в зоне Дальнего Востока /ВАСХНИЛ. Сиб. отд-ние. ДальНИИСХ, Дальневосточный селекцентр. Новосибирск. 1990. С. 89-96.

30. Кудряшова А.С., Тесленко В.В. Использование в селекции дикорастущих кормовых злаков Сахалина /Селекция и технология возделывания сельскохозяйственных культур на Дальнем Востоке: Сб. науч. тр. /РАСХН. Дальневосточное отд. Новосибирск, 1995. С. 68-71.

Критика и библиография

И.А.Самарин

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ГОРБУНОВА С.В., ПРОКОФЬЕВА М.М. "АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ОСТРОВА МОНЕРОН".

Попытки археологического исследования острова Монгрон в советское время предпринимались неоднократно, однако результаты работ на острове В.О.Шубина в 1976 г. и экспедиции ЮСГПИ в 1981 г. не были введены в научный оборот, за исключением двух популярных газетных статей В.А.Голубева. Летом 1991 г. сахалинские археологи впервые узнали о работах своих предшественников на Монсроне из книги Т.Нийока, Х.Утагава "Археологические памятники на Южном Сахалине". Тогда же стало известно об археологических исследованиях на острове, произведенных руководителем краеведческого клуба "Абориген" С.В. Горбуновым.

В ноябре 1996 г. мне удалось получить экземпляр книги "Археологические памятники острова Монерон", написанной автором работ и старшим научным сотрудником Сахалинского областного краеведческого музея М.М. Прокофьевым. Именно удалось, потому что, несмотря на обозначенную на форзаце дату выхода книги - 1994 г., она до сих пор не поступила в широкую продажу, а распространяется авторами. Очевидно поэтому, очень немногие краеведы могут похвастаться тем, что имеют её. Выйдя, книга автоматическим образом стала библиографической редкостью из-за ограниченного тиража, сведений о котором, впрочем, в выходных данных книги обнаружить не удалось.

Книга состоит из ксерокопий 69 страниц текста и 79 иллюстраций, скомпонованных в двух тетрадах, скрепленных мягкой обложкой. Изготовлена книга полукустарным способом.

В первой части книги впервые публикуются археологические материалы, собранные Кимура Синроку и хранящиеся в фондах Сахалинского областного краеведческого музея, а также данные о сборах Мацумото Хирохитиро в 1918 г. Авторы считают, что "значение материалов, собранных К.Синроку на о.Монерон, трудно переоценить". Можно с этим безоговорочно согласиться хотя бы потому, что благодаря М.М. Прокофьеву и С.В.Горбунову археологические находки наконец-то, спустя 60 с лишним лет, увидели свет. Но, вместе с тем, в тексте книги отсутствует авторская интерпретация этих материалов, не понятно, в чем же, собственно, их значение. Создается впечатление, что и не было этих 60 лет развития островной археологии, словно и не прошла она путь от простого количественного накопления материала до его оценки и осмысления.

Ряд досадных неточностей допущен авторами и в описании коллекции, собранной К.Синроку. Так, здесь ими выделяются 5 черешковых наконечников стрел. Однако на таблице 5 под номером 10 изображен наконечник не с черешковым, а прямым основанием. На стр.13 под номером 763-18 авторы отмечают в коллекции отщеп с режущим краем, на стр.19 под тем же номером - галечный отщеп, но на таблице 6 изображена, скорее всего,

заготовка орудия с многочисленными негативами от сколов-подправок.

Вторая часть книги посвящена описанию 9 памятников археологии, обследованных С.В.Горбуновым в мае 1991 г. и датированных, как обозначено в аннотации, "от эпохи неолита до палеометалла".

Однако в тексте на стр.27 - 28, посвященных проблеме первоначального заселения острова Монсрон, мне так и не удалось установить, к какой из трех предложенных версий больше всего склоняются авторы. Кроме того, сомнительной мне кажется и активное использование в научной монографии не специальной археологической и геологической, а библейско-мифологической терминологии. Согласитесь, странно читать о людях, "бежавших от потопа и поселившихся на северном берегу "последепотопного" голоценового Монерона". Тем более, что морская трансгрессия - явление не революционного, а эволюционного характера, от которой можно было и не "бежать".

Достаточно условной в интерпретации авторов является и датировка двух памятников - Усу и Усова. На стр.30 стоянка Усова датирована "временем до появления охотской культуры, то есть первой половиной I тыс. до н.э.". Но уже на стр.31 стоянка Усова так же, как и стоянка "у телеграфной станции" вписывается в рамки I тыс. до н.э. - нач. I тыс. н.э., то есть раннего этана охотской культуры. Не совсем корректным является и отнесение этих памятников "к периоду эпидземон", что является слишком обобщенным термином, охватывающим достаточно длительный период в древней истории Хоккайдо. Японские исследователи называют период рубежа веков термином "дзокудземон" - эпоха раннего железного века, которой и следует датировать стоянки "Река Усова" и "Телеграфная станция".

Перед собой авторы поставили задачу "впервые в отечественной литературе дать описание археологических памятников о.Монерон". Не ставя целью выяснение прав первой публикации археологических материалов, хочу отметить, что в ходе подготовки книги, мной и в соавторстве с коллегами по археологической лаборатории ЮСГПИ были опубликованы несколько статей о древностях Монсрона, где была предложена современная схема названий памятников археологии острова. В книге С.В.Горбунова и М.М.Прокофьева используется, в основном, японская топонимика, давно вышедшая из употребления и мало известная даже подготовленному читателю. Тем более, если авторы и решили следовать этой схеме, то почему стоянки в бухте Кологераса не назвали "Томарисара - 1, 2", а связали их с современным топонимом этой местности? В результате система названий памятников получилась настолько сложной, что сами авторы порой путаются в ней.

Например, на стр.32 пишется о том, что Кимура Синроку говорит о двух памятниках в районе пос.Китакотан; авторами им дано название "Китакотан-1" (участок Миядзэки Эйджиро) и "Китакотан-2" (участок N 10). Но уже на стр.50 авторы пишут, что "Китакотан-2" открыт в 1991 г. клубом "Абориген". Это разногласие, на мой взгляд, вызвано тем, что авторы игнорируют приведенные Т.Нийока и Х.Утагава данные о находках на участке N 10 керамики с шнуровыми оттисками, которых на открытой С.В.Горбуновым айнской стоянке нет. Кроме того, на опубликованной Т.Нийока и Х.Утагава карте достаточно четко показано расположение участка N 10. находящегося между двумя мысами, ограничивающими территорию поселка Китакотан, тогда как найденная клубом "Абориген" айнская стоянка находится несколько южнее. Т.е. стоянка "Китакотан-2" (по К.Синроку) находится на южной периферии стоянки "Китакотан-1", что подтверждается и археологическим материалом.

Такая же путаница произошла и со стоянкой Усу Авторы сгуют на то, что на плане Т.Нийока и Х.Утагава ее местонахождение обозначено неточно (стр.31). Они оперируют названием "местности Оодзаки" ("Большой каменный мыс"), находящейся в северной части бухты Чупрова, где обнаружен памятник в районе телеграфной станции. Он был идентифицирован как Усу по наличию керамики с веревочным орнаментом. Авторы подвели неточность перевода и незнание традиционной японской практики давать название не только по местности, но и по имени владельца. Поэтому "местность Оодзаки" следует читать, как "участок Оодзаки" и искать её на левом берегу второго от ковша ручья, где 26 июля 1934 г. Кимура Синроку нашел маленькую раковинную кучу, керамику с шнуровым орнаментом и каменные орудия (Т.Нийока, Х.Утагава. С. 79). Обнаруженная в 1991 г. айнская стоянка "Минамиусу-2" находится на правом берегу ручья.

Таким образом, производя ревизию памятников, найденных японцами на восточном побережье Монсрона. С.В.Горбунов впервые обнаружил три совершенно неизвестных археологических объекта - в районе телеграфной станции и две айнских стоянки.

Продолжая тему наименований памятников, хочется также выразить несогласие по поводу целесообразности названия целой серии стоянок топонимом "Минамиусу". Можно понять Кимура С. и Ито Н, давших стоянке, расположенной в южной части залива Усу, название "Южная Усу". Но почему этим же именем С.В.Горбуновым и М.М. Прокофьевым названы объекты, расположенные западнее? Может быть, им больше подошло бы название "Нисиусу" - "Западная Усу"? Мне непонятно это жонглирование топонимом, очевидно понравившимся авторам. Непонятна и привязка этих памятников к "Котловине Китакотан" (стр.57), расположенной южнее. Этих досадных неувязок можно было бы избежать, если бы авторы взяли за основу современные русские топонимы, к тому же появившиеся на карте Монсрона раньше японских. Кроме того, хочется пожелать единообразного и правильного написания японских топонимов: на стр.12 поселок в районе маяка назван Комодзава, на табл.1-Комомедзава, может быть, все-таки правильно Камомедзава - "Ущелье чаек" ?

Большинство планов археологических памятников в книге выполнено очень условно. Сечение горизонталей через 10 м, как правило, не отражает особенностей микрорельефа на небольших по площади стоянках. Расхождение в ориентации береговых линии, ручьев достигает 30-40 градусов; на планах, как правило, занижено расстояние от памятника до берега моря. В описаниях стоянок отсутствуют высотные привязки.

В тексте отмечены расхождения в ссылках на иллюстративный материал. Например, на стр.33 план стоянки "Китакотан - I" обозначен на табл. 20 вместо табл.18., на стр.47 рисунок I обозначен под номером 3, на стр.56 рисунок в таблице 66 значится в таблице 68 и так далее.

Будучи полностью солидарным с авторами в затронутом ими вопросе о необходимости сохранения "памятников японского периода", хочу уточнить, что маяк на острове Монсрон не японской, как считают С. В.Горбунов и М.М. Прокофьев, а отечественной постройки. Новая маячная башня была установлена на месте японской в 1963 г.

В заключение хочется поблагодарить авторов за публикацию уникальных фондовых материалов и артефактов, полученных в ходе полевых исследований, пожелать им успехов в дальнейших изысканиях и издания новых книг, сделанных не в "авторской редакции", а на высоком профессиональном уровне.